

25-го августа 1929 г.

41-42

25-го сепня 1929 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 2-ой

РІК ВИДАННЯ 2-ий

М. БИТИНСЬКИЙ

О Г Л А В Л Е Н И Е

1. Александр Пивень: Козача Рада.
 2. Андрей Савицкий: В плавнях.
 3. Любовь Самсонова: Ветровая погудка. Стихи.
 4. Борис Кундрюцков: Ты — женщина. (Этюд).
 5. П. Крюков: Кужонок.
 6. Ф. Полковников: Записки из жизни Макара Пощечина.
 7. А. Гейман: „Дешевый опыт“.
 8. Д.м. Ив. Воротынский: Без креста.
 9. С. Савицкий: Булава. Стихи.
 10. С. Савицкий: ** Стихи.
-
11. Генералу А. П. Богаевскому.
 12. И. Билый: Александр Ефимович Пивень.
 13. Д. Вернигора: Зносини України і Дону в минулому.
 14. П. И. Кокунько: Я. Г. Кухаренко и переселение Черноморцев за Кубань.
 15. Инж. В. Бейсуг: Новороссийск и его экономическое значение.
 16. А. Николаев: История одной авантюры.
 17. Карпушкин: „Сказка“.
 18. Думы и мысли
 19. Международная жизнь.
 20. Казачья эмиграция.
 21. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Югославия. — Г. М. — Спасибі, брате, за підтримку. Вітаємо всіх братів-козаків!

Франция. — М. С. — Письмо получено. Спасибо за доброе слово. Подписную плату можно прислать в письме.

Франция. — М. — Получено. Журнал посылается. Спасибо.

Скопле. — И. Л. — Получено. Просьба исполнена. Привет.

Подобряды. — М. Ч. — Спасибо за доброе слово.

Польша. — Группе куб. инженеров. Искреннее спасибо за поддержку. Будем держать, если будете помогать и впредь. Привет.

Загреб. — В. К. — Правда, что друзья познаются в трудные минуты. Идея не умрет: песня В. К. только начинается. Ее уже никто и ничто не заглушит. А если будем дружны, то тем более. Привет!

София. — П. Н. — Вам и всем вольным казакам — искреннее спасибо за поддержку. Ваш протест — лишнее доказательство того, что дело В. К. принадлежит всем казакам. Будем беречь и защищать „В. К.“ общими силами! Привет!

Румыния. — В. Е. — Сердечное спасибо за поддержку. Ваше письмо — лучший ответ всем противникам В. К. тайным и явным. „В. К.“ будет. А Вам и всем казакам — привет!

Франция. — С. М. — Хорошо работать, когда есть не только сотрудники, но и друзья: не страшны тогда „ни скалы, ни тайные мели“... Всем спасибо и привет!

Югославия. — А. П. — Получено. Спасибо большое за искреннее и хорошее слово. Выздоровляйте и Вы да исполните то, что задумали: не забудут Вас казаки и спасибо скажут. Привет.

Виши. — Ф. Е. — „Ответ“ оставьте у себя. Журнал послан. Привет.

Франция. — Д. С. — Добре!

Загреб. — Ф. П. — Получено. Ответ будет. Привет.

Злин. — В. О. — Получено. Привет.

Румыния. — Е. Е. „Побег“ пойдет в одном из следующих номеров. Привет!

Земун — П. К. — Исправлено. Привет.

Бразилия: — С. С. — Вірші, а так само і обидві фотографії получені. Вітаємо!

Албания. — К. — Получено. Привет.

Польша. — В. К. — Одержано. Вітаємо.

Перу. — Сотн. Ч. — Письмо получено. Журнал посылается. Привет всем казакам.

София. — Т. Л. — Получено. Ответ будет. Привет.

Болгария. — П. К. — Получено. Журнал посылается. Привет.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В РУМЫНИИ

В. П. Елисеев.

M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В ЮГОСЛАВИИ

Б. А. Кундрюцков. Београд, Кочина ул., 1.

F. G. Polkovnikov. Zagreb, Kuniščak, „Ruski dom“,
soba br. 9.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff.)

21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

НА ЮГЕ ФРАНЦИИ.

С. М. Makeев. (M-eur S. Makeeff.)

Le Grillon, Cagnes s/m, France.

— LES COSAQUES LIBRES —

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор И. А. Билый.

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Orlická, 8. Tchecoslovaquie.

№ 41—42

Прага, воскресенье 25-го августа 1929 г.

№ 41—42

Олександр Півень (М. Забігайло).
(Югославия).

КОЗАЧА РАДА.

(Из поэмы. Картины из жизни козаків на Кубані).

Из гл. 1.
Кубань річка
Невеличка,
Як із гір збігає;
Там горами
Та лісами
Вона протікає;
Далі — ширше,
Стає більше,
Не так колобродить;
В кінці тихо,
Без поміхи,
До моря доходить.
Тече Кубань
По берегам
Прямо в Чорне море;
По Кубані
Пісок, плавні,
А там — видно гори;
Гори, ліса —
Божа краса
Для рідного краю;
Хто там бував,
Той все видав
І все теє знає.
За Кубанью
Дуже гарно,
Куди не заглянеш:
Краса, диво,
Серцю мило, —
Задивися й станеш!
Кругом краса
І чудеса, —
Що ж воно за сила,
Що в цім краю,
Мов у раю,
Красоту зробила?
То работа
І забота
Божої природи.
Що трудилась,
Не лінилась,
Сипала щедроти;
Що водою
Сніговою
Річка поробила;
Що горами
Та лісами
Край обогатила;

Риби в річках,
Звіря в лісах
Придбала до-волі;
Силу добра
Кругом дала,
На горах і в полі.
День настане,
Сонце встане,
По небові ходить;
Всі красоти,
Мов би золотом,
Візьме — позолотить;
Віковою
Красотою
Все стоїть та сяє,
Мов у ямі
Понарама,
Душу звеселяє...

Из гл. 3.

Тече Кубань
По берегам,
Візьме — розільється;
Несе воду,
Робить шкоду,
Хго не вбережеться.
По Кубані
Пісок, плавні
Скрізь верба покрила;
Міста гарні,
Тільки марно
Пустують без діла;
Бо що-году
Сюди воду
Наганяє з річки;
І все чисто
В воді місто,
Пісок і вербицьки.
Комарь грає,
Та кусає
Тут людей, скотину;
Корчій ходе,
Людей зведе, —
Кладе в домовину.
Тут ні жисті,
Ні користі
Нема чоловіку;
Колись буде,
Діждуть люде,

Може й в цьому віку,
Як онуки
Од науки
Розуму достануть,
То болота
Ригнуть золотом
І в користь їм стануть.
За вербами,
За плавнями,
Кругом на просторі,
Стоять ліса,
Місту краса,
А за ними — гори;
Сперва — менші,
Далі — більші,
Верхи піднімають,
Мов би ростуть,
Угору йдуть,
Неба досягають...

Из гл. 4.

Кубань бистра
Робить чисто, —
Усе підбирає;
Що попала,
Потаскала,
Назад не вертає.
По Кубані
Зліва плавні
Та куці вербиці,
А направо
Стоять браві,
Багаті станиці.
Тут іздавна
Живуть справно
Наші Чорноморці;
Хлібець снює,
Багатіють
Козаки-молоді.
Хоч і голий
Степ просторий,
Ні краси, ні дива,
Зате з краю
Аж до краю
Скрізь багаті жнива.
Од Кубані
Все степами,
Аж до Єї-річки,
Сама нива

Коло ниви
Святої пшевички.
Не скрасила
Божа сила
Горами й лісами,
Так що-году
Для нараду
Укрива снопами,
Краще дива,
Як та нива,
Козаку й не треба:
Хлібець спіє,
Колос зріє —
Благодать із неба!
Не пудами,
А ходами
Козак зерно возить;
Не у жмені,
А в кишені
Грошенята носить.
На що гори,
Ліс і море
Козакові нужні,
Коли в його
І без того
Не буває нужди.
Бо він літом
Святим хлібом
Що-году багатий;
Добра вволю
Є на дворі
І повно у хаті;
І без нужди
Син для служби
Справний і одитий:
Прийде время.
Ногу в стрема —
Сяде тай поїде...

Из гл. 5.

Невеличка
Кубань-річка,
Як з гір витікає;
Днем і ноччу
Берег точе
І русло міняє.
Між горами,
Між лісами
Там стоять станиці,

Котрі здавна
Дуже справно
Берегли гряниці;
Воювали,
Гори брали,
Голови складали;
Чи багато ж
Наші брати
Там добра достали?
Чи хліб сіють,
Багатіють
Їх сини й онуки?
Чи достали
Щастя й слави
За батьківські муки?
Ні, як видно,
Незавидна
Там козацька доля;
Єсть там гори,
Ліс і море,
Та немає поля.
Нема долі
Козакові,
Нема там і щастя;
День з бідною,
Хліб з водою,
А там — як удасться.
Прийшли злидні
Там на три-дні,
А на-вік засіли;
Хоче вигнать
Козак злидні,
Та немає сили...

Із гл. 6.

Чого ж бідно,
Незавидно
Живуть Закубанці?
Чи не вміють
Хліба сіять,
Уставать у ранці?
Нема вдачі,
Чи ледачі
На важку роботу,
Щоб робити
Усе літо
На степу до поту?
Так спитає,
Хто не знає,
Як отам живеться;
Як з гіркою
Там нуждою
Бідний козак б'ється.
Усі вміють

Хліб там сіять,
Та немає міста:
Гори, камні,
Ліса, плавні, —
Все земля нечиста,
Лісу хвате
Зробить хату,
Нігде взять пшениці;
Тим-то бідні
И незавидні
Там стоять станиці.
Батьки й діти
Усе літо
Бьються там з нуждою;
Прийде зима,
Ще гірш нема
Нікому покою;
В лісу усяк
Сидить козак
Сокирою цюка;
Навстоячки,
Навсидячки,
Рубає та стука;
Зиму цілу
На всю силу
Робить до загиби;
Стануть руки,
Як два дрюки, —
Не розведе й спину;
Нарубає,
Наскладає
Лісу цілу кучу,
Тільки знає,
Що до-краю
Сам себе замучив.
А весною
Знов покою
Нема козакові:
Треба той ліс
Класти на віз,
Зароблять цілкові;
Треба рушать
Купців шукать
У далеких місті;
Коли верстов
Проїхать сто,
А коли і двісті.
Чи то ж козак,
Що як чумақ
Все літо в дорозі?
Чи то ж добро,
Коли воно
Чисто все на возі?
Чи то життя,
Що без пуття

Козак з лихом б'ється
То на возі,
То під возом
Днем и ночью гнеться?
Вибачайте,
Та не лайте:
Хоч слава й козака,
А жисть така,
Нудна й гірка,
Не людська — собача!

Із гл. 8.

Біжить Кубань
Аж у Тамань
Верстов може з триста;
Воду крутить,
Пісок мутить
І не бува чиста.
Більше ста літ
Отак біжить
Під Катериндаром!
Пройшов не рік
А цілий вік
Для неї не даром.
Як би вміла
Ї хвиля
Розмовляти мову,
Що видала
Росказала-б
Краще мого слова.
Тільки біда,
Що та вода
Балакать не вміє:
Щось хлюпоче,
Сказать хоче, —
Хто ж те зрозуміє?
А багато
Можна б знати,
Що Кубань видала:
Як те військо
Запорізьке
Отут зустрічала;
Як усатих
Та чубатих
Козаків із Січі
Тут уздріла
І гляділа
Прямо їм у вічі;
Як Чепіга,
Сава Білий,
Антін Головатий
З війсьом прийшли
Та й зачали
Край наш заселяти.

Од Тамані
По Кубані
Ішли піонери;
Все шукали,
Розглядали
Для оселі берег.
Ішли тихо
Не на лихо,
А на добре діло;
Розглядали,
Та співали,
Аж серденько мліло:
„Ой годі нам
Журитися,
Пора перестати;
Заслужили
Ми в цариці
За службу заплати;
Дала хліб-сіль,
Ще й грамоти
За вірній служби;
Тепер уже,
Милі браття,
Забудем всі нужди.

Так співали,
Вимовляли
Вояки чубаті,
Бо й на співи,
Як на діло,
Всі були завзяті.
Між лісами,
Комишами
Тут кіш збудувати;
Кордонами.
Бекетами
Область оснували;
Скрізь стояли,
Виглядали
Пушки та гармати,
Щоб ворогів
З усіх країв
Добре одганяти.
По всій землі
Із куренів
Робили станиці;
І всі справно
Та щей славно
Берегли гряниці.
Не жаліли
Душі й тіла,
Вірно всі служили,
Щоб їх діти
На цім світі
Жили — де тужили...

Андрей Савицкий. (Югославия).

В плавнях.

(Із записок партизана).

... Плавни! Кто знает наши Темрюкские плавни! Исторические места, вроде одесских катакомб, места, где последовательно скрывались красные, „белые“ опять красные, опять „белые“, потом зеленые.

Кто передаст их красоту? Это зеркало вод, неподвижный камыш. И, однако, все таки сидеть в них — мученье. Время летнее надвигается, а комаров тучи. Одно спасенье — ночь.

Лица у нас обмазаны глиной, в руках винтовки, здесь же в камыше острая небольшая „байдарка“. Мой друг учитель К. и я.

У нас патроны, бутыл со спиртягой, конечно, и затрепанная книга Тараса Шевченка. Учитель смотрит на лунное небо и говорит: „У нас с вами выхода нет. Одно осталось — надо биться“.

Я знаю это. Но, что скажет человек с воли. Тот,

который мне вчера назначил свидание тремя понятными словами.

Он пришел. Мы с учителем наострили уши. Говорил он долго. Картина получилась такая: Таманский отдел занят красными плотно, российская интеллигенция, в лице городских служащих, настроена панически, кое-кто примазывается в ударном порядке. Среди казачества настроение такое, что говорит о восстании рановато. Не изжиты еще воспоминания о восстаниях недавних... Казачество ненавидит пришлую, чужую власть... Но и не надо забывать, что Казачьи Земли буквально залиты сейчас отборными коммунистическими частями.

„И все таки наша борьба не будет Дон-Кихотством“ сказал медленно учитель, смотря в глаза. Мы пожали друг другу руки.

Мы стали подсчитывать свои силы, обитателей

плавней. Элемент здесь был разный. Были «одиночки», избегавшие встреч, были такие, на лицах которых было написано: «эх, как нибудь пересидеть, а потом может быть, как нибудь, где нибудь».

Бойцов мы насчитывали до 40 человек — казаков, верных и буквально рвущихся в бой. Но, не надо забывать, что это было только на небольшом нашем участке, зеленое же поле тянулось далеко и возможно, что мы нашли бы там много друзей. Трудновато было наладить связь и иметь подробную, столь необходимую информацию.

Из боевой группы казаков, руководимой урядником Петром, пришел к нам делегат, восемнадцатилетний сын урядника Степа. «Господин сотник — обратился он ко мне — батько вчора піймали москальського шпіона. Просьба вас і учителя прийти прозвести дознание».

Я иду с учителем. Розовое небо смеется в зеркалах воды. Покой и мир. Воздух весенний, незабываемый. Узкая тропинка, как змея крутится. Подошли к воде. Никого. Мы свиснули. Из воды вылезает голый казак, во рту у него длинный камыш. «Речной царь». — «Не глибоко». Мы идем по воде. Небольшой островок. Огромное дуллистое дерево посредине. Нижние ветки чуть шевелятся. Замаскированная землянка. Спускаемся. Комната. Встает с пола женщина. Жена урядника. «Милости прошу». Садимся, пьем чай (о роскошь!).

Урядник Петро, широкоплечий, приветливый красавец выходит к нам из другой «комнаты». Степенно пьем чай и даже с маковыми коржиками.

«Шпіон-чекіст, говорит урядник, «трошки його пом'яли але навар з него хороший. Збираються більшовики чистити плавні. Степан!» Но сын уже метнулся в другую комнату и с торжеством втолкнул к нам связанного по рукам молодца в чекистской форме с бойким, российским лицом ярославца.

Допрос чекиста дал исчерпывающую картину. Красное командование сосредоточило в Темрюке большие силы пехоты и конницы. Предполагалось пустить в плавни удушливые газы. Во главе этой карательной экспедиции стоял некто Рура. Это был бывший командир отряда красно-зеленых, в эпоху Деникина скрывавшийся в плавнях. Он знал их, он основательно изучил все наши норы и лазейки. Дня наступления на плавни чекист не мог назвать. Это вполне правдоподобно — ведь он мелкая сошка.

Простившись с хозяином и назначив следующую встречу завтра в три часа на сборном пункте, куда соберутся все казаки, я вышел. Мгновенно сложился план. Эти сведения надо проверить. Я иду в красный Темрюк, в наш и не свой. Мой друг учитель чуть нахмурился: «да, но, пожалуй, если это необходимо, быть может я бы пошел».

Это уж слишком. Учителя знали все. Я же молодой офицер, имел сравнительно мало знакомых. «Но, все же, конечно, читал мои мысли учитель, знаете, кого не нужно того и встретите.»

Иду! Остался позади друг, бегут плавни, тускнеет вдали гора, известная под названием весьма странным — Фигура.

Как я приблизился к городу, как очутился в городском саду вечером, об этом я не расскажу, это пожалуй заинтересует р'яных слуг московской диктатуры, обслуживающих Кубанское Г. П. У., что не входит в рамки настоящего рассказа.

Я был в военном. И едва я с наслаждением откинулся на скамейку в тенистой и темной (вот то прелесть!) алее, как на главной дорожке показались три фигуры, олицетворяющие власть в старом, казачьем городе.

Это был высокий, плечистый царский унтер-офицер

Рура, стройный эстонец Гитис (Гап) и председатель ЧК, толстая обрюзгая фигура — Квашинин, раньше служивший филером в московском охранном отделении.

С приходом начальства закипело веселье. Со всех сторон появились коммунистические девы в алых косынках, кавалеры чекисты и щеголевато одетые молодцы в «хаки». Невидимый оркестр грянул неизбежный интернационал. Я не видел ни одного казачьего лица.

«Вы, товарищ, тоже из Тамбова? — спросила вдруг меня одна коммунистическая дева со следами известной болезни на запудренном лице.

Я приветливо улыбнулся. Мои документы были столь же современные, как ясен был недуг этой весьма забраккованной феи. «Нет, я месный».

— «А я думала вы курсант, они такие славные товарищи».

Начался глупенький разговор, во время которого я узнал легко и просто, что в карательную экспедицию входят тамбовские курсанты, среди которых есть жених ее Миша Яновский*), за которого она страшно боится, так как завтра ночью сами знаете, что будет (только тише), а эти зеленые казаки, такие звери, стреляют во всех.

В общем я едва отделался от нее, ведь разговор уже принял иную фазу, она стала зондировать меня, а я, зная, что российские коммунистки умело совмещают функции уличных дев с функциями сыщиц, отправился разыскивать моего тоже «друга» и очутился через час в плавнях.

Да, это не была война! Охота на людей. Бешенная, беспощадная. Облако удушливого газа ползло по плавням, не причиняя вреда принявшим меры казакам. Через полчаса показались темные цепи людей. Блестели штыки.

Несмотря на наш неожиданный огонь, на то, что они гибли сотнями, цепи все увеличивались и росли, как д'явольская сила — их было две дивизии.

Сила солому ломит. Больно писать, чувствовать это. А как ведь дрались казаки!.. Утро было серое с золотым. Я лежал у ивы. Глаза то открывались, то закрывались. Липкая холодная рука тронула мою шею. «Ты будешь жить, поклонись же всем кубанцам», шептал мне голос учителя, «скажи им за вольность казачью, за вільне козацтво».

С трудом я посмотрел на него. Кровь заливала его белую рубашку, он лежал рядом со мной и тонкое лицо его улыбалось последней мечте. Что-то черное наклонилось над ним. Какая то вуаль задернула мое лицо. Сколько я пролежал, так и не знаю. Опять пришла ночь... Я пополз к воде, приподнялся на локте, слушая. Какой-то шум пробежал по плавням. Оживали они. Слышались стоны. Крик «Степа» и ответное «батько, мама», Да, есть еще живые.

Шуршит высокий камыш. В отравленном воздухе ползет тихий стон...

С трудом я пополз по плавням. И какая радость золотая залила душу, когда я увидел живого Степу, его отца и двух казаков. Казачество неистребимо. Казачество — живая идея вольности и борьба с кровавыми тиранами севера.

На окровавленной родной земле, в зарослях камыша, истоптанного тяжелыми солдатскими сапогами, я слышал дыхание векового сердца свободолюбивого казачьего народа... Этого нигде, никогда забыть нельзя.

*) Пишу настоящую фамилию, так как этот курсант и его возлюбленная представлены к ордену красного знамени за борьбу с зеленым казачеством.

От редакции: в сентябре месяце журнал „В. К.“ выйдет (как и в прошлом году) один раз в месяц — 25 сентября — двойным номером.

Любовь Самсонова.
(Прага).

ВЕТРОВАЯ ПОГУДКА.

Мне ветры степные напели
Печальную песню.
Стонали свирелью —
Им степь была тесной.
Неслись быстролетом
Ветровые кони, —
Скакали наметом
В незримой погоне.
Круглилися тучи,
Как конские груди,
В воздушные кручи
Шли приступом люди.
Воздушные воины с ветром
Сшибались...
Перистые тучки полками
Стекались...
Вот к бою запела труба,
Пронзительно взвизгнули ветры
И гонят назад облака...
И дрогнула белая сила
И кинулась к северу вскачь,
Печально их трубы завывли
Их горестно скорбен был плач.
И яростно ветры взрыдали,
Рубили бегущих трусов
И вмиг облака разметали —
Не стало воздушных бойцов.
По небу плывут одиноко
Рука, голова в шишаке,
Меч, щит рассеченный глубоко,
Копье в отсеченной руке...
Перистою дымкой пропали...
И ветер, сучая, летит,
Ищет, тоскуя, забавы,
В уши мне тонко дудит.
Играет на ветровой дудке,
Ветровую песню поет,
А слов в его звонкой погудке
Никто, никогда не поймет.

Борис Кундрюцков.
(Белград).

ТЫ — ЖЕНЩИНА...

(Этюд).

Безгласный, покоренный,
Старинный Рим у ног его лежал...
И победитель сам, победою смущенный,
Его красе невиданной внимал...
Шли дикари Ордой своей могучей,
Порыв степной могло ли что сломить —
Болота ли, леса и воды, или кручи,
Их путь стремительный могли ли преградить?..
И Рим... у ног распластан пред Аттилой
И крики дикие затихли здесь на миг...
И, преклонясь пред мощью и пред силой,
Кочевник свой нахмурил смуглый лик...
Но, помнил, что... в скрипучей колыхаге
Бездумная, закутавшись в шелка
Лежала стройная... добыча всей отваги,
Роскошная добыча степняка...

..... Ты — дорога давно!

Корабль, крутясь, как вихрь, летел на скалы
И мачты сломаны и в клочьях паруса...
Хоть люди борются, но все уже устали,
И хриплые чуть слышны голоса...
И Атаман, глазами в скалы впившись,
Как будто в гибель верить не хотел,
И чья то тень в морских волнах родившись,
Их роковой подстерегла удел...

Бездумная, с зелеными глазами
Объятие открыла казаку,
И долго смерть, приветствуя, ночами
Лобзала труп на розовом песку...

..... Ты — ласкова давно.

Ты под землею в душном мрачном храме
Богиней кровожадною жила,
Вакханкою топила честь в бокале,
Гирлянды роз безжалостно рвала...
Монашенкой, принцессой и колдуньей
Вся-та-ж...

С бесстрашием далеких своих глаз
Ты на коне летела в новолунье,
Ко мне — на час...

..... Кто Ты, скажи?..

Твой лик многообразен,
В веках потеряно разгадки той звено..
Как вспомнить мне?..

Те-бя то-пил на-ш Ра-зи-н?!..... Ты — власт-
вуйешь давно.

— Ты — женщина.

П. Крюков. (Франция).

Кужонок.

Никогда не ощущал себя Тимофей Хоперсков, — „кужонок“, по уличному, — таким сильным, жизнерадостным и счастливым, как в этот прекрасный летний вечер, догравший в вышине бездонного голубого небосклона кроваво-золотистыми, жемчужными искрами. Пурпурно-фиолетовые облака, лукаво подсмеиваясь над ликующим Хоперсковым, таяли в легком вечернем сумраке, подобно волшебной мечте, снова возрождались и снова исчезали, как легкий кизичный дымок из

труб скромных куреней казачьего хутора, расположенного на берегу небольшой, грязной реченки Прорвы, заросшей ольхами, тополями, камышом и кугой.

Хоперсков чувствовал себя счастливейшим из смертных, да и не мудрено: ведь его сегодня позвала к себе „на-гости“ жалмерка Нюрка Забазнова, — настоящая жалмерка, у которой муж вот уже пятый год на службе, — кончал „действительную“, а тут подвернулась война с германцем, ну, его в первую голову на фронт!

Как это могло случиться? Хоперсков по несколько раз вспоминал свою встречу с Нюркой и каждый раз с видимым удовольствием крутил головой и тихонько смеялся.

— Диковинное дело, — думал Тимофей, торопливо шагая по левадам, плотным кольцом окаймлявшим хутор и речку. — Бывало что жалмерки на нашего брата и глядеть-то не хотели, а зараз, как мужья на фронте, да и „служилых“—то казаков почти не сыщешь, так они рады и „малолеткам“!...

То-то гулящее это бабье!

И он снова тихо смеялся и крутил головой.

Вечерние сумерки все сгущались. Давно угасли последние лучи жаркого степного солнца. Облака из пурпурно-фиалетовых превратились в грозные, черные фантастические чудовища, непрестанно изменяющие свои разнообразные очертания. Над хутором постепенно замолкал шум и гам вернувшегося с поля скота и уже кое-где стали вспыхивать неуверенные в поддержке голоса молодежи и звенеть отрывки веселых песен.

Тимофей Хоперсков снял тяжелые пыльные чирики и, шлепая босыми ногами по грязи, перешел топкую лужу, которая пересекала ему дорогу к леваде Забазновых.

Перед ним еще раз мелькнул образ Нюрки со смуглым, задорно смеющимся лицом и черными, горящими как у кошки, глазами.

— Как у ведьмы глаза... — подумал Хоперсков и испугался, но тут в его ушах прозвенел страстный шепот Нюрки, которым она приглашала его „на-гости“: желанный мой!... Тима!...

Хоперсков, неожиданным для самого себя, резким движением руки сбил фуражку набекрень, что называется „до отказа“, хотя она у него и так просто каким-то чудом держалась на голове над ухом, и смело двинулся вперед, на ходу обуывая чирики на грязные ноги.

В темноте перед Тимофеем мелькнул серый силуэт какой-то закутанной фигуры и сердце у него учащенно забилось: она!

Быстрыми, неслышными шагами подошел он к ней и громким шепотом окликнул: Нюра!

— Тима!... Желанный мой!... Пришел, — и перед глазами Хоперскова жутким страстным блеском сверкнули глаза молодой жалмерки.

Неизведанное до того чувство страсти всецело обуяло молодого казака и он, порывисто обхватив сильными руками нежный стан казачки, сухими, горячими губами отыскал в темноте ее губы и впился в них долгим, опьяняющим поцелуем.

Хоперсков не был пьян, но, возвращаясь домой, шатался как пьяный и в голове у него кружилось. Время от времени он останавливался, рассеянно сплевывал сквозь зубы и, покачивая головой, бормотал:

— Ну и дела-а!... Аж страшно подумать!

Он сладко поеживался, все еще ощущая на своем лице пламенные поцелуи чужой жены.

Где-то далеко, в середине хутора, звенели песни и слышались смех и взвизгивания молодежи.

— Пойти туда что-ль? — подумал Тимофей и уже было повернулся в ту сторону, откуда неслись песни, но потом, вдруг, махнул рукой и направился к дому.

Волна полного счастья и блаженства охватила его и он, вздохнув полной грудью, затаил „стариковскую“ песню:

„Веселая разбеседушка,

Где батенька пьет“.

Протяжные звуки песни зарезвились, запрыгали над засыпающим хутором; рванулись куда-то в высь в темное, жуткое небо, усыпанное бриллиантами звезд, звонким эхом разбежались над садами и левадами и замерли где-то далеко, далеко в притихнувшей под ночным сумраком степи.

Ф. Полковников. (Загреб).

Записки из жизни Макара Пощечина.

Имя у меня, как сами изволите видеть, не салонное. Как его не крути, как не переводи — все Макара, да Макара.

Много у меня было всяческих неприятностей. Дулся я, дулся на своего батюшку и на свою матушку, что нарекли меня так, а потом и плюнул — не в магометанство же переводиться в самом деле — и красиво было бы — Мокко, прямо шейх исламский, да душа не налегает в иноземство переходить — неприятность одна...

Бывало, попадешь в приличное общество, дамы такие важные и, сами знаете, — любят красоту, изящество всякое, просвещеннейшие дамы, не то, что по кабакам, да трактирам — вертхивостки недобротельные, им хоть Самоваром представься — все единственно... Так вот и не знает благородная и невинная женщина как тебя назвать. Ивану-то хорошо, скажут так это томно: „Жан, а Жан!“ и даме приятно и Ванька совсем себя Версальским принцем чувствует, так доволен, аж раскалывается от счастья...

А мой родитель, царствие ему небесное, не предучел этого. И чего я не родился годов пятьсот тому назад, тогда и князья были с такими именами?... Да и куда дальше-то идти...

Ведь теперь прямо срам — бабка Петра Великого — Марфа, он и шведов разбил и под Полтавой три пули в него попало и герой какой большой, — Россию, можно сказать, всю возвеличил, а бабка — Марфа, срам да и только.

... Ну вот, пошли это мы компанией гулять. Красота: поля, цветы...

Ну, конечно, каждый из кавалеров прямо разрывается... и о Блоке, и о Пушкине, один и Шекспира подпустил, стал романсы насвистывать...

Я в ту пору влюблен был в одну.. Идем мы с нею рядышком, я это норовлю, что-бы отстать, а она, такая непонятная, а авансы будто дает, как посмотрит на меня — я так и загорюсь, так и загорюсь.

И вот идем мы это так и всякими пустяками, разговор общий поддерживаем. Я и забыл, что меня Макаром зовут, она все „Вы“, да „Вы“... Вижу что люблю меня, что не хочет обидеть и Макаром; не называет... Мне прямо больно стало и в груди затомило от признательности, так и подмывает — упаду прямо на колени и во всем признаюсь: „Люблю, скажу, — идем под венец, идем к Заплавскому попу, недалеко — верстов пять до него, оженимся и все.“

Тут, добро, компания вперед ушла и мы вдвоем идем.

Только это я подумал, а она срывает своими пальчиками василек: „Дайте, я Вам в петличку... со значением! И не мог я дальше... как побежали у меня круги в глазах, — все разноцветные, да все сходятся и расходятся, а в сердце запищало как на дудке...“

Я и бух на коленки, да прямо попал на репейники, и хотел подумать, что больно ушибся, да некогда было, да и совестно стало в такой, можно сказать, ответственный момент о репяхах размышлять...

А она, — голубка моя невинная, солнышко мое майское, стоит как свечечка и улыбочка такая отроческая, отроческая...

„Люблю!“ говорю я „Вас, девица моя желанная, коли есть у Вас охота — идемте к Заплавскому попу...“ И вижу я, на щеках ее согласие — покраснелись, как помидорчик спеленький...

И говорю я: — „будьте Вы — супружница моя законная, — не будь я Пощечин... Макара!“

И зачем я сказал имя свое — сам не знаю, в пафосе, значит, был.

Как выпрямятся она, как стукнет каблучком своим: „Макар, Макар... не пойду за Макара, перед всеми срамиться? что я ближайшим родственникам своим скажу?...”

И побежала она от меня злющая, злющая...

И встал я, не знаю как...

„Эх, Макар, Макар — репяхи хихикали — Макар!...”

А. Гейман. (Югославия).

„Дешевый опыт“.

(Кубанская старина).

Почти неожиданно, без предварительной подготовки и необходимой тренировки, после спокойной, зимней, обычной полковой жизни и занятий, 1-й Урупский полк в 1889 году, 1-го апреля, был двинут походным порядком из Майкопа на Кубани в Чугуев, для сформирования 2-й Сводной (два донских полка и еще 1-й Волжский Терского Войска) казачьей дивизии.

Здесь, отбыв до 1-го сентября лагерный сбор, после двух недель сборов и подготовок, — 15 сентября прибыл уже по железной дороге (от Харькова) в свою новую штаб-квартиру — Каменец-Подольск.

Полк долгие годы мирно стоял в гор. Майкопе. В строю было много молодых, 4—5 летних лошадей, едва за зиму подезженных. Весна выпала сырая с дождями, на походе грязь, а часто уже в пределах России и талый снег. Поход совершался строго по маршруту: два дня марша — дневка, три дня марша — дневка. День еще короток, иногда приходилось прибывать на ночлег в сумерках. Едва успевали замочь и почистить лошадей. Высушить потники не было никакой возможности. Непромерзшая еще дорога, или талый снег резали коням, ноги. Переменный корм, иногда сено из болотных, кислых трав; ячмень, к которому кони не привыкли, после обычного кубанского овса и не пережевывали его, а молодые и вовсе от него отказывались; переменная вода, часто очень плохая, непрерывный поход, почти два месяца, — разумеется, все это сильно отразилось на конском составе полка. В строю оказалось много садненных и с забитыми ногами лошадей. Все лошади сильно спали с тела. И вот налетело начальство. Разнесло полк в пух и дребезги, а что страшней всего, — забракowało в полку шестьсот лошадей и приказало немедленно заменить всех другими. Полетели доносы в Петербург, оттуда в Войска распоряжения.

Что же! Покряхтели старики, покряхтели, а лошадей сынам опять купили и Войсковое начальство несколькими эшелонами, уже поездом отправило их в Каменец-Подольск. На запрос из Петербурга — как прошла такая экстренная и необычная закупка лошадей в Майкопском отделе — Наказный Атаман всеподданнейше доносил, что казаки не только материально, но и кровью своею и детей своих с радостью готовы принести в жертву, чтобы доказать ревность и все иное прочее, как в таких случаях полагается. А назначенный вскоре новый командир полка — полковник Вышеславцев уже в сентябре 1890 года, по возвращении полка с общего кавалерийского сбора до м. „Меджибожь“ и участия в больших Волыньских маневрах двух округов, и из этих 600 новых лошадей сбралковал половину и на полковые суммы купил казакам новых. Разумеется, долг этот опять покрыли старики.

Вероятно был сделан опыт: „что можно сделать с казачьей конницей“, а вышел другой опыт: „что можно проделать над казаками и без расходов для казны“.

Так вот, шел этот полк где то на юге по маршруту, спеша придти заранее, чтобы лучше использовать предстоящую дневку в одном из небольших степных городов. Пришли рано. Развели по квартирам. В городе завтра ярмарка. Убрав коней, почистившись и помывшись, многие казаки отправились после обеда на ярмарку. Ну, разумеется, ярмарка как ярмарка. Шум, веселье, народу великое множество. Всякие качели, карусели, игры и все такое.

Между прочим, в одном месте собрал большую толпу деревянный турок, машинка. Турок сидел на деревянной площадке и качал головой. Нужно было вло-

жить турку в рот серебрянный гривенник, затем изо всей силы ударить турка по голове сверху кулаком. От удара голова пряталась в плечи и если пряталась по глаза, то вылазила оттуда медленно, — изо рта выбрасывала гривенник обратно, а силач, нанесший такой удар, получал еще от хозяина-немца тут же пять рублей награды. Если же удар не загонял голову по глаза, то голова отскакивала назад быстро, показывала язык и хитро качалась. Гривенник оставался внутри куклы.

Много гривенников проглотил турок. Били силачи купцы, как известно, большие почитатели физической силы, но по глаза куклу в плечи еще никто не загнал. Огромная толпа вокруг смеялась и остряла.

В толпе стояли человек шесть и наших казаков, а против них с другой стороны турка — еще один. Этот был не большого роста, но широкий и какой то нескладный какак; он, широко расставил свои короткие ноги, засунул большие пальцы обоих здоровенных кулаков своих за пояс и, насупив брови, внимательно смотрел и, казалось изучал машину. Это был один из полковых кузнецов. Специальность его былаковка лошадей. Ничего другого ему не давали. В его несуразных руках всякая часть затвора винтовки или ломалась, или выпадала, но подкову он мог сделать за полчаса и в один нагрев.

Гарасько! а ну, вдарь ты! крикнул кто то из казаков. — А ну его, ишло поломаешь... — лениво ответил Гарасько. — Как! Что! — засуетились вдруг купцы... Вот этот! Как его звать? — Гараська. — Ну, а по батюшке? — Артемович. — Герасим Артемович! Отец родной, уважь, вдарь разок, мы платим, если что, взмолились купцы. Но Гарасько стоял спокойно и даже стал напирать спиной на толпу, повидимому желая протиснуться и уйти от греха.

Толпа затихла и с любопытством смотрела на Гараську. Вдруг, из за его локтя высунулось кругленькое, розовое личико со вздернутым носиком, в белом крахмаленном передничке и такой же розеткой на головке. Она положила ему на грудь ладошку и, заглядывая в глаза, вскричала: Вот етат? тюфяк та етат? Да он и по голове турку не попадет!

Раздался дружный взрыв смеха. Гарасько покосился на розовое личико, ступил решительно к турку, поплевал в пудовый кулак свой и ударил...

Раздался глухой звук... Голова ушла в плечи вся. Внутри турка что то щелкнуло, затем зло зашипело и замерло... голова обратно уже не выскочила. Толпа ахнула, а затем заревела от восторга. Немец бросился к своей машине — она оказалась разбитой.

— Герасим Артемович! — вспомнили вдруг купцы — где ты? Друг! Отзовись. Но Гарасько, пользуясь замешательством, уже далеко во все лопатки улепетывал к себе, в обоз. Там не возьмешь — думал Гарасько, уверенный, что за поломанного турка придется отвечать.

Увидя, что Гарасько хочет уйти купцы вскочили на свои дрожки и погнались за ним в погоню. Бедный Гарасько, увидя погоню, надал уже изо всех сил.

Наконец купцы его догнали, повезли в город и давай угощать. Каждый совал ему в карманы деньги и непременно просил выпить.

Через час Гарасько был уже пьян, но тут нашли его казаки и стали просить купцов отпустить Гараську на квартиру. С трудом упростили. Но тут вдруг заупрямился Гарасько: „Не хочу“. — „Да ковать коней нуж-

но!“. „Ничево, нонче днєвка...“ — „Да вахмистерского надо ковать! Голова! — „Ну, так бы и сказали. Тогда пошел!“ — „По коням!“ — „Скомандовал он вдруг. У Гараськи вдруг объявился дар слова и даже открылся фонтан красноречия. „Ну прощевайте, господа купцы. Спасибо. Ну, а немцу скажите, что это он по России народ морочить может, ну, а к нам в станицу Беслине-

евскую с турком своим и носа нихай не показывает, враз срасходуешь. Теперь должно на его турку на том свете уже провиант получать будут! А курносой свербешке этой скажите, что Гарасько не только по большой турецкой, а и по маленькой попадать может!

Купцы дали извозчика и героя повезли казаки на его квартиру.

Дж. Ив. Воротынский. (Париж).

Без креста.

— Машина-а-а трогатца-а!.. Товарищи, грузи-и-сь!.. Гаврила, не крути... ни то проучи-им! — орали красноармейцы, когда воинский поезд медленно начал отходить с глухой станции донских степей на север.

Толкая друг друга, скверно ругаясь, вскакивали в скрипучие, расшатанные вагоны красноармейцы и мимо пошей пропуская проклятия бшующей толпы обобранных баб-мешечниц. Некоторые из них пробовали влезть в вагоны, но сейчас же под дружный хохот красноармейцев кубарем вылетали обратно, теряя котомки и узлы.

Только немногие попали в воинский поезд и боязливо, украдкой крестились, очутившись в нагруженном сеном, длинном, открытом вагоне. Поезд развивал скорость. Вскоре замелькали полуразвалившиеся деревушки, серые жалкие, около которых лениво бродили голдные собаки, куры, гуси и рваные мужики. Среди деревушек попадались Господни церковки чистые, нарядные, непорочные, как непорочны были уцелевшие от июльской жары травы и цветы на полях. Над полотном железной дороги изредка мелькали темнозеленые кустарники, алый горошек, розовая шалунья-повитель, бледно-лиловые солнцевороты, колокольчики, разноцветные петушки.

Красноармейцы, окончившие дележ награбленного пшена, табаку, сала, муки и самогона, зубоскалили на сене с бабами.

— А ну, бабы, дивчат даешь! — хрипло заорал белобрысый, с дырявой от оспы круглой мордой, пьяный Михайло Козел и уставился серыми, дикими глазами на столпившихся в одну кучу мешочниц.

— Даешь самогон! — опять крикнул Козел и товарищи сразу выставили целый взвод мутной жидкости. Бабы кривились, но пили горячую противную влагу. Через полчаса некоторые из них тоже были уже пьяны и уже сидели бесцеремонно с красноармейцами, обнимались и целовали их, смеялись, слушая их похабную болтовню.

У Михайлы волосы раскидались пучками, морда побавровела, вспотела. Около него сидела худенькая, с русыми заплетенными в косу волосами, с вспыхивающим, в едва заметных веснушках личиком, девочка подросток Аленка. Она часто махала тонкими грязными руками и, бессильная, шептала: — Ды я ничаво-о... я так... все быдто гре-ех... а дома мамынька немочная... а може и умярла...

— Вмерла?.. Мабуть брешеш, Оленко?..

— И хрест святой, товарищ!..

— Нема хреста... твою мать... дурні люде, што хреста намотали на шию. У нас усі без хрестов...
Е-эх яблочка,
ты румяная-а-а,
шо на Бога береш
рота пьяная-а-а,

запел, захлебываясь, Козел.
— Ты, Мишка, скоро эту сученку отпустишь? М-мы желам, — подошел пьный уралец Чукалин, из матросов, как он себя называл, черный в гноящихся прыщах на потном лице и в таких же прыщах на голой, волосатой, без креста, груди.

— За-ар-раз, — пробормотал Козел и опять заорал, грубо обнимая слабую Аленку.
Е-эх яблочка
на тарелочки,
а у девочки
нема ...

Чукалин оттолкнул Козла, сел с Аленкой, повалил ее на сено и стал целовать в бледные запекшиеся губы. Аленка мычала, когда гноящиеся прыщи матроса щекотали; ей было тошно, когда тяжелый дух горячий и пьяный вырывался из большого рта Чукалина и лез в широкие ноздри ее вздернутого носа.

И когда Чукалин оставил ее на минуту и стал шептать что-то Козлу, Аленка широкоими светло-серыми глазами в первый раз увидела валявшихся на сене с бабами красноармейцев. Их было восемь человек сильных и пьяных, с растегнутыми рубашками, с грязными телами. Нарочно впились глазами Аленка в голые груди товарищей и все они были без крестов. Ей показалось, что белобрысый Козел и матрос заснули и она тихо, изгибаясь, как кошка, поползла на край вагона и легла, свернувшись колачиком, у неразбитой кучи сена. Задремала.

Два пьяных, бородатых красноармейца о чем-то говорили.

— Чудно-о!.. Вот она слобода-то, хоша по ялтарям пляши и никто тебе не моги воспретить... А иконы куды-же?

— В угле свалили и сором замели.

— Чудно-о!.. слобода-то какая штука для народа, хоша тебе к примеру в церкви рационал дуй и молчек...

А когда Аленка заснула, — приснилось, что она в какой-то большой церкви нагая плясала с своей матерью, а потом упала ниц и горячо молилась Заступнице. Явились два ангела с черными крыльями, одели ее в розовые ризы и понесли на небо.

— Вставай, гада! — толкнул ее кто-то в лицо бо-сой, вонючей ногой и впились руками в грудь.

Аленка вскочила. Стояли, шатаясь, Козел и Чукалин, а другие красноармейцы бегали по сену, валяли баб, рылись опять в мешках и, не находя ценного для себя, бросали их из вагона. Песни, ругань, женский смех, то открытый, то испуганный, слабые выкрики, — все перемешалось, слилось. Смутно припоминались Аленке ангелы с черными крыльями, хотелось просить их о помощи, но кругом были пьяные товарищи.

— Айда-ти, поджара, дяржись! — сказал Чукалин и выругался.

Оленко!.. восьмеро... ха-ха-ха! заржал Козел, взял на руки Аленку и понес на другой конец вагона, где был раскинут брезент.

Начинало темнеть. Блеснули звездочки в высоком небе. Лес на опушке почернел, спрятался. Пробежал повидимому спавший допоздна заяц и сел где-то в меже. В вагонах фыркали кони. В штабном вагоне полковой комиссар играл на гитаре, а командир полка надрывно пел:

Я грущу-у, если можи-ишь поня-а-ать

Мою душу доверчиво нежну-ю-ю...

Прикрывшись концом брезента, на сене лежало что-то черное. Козел наклонился.

— Звідкіля ти, бабко?!

— Болезные мои солдатки, мне недалеча тутотка... до Орши.. Я с краюшку, — в страхе прошептала, поднимаясь, старушка маленькая, горбатая, сухощавая, черная, как земля.

— Не рассуждать спекуляторша... в кровь мать! — заорал Чукалин и выдернул сумку с мукой из под старушки. Товарищи-и-и!..

Красноармейцы и бабы подбежали к горбунье и всем почему-то стало весело. Один, Андрюша Москвич, совсем еще мальчик, толстый, курносый, паршивый,

всем и каждому хвалившийся, что он болен дурной болезнью, подсел к старушке и крепко обнял ее.

— О-о-ой, соколики мои солдатики, старая я...

— Старая? ну, так два раза, — не отставал Москвич.

Восемь пьяных товарищей гоготали во весь рот и дикий их смех уносился в дремавшую степь.

Мне не спится в тоске по ночам,

Думы мрачные сон отгоня-а-ют,
пел командир полка.

— Товарищи! а на ейных грудях и крест болтаетца! сказал Чукалин и сорвал большой, медный почерневший от давности и пота крест и швырнул его.

— Товарищи! не унимался, захлебываясь от смеха, Москвич, сычас бабку выкупаю.

Он ловко развязал сумку и моментально высыпал муку на старушку. Новый взрыв дикого ржания восьми красноармейцев огласил степь.

— Бабка двошит, товарищи, колы-б не сдохла, — сказал Козел и со смехом толкнул старушку из вагона.

Еще громче ржали пьяные красноармейцы.

— А ну, сваливай барахло! — скомандовал Москвич и мешки, сумки, узлы тех, которых недавно ласкали, полетели одни за другими из вагона.

Аленка вся дрожала и слушала молчаливые рыдания баб. Жалко ей было горбунью, но в то же время в ее смерти она видела свое спасение, видела ангела с черными крыльями. Знала, что пройдет момент и тело ее погибнет от греха.

Быстро мчавшийся поезд подходил к повороту и замедлил ход. Реже стучали колеса, реже мелькали столбы, кустики. Озираясь, Аленка подползла к краю вагона. Посмотрела, — насыпь была высокая, песчаная и снизу пахло сыростью.

Перекрестилась и легкое тело, как клубок покати-лось под откос.

Медленно шел воинский поезд дальше...

С. Савицкий.
(Бразилія).

БУЛАВА.

Степи широки сумували, —

Нестало в світі козака.

Його історію украли

І обернули в кріпака.

В степу виднілася могила;

Тернами густо поросла.

Козачий скарб в собі таїла;

До неї й стежка заросла.

Знайшлися люди, прорубали

Тернами стежечку нову;

Вночі могилу розкопали

Й знайшли козачу булаву.

Пісень веселих степ співає,

Сміється зеленню трава:

Козацтву Вільному світає, —

Над ним вже сходить булава.

С. Савицкий.

* * *

Угору прапор наш козачий!

Вгорі хай літає над нами.

В неволі край рідний наш плаче...

Ой, гірко вмиватись сльозами!

Нас кличуть з могил отамани, —

Їх голос степами лунає...

Нависли над краєм тумани,

А воленьки — сонця немає.

Хай грім на степу загуркоче

Заграють музики — гармати.

На волі козак жити хоче...

Не двічі на світі вмирати.

Угору прапор наш козачий!

Сурма хай до бою заграє.

Хай ворог здичілий побаче,

Яку ще козак силу має.

Генералу А. П. Богаевскому.

Донской Атаман, ген. Богаевский, не оставляет нас своим вниманием. На этот раз он решил выступить не в своем „Р. К.“, не перед своей казачьей аудиторией, а на страницах парижского „Возрождения“, очевидно для того, чтобы все те же его старые возражения против В. К. прочитали прежде всего русские эмигранты, — казаки, ведь может быть за исключением Франции, мало читают „Возрождение“, да и видят они его редко.

Начинает ген. Богаевский, на этот раз с повтора того, что недавно писали о В. К. г. г. Мейснер и Варшавский и, конечно, — уж в который раз! — обещает скорый конец вольноказачьему движению и всем самостийникам вообще. Ген. Богаевский не был пророком раньше, тем меньше оснований думать, что он им стал сейчас или будет в будущем. В упрежке отказать ему, во всяком случае, не можем.

Отвечаем ему и на этот раз больше по

обязанности, чем из желания с ним спорить. Ген. Богаевского не переубедишь, раз не могла переубедить его жизнь.

По существу, ген. Богаевский давно уже принадлежит прошлому. Избран он был Атаманом тогда, когда противникам самостоятельности Дона надо было подчинить Дон генералу Деникину. Задачу эту он выполнил. Освободительную борьбу Казачества вместе с генералами Деникиным и Врангелем проиграл. Врангель умер. О Деникине казаки давно уже забыли. Никогда в будущем под его знамена второй раз не станут. Казачество не имеет никакого желания повторять еще раз прошлые ошибки. Казачество думает сейчас новую, свою думу, ищет собственных путей своего спасения. И не Богаевские поведут его по этим новым путям. Ген. Богаевский все еще никак не может понять, что его политическая роль кончена, что Атаман он только потому, что не может собраться Донской Круг.

Мы знали и знаем, что думает и куда зовет ген. Богаевский, даже если бы он вслух об этом не говорил, но, уважая Донского Атамана, мы никогда не позволяли себе нападать первыми даже на ген. Богаевского. Он этого очевидно, не хочет понять. Он забывает, что Атаман для казаков, а не казаки для Атамана.

Ген. Богаевскому „больно и стыдно“ за донских генералов пошедших с В. К. Нам стыдно и больно за Донского Атамана, не могущего отстать от чужого, губельного прошлого, никак не хотящего уразуметь ни настоящего трагического положения Казачества ни его будущего.

Прежде всего мы должны категорически запротестовать. И хотим мы протестовать не против того, что ген. Богаевский считает идею В. К. „дикой фантазией“ или журнал „В. К.“ называет иронически „журнальчиком“ — это его право думать так, как он думает, этим он В. К. не повредит и такими средствами нас не поборет. Наоборот, же частые выступления, которые он против В. К. делает, свидетельствуют только о том, что „дикие фантазии“ „журнальчика“ „В. К.“ серьезно не дают спать ген. Богаевскому. Но мы самым решительным образом протестуем против неправды. Мы повторяем, что, несмотря на все наше отрицательное отношение к ген. Богаевскому, мы не забываем до сих пор, что он Донской Атаман и до сих пор не позволяли себе „обливать грязью“ ни Дон. Атамана, ни ген. Богаевского.

В большом своем „подвале“ ген. Богаевский все еще расписывает, как „верой и правдой“ служило Казачество России, „расширяя и охраняя“ ее пределы. — Теперь казаки знают и сами прекрасно не только это, но и то, к чему это привело. Поэтому и ищут выхода, а не хотят идти вместе с ген. Богаевским в старое ярмо. Да и вернется ли это старое? Не лучше, ли не „мечтать“ об умершем старом, а посмотреть живой правде в глаза? посмотреть, как и что делается сейчас там, дома, и какова судьба казачьей эмиграции здесь? — Чтобы Казачество сохранило себя, надо, не забывая настоящего, постоянно имея его перед глазами, думать не столько о прошлом, (знать его, конечно, нужно), сколько о будущем. Из прошлого же мы могли бы припомнить ген. Богаевскому не только то, как казаки „верой и правдой“ служили России и чем платила она за эту службу, но и то, как кроваво боролось Казачество против Москвы, пядь за пядью отстаивая свои Земли, упорно и жертвенно защищая свою свободу.

В своей аргументации против В. К. ген. Богаевский напоминает о многих пожалованных русскими царями благодарственных грамотах и других знаках „своего внимания и уважения“ к Казачеству. — Он лучше бы сделал, если бы напомнил, как эти цари держали свое слово по отношению к казакам и как одни цари нарушали „ненарушимые“ грамоты других царей.

Несколько раз уже ген. Богаевский повто-

ряет свою „географическую“ аргументацию против государственной самостоятельности Казачьих Земель: „Казачьи Края неотделимо связаны с Россией географически“. — Сейчас, в век танков и аэропланов, Казачьи Края связаны с Россией географически не больше и не меньше, чем всякая другая страна: Финляндия, Эстония, Латвия, Польша, Румыния, Турция, Персия, Афганистан, Китай и т. д. „Естественных границ“ сейчас уже нет. Нынешние границы между отдельными государствами и народами — единственные: по одну сторону границы живут, положим, французы, по другую — немцы; по одну — чехословаки, по другую — мадьяры; по одну — русские, по другую — эстонцы и т. д. Такова граница будет (и есть) и между Казачьей и Россией: по одну сторону ее живут и будут жить казаки, по другую (на север) великороссы или татары. Никаких других „непереходимых“ границ теперь уже не существует. Это нисколько не мешает существовать и ныне отдельным государствам.

Не боимся и чересполосицы, ибо она — произведение позднейшего (царского) времени, усиленная или намеренно создаваемая сейчас большевиками. Всякая чересполосица должна будет быть устранена простым восстановлением исторической несправедливости, произведенной разными русскими властями над Казачьими Землями.

Ген. Богаевский слишком много думает об интересах России, которая де не помирится и т. д... Донскому Атаману надлежало бы больше думать и заботиться об интересах Казачества, а о русских интересах позаботиться и без него Кутеповы, Струве, Гессены, Милюковы, Керенские и др. Тем более, что никто из них до сих пор никаких советов ген. Богаевского не спрашивал. А то всегда выходит: чужие дела решать умеем, а своих — даст Бог.

Поднимает и не однажды уже ген. Богаевский и крестьянский вопрос: что делать с 55% (по Богаевскому) крестьян? — Можем заверить только казаков, что если ими и впрямь будут править Богаевские, Таубе, Граббе и пр., или современные московские комиссары, то крестьян будет на Казачьих Землях не 55%, а очень скоро 95%. Пусть казаки задумаются над этим и сами ответят ген. Богаевскому. А перед тем надо поставить еще вопросы: кто и какие это крестьяне и откуда взялись? 60—70 лет тому назад, напр., „крестьян“ на Кубани совсем не было...

Ни одного нового аргумента в своем выступлении и на этот раз ген. Богаевский не привел. Все то же повторение старого о денежной системе и пр. На подобные вопросы мы отвечали уже неоднократно и повторять их здесь не будем.

Впрочем и сам ген. Богаевский признает, что „сама жизнь заставила казаков отделить свои края от СовРоссии и объявить их самостоятельными государственными образованиями“. А что есть сейчас? — Не СовРоссия? — Вот В. К.

и защищает то, что диктует жизнь, что диктуют жизненные интересы Казачества. Кто идет против жизни, тот гибнет. Мы глубоко уверены, что Казачество на свою гибель не пойдет. Кто хочет жить, кто хочет светлого будущего Казачества, кто хочет его сохранения, тот пойдет с В. К.

Сегодня ген. Богаевский, забыв совершенно недавнее историческое прошлое и не желая видеть настоящего, утверждает: „никакая российская власть после большевиков не будет угнетать Казачества“... Пусть наши читатели в от-

деле „дум и мыслей“ прочтут, что думают по казачьему вопросу сами русские. Мы думаем, что сам ген. Богаевский был гораздо ближе к истине, когда недавно писал: „помните, казаки, что нас никто не любит“.

Пока, очередное выступление ген. Богаевского против В. К. заслужило похвалу только „Возрождения“. Мы этому нисколько не завидуем и остаемся при прежнем своем решении: защищать интересы Казачества и только Казачества.

И. Билый.

Александр Ефимович Пивень.

(М. Забигайлр).

(К 40-летию литературной деятельности).

А. Е. Пивень начал писать стихи (на русском языке сначала) еще на школьной скамье. Печатался впервые тогда же, кажется в 1889 году, т. е. сорок лет тому назад. Печатался, конечно, под вымышленной фамилией.

В 1894 году в этнографическом сборнике Б. Гринченко М. Дикарев напечатал „Різдвяні святки в станиці Павливській“ и еще кое-какие материалы, собранные и обработанные А. Е. Пивнем. Это было 35 лет тому назад.

В 1904 году А. Е. за свои средства напечатал первый сборник своих рассказов. С того времени прошло 25 лет.

Все эти юбилейные даты весьма почтенные, заслуживающие того, чтобы остановиться на них и на их авторе несколько подробнее. Казачеству следует знать и не забывать своих культурных работников и пионеров своего возрождения.

Родился А. Е. Пивень на Кубани, в ст. Павловской Ейского отдела 3 (16) июня 1872 года в семье псаломщика Ефима Григорьевича Пивня. Дед А. Е., казак ст. Староникестеблиевской (он часто рассказывал своему внуку, что он был сын запорожца-сичовика, пришедшего из-за Буга и женившегося уже на Кубани), по окончании долголетней военной службы, устроился дьячком при своей станичной церкви, а затем, имея хороший голос, переведен был диаконом в ст. Шкуринскую, где и зачислился в казаки той станицы. Отец А. Е. переселившись в ст. Павловскую до 1864 года (до размежевания Черноморья на станичные юрты), был зачислен в казаки этой последней станицы.

Учился А. Е. в станичной школе, а затем в Екатеринодарском духовном училище. Сделал было попытку продолжать образование и в Ставропольской Духовной Семинарии, но она окончилась неудачей. По семейным обстоятельствам, которые сложились для А. Е. крайне неблагоприятно (у отца А. Е. была вторая жена-мачеха А. Е.), а также вследствие серьезной болезни, он принужден был оставить свое учение и ввиду этого законченного среднего образования так и не получил, а впоследствии дополнял его урывками путем самообразования. Военную службу А. Е. отбывал в Куб. Обл. Правлении и в это время, живя в Екатеринодаре, познакомился с дочерью чиновника, Серафимой Кандаловской, на которой и женился. В супружестве (до эмиграции) прожил ровно 25 лет, а когда уходил с Кубани, оставил там жену, трех сыновей и четырех дочерей...

После окончания службы, А. Е. всю свою жизнь провел в станицах Ейского отдела, где большей частью служил в общественных учреждениях: был станичным писарем, атаманом, судьей, а потом и участковым начальником. Состоя в этой последней должности, эвакуировался в марте 1920 г., в составе чинов управления Ейского отдела, сначала в Грузию, а оттуда в Крым, где все время находился в Кубанском резервном ба-

тальоне в г. Феодосии. Во время эвакуации Крыма, вместе с другими кубанскими строевыми частями, попал на о. Лемнос, откуда, в конце декабря того же года, был вывезен в Югославию, где и живет до настоящего времени.

К литературе А. Е. имел влечение с детских лет. Унаследовал он эту склонность вероятно от своей матери (дочери священника ст. Куцевской), которая была, по тому времени, достаточно образованной и хорошо начитанной женщиной и имела много русских и украинских книг. К сожалению, она умерла очень рано, когда ее сыну было всего несколько более 5 лет.

Словно предчувствуя свою скорую кончину, мать А. Е. рано принялась за его домашнее воспитание и успела научить его читать, писать и даже таблицу умножения. Учила она своего сына по русски, заучила с ним почти всю сказку Пушкина „о царе Салтане“ и некоторые стихотворения, но все вообще беседы вела с сыном на своей рідній мові, а позже познакомила его и с некоторыми произведениями Т. Г. Шевченка и других украинских писателей. Заботясь и о религиозном воспитании своего сына, покойная мать часто пересказывала ему главнейшие события из ветхого и нового завета. Отец очень гордился такими ранними успехами своего сына и, когда случались в доме гости, мальчик рассказывал по его желанию что либо из священной истории, декламировал вірші или удивлял гостей таблицей умножения, за что и получал в награду гроші та гостинці.

Еще одно, неизгладимое на всю жизнь оставила мать своему сыну: она сумела привить ему органическое отвращение к водке. Это отвращение сохранилось у А. Е. и до настоящего времени. Ставши в своей личной жизни на путь трезвости, А. Е. решил помочь в этом и другим и ради этого повел открытую борьбу против народного пьянства, написав в соответствующем духе несколько серьезных поэтических произведений.

По смерти своей матери, оставшись без надлежащего присмотра, мальчик часто бродил с другими соседскими малышами по станице, участвуя в различных играх и забавах, или делая набеги на чужие сады и огороды. Широкая свобода все более увлекала А. Е. и часто, уйдя из дому ранним утром, он возвращался домой только к вечеру. Попав однажды случайно на станичную казачью свадьбу, А. Е. так потом пристрастился к ним, что редко какая из них обходилась потом без его непременно присутствия. Интересовало его на свадьбе не только народное веселье, бьющее через край, но и весь свадебный обряд, который в то время еще вполне сохранился и был чрезвычайно содержательным по своему обилию свадебных обычаев, песен, танцев и всяких церемоний. А. Е. заучил таким образом весь свадебный порядок и различные песни, припевы, приветствия, пожелания и еще многое другое. Свадебные песни и припевы, собранные А. Е., вошли впоследствии в большой его сборник песен под назва-

нием „Весела бандура“, изданный вместе с другими его сборниками песен (всего шесть или семь названий) московским издательством Сытина.

На десятом году, по окончании станичной школы, А. Е. был отвезен в Екатеринодар и зачислен в Духовное училище. Новая школьная среда не понравилась А. Е., т. к. старшие ученики творили над младшими всякие насилия, подвергая их побоям и заставляя даже воровать. Кроме того, фамилия А. Е. — Пивень — показалась всем ученикам очень смешной и всюду, где бы он ни появился, ему постоянно хором и в одиночку, громко „кукурикали“ и всячески высмеивали, часто доводя этим мальчишка до слез.

Уже в подготовительном классе А. Е. мечтает о „собственных сочинениях“. Он сделал себе небольшую тетрадку и озаглавил ее „сочинения А. Е. П.“. В этой тетрадке А. Е. начал писать какую то сказку в стихах, причем старался и иллюстрировать ее собственными рисунками. Однажды тетрадку эту увидел и отобрал учитель, а когда громко прочитал „сочинения А. Е. П.“, то все товарищи А. Е. по классу громко рассмеялись и потом стали дразнить его „сочинителем“.

Когда А. Е. был в первом классе, он вынужден был написать одно „стихотворение“, благодаря которому приобрел себе доброго защитника и руководителя. Дело было так: один из учеников, по фамилии Кондратов, был злейшим врагом молодого Пивня и везде и всюду не давал ему покоя своими злыми шутками и насмешками. Кондратов был старше и сильнее (учился уже во втором классе); у него была на самом кончике носа крупная, черная бородавка, за что его все звали „чортово рило“. Чтобы как следует насолить ему, молодой Пивень и „составил“ свое „стихотворение“, да еще на двух языках — русском и украинском, а придя утром в училище раньше других, пробрался во второй класс и оба их написал на классной доске. Вот они:

У Кондратова на носі
Черти ели колбасу;
Колбасу то они с'ели,
Но кусочка не доели;
И, оставив его там,
Разлетелись по местам.
А из этого кусочка
На носу явилась кочка,
И с тех пор Кондратов наш
На носу носит багаж.

У Кіндратова на носі
Танцювали чорти босі;
Танцювали, гопцювали,
Ще й багнуки там
наклали.
Коли ж півень: ку-ку-рік!
Всякий чорт відтіл утік.
А Кіндратов ще й ідосі.
Носить те багно на носі.

Под этими произведениями автор подписал свое имя и фамилию. „Стихи“ произвели на всех учеников сильное впечатление. Как только в училище собрались ученики, они списали „стихотворения“ на бумажки и стали громко их выкрикивать пришедшему Кондратову. Между „заинтересованными сторонами“ произошла жестокая схватка, после которой их обоих, изрядно поцарапанных и с разбитыми носами, доставили на суд смотрителя училища г. Месяцева, которого все ученики очень боялись и за его скрипучий голос звали „гарбою“.

А. Е. ждал себе сурового наказания за такой „публичный пасквиль“ на своего товарища по училищу. Однако, здесь, неожиданно для него самого, оказался

и защитник его в лице преподавателя русского языка Василия Андреевича Щербини. Он добыл от кого то из учеников список этих стихотворений; узнав, что Кондратов постоянно мучил „малого Пивня“ и издевался над его фамилией, он обо всем этом доложил смотрителю, принимая молодого автора под свою защиту, как хорошего и способного ученика. В конце концов и сам смотритель, отпуская обоих драчунов „с миром“, сказал Щербине: „развивайте его способности, — кто знает, может быть у него имеется природный талант и в будущем он станет нашим кубанским поэтом“.

После этого „случая“ жизнь А. Е. в училище изменилась коренным образом: никто уже не смел задирать его и высмеивать, боясь как учебного начальства, так и того, чтобы он „не расписал кого на доске“. В. А. Щербина стал к своему „протезе“ особенно ласковым и внимательным; иногда занимался с ним отдельно,

помогая ему во многом, а также давал читать русские и украинские книги, которые приносил с собою из дому. Под его руководством молодой автор ознакомился с некоторыми правилами стихосложения и стал писать более уверенно.

Когда для Духовного училища был отстроен большой корпус с пансионом, церковью, больницей и пр., А. Е. попал в пансион. В это же время прислали в училище новых преподавателей, все академиков. Из них только один, Павел Трезвинский, был украинец — Киевской Академии, все же остальные были из Казанской. На счастье молодого Пивня, Трезвинский преподавал русский язык и вообще словестность, почему Щербина, сдавая ему учеников, передал и А. Е. под особое его попечение.

У Трезвинского А. Е. был все время лучшим учеником. Он говорил с ним почти всегда по украински и давал ему читать много украинских книг. Тогда уже молодой Пивень основательно познакомился с Кобзарем

Т. Г. Шевченка, а „Энеиду“ Котляревского так полюбил, что некоторые ее главы выучил наизусть.

При помощи Трезвинского молодой автор стал писать стихи и рассказы и два или три стихотворения через Трезвинского были отосланы в детские журналы: „Детское чтение“, „Детский отдых“ и, кажется, „Родник“. Однако, автор ни за что не хотел подписывать свою фамилию и под стихотворениями помещались псевдонимы — вроде: Соколов, Орлов и пр.

Уйдя из под влияния Трезвинского и ставши взрослым, А. Е. перестал надолго писать стихи. Ему это казалось детской, школьной забавой. Уже поступивши на службу в Областное Правление, А. Е. снова возвращается к старому и пишет несколько стихотворений, некоторые из которых печатаются в „областных ведомостях“, но снова таки под выдуманной фамилией.

Когда летом приехал в Екатеринодар украинский театр, А. Е. иногда пресещал его и, под влиянием виденного на сцене, задумал написать пьесу из кубанской жизни. Разработавши сюжет, осень и зиму трудился А. Е. над этой работой (не имея к тому правильной и серьезной подготовки). Закончив пьесу, автор не знал, что с нею делать. Написана она была на рідній мові и начинающему автору нужен был некто, кто бы дал труду правильную оценку. К сожалению, такого

Александр Ефимович Пивень.

человека на Кубани не было, да тогда у нас ничего на украинском языке и не печаталось.

Наконец, А. Е. решил. Придя однажды утром на службу (в Областное Правление), он положил тетрадку со своим произведением на стол своему начальнику отделения В. В. Скидану (потом — директор реального училища). Севши на свое место, за обычную служебную работу, А. Е. издал, через открытую в кабинет дверь, наблюдал за тем, что будет далее. Когда Скидан пришел, А. Е. видел как он взял со стола его тетрадку, поворочал ее, пожал плечами и отложил ее в сторону. На тетрадке, сверху заголовка пьесы, стояла настоящая фамилия автора. До окончания занятий Скидан так ничего и не сказал А. Е. Только на другой день, придя на службу, Скидан тот час же позвал А. Е. в свой кабинет. Нечего говорить, что автор пьесы чувствовал себя в это время неважно, ожидая чуть ли не начальнического выговора. Нужно сказать, что Скидан был человек очень деловой, всегда серьезный и довольно сухой в обращении со своими подчиненными. Однако, на этот раз он обошелся с А. Е. очень любезно, хотя в словах его и чувствовалась некоторая ирония.

„Я никак не подозревал — начал он, — что среди служащих моего отделения есть даже писатели. Что-ж дело похвальное: работайте, учитесь, — со временем, может быть будете настоящим писателем. Я думаю, что это у Вас первая попытка, но написана она все-таки недурно. Сознаюсь откровенно, что когда я пообедал, то улегся на диван, взял Вашу тетрадку в руки и решил, что немедленно с нею усну. И вот, представьте, начал ее читать, заинтересовался сюжетом и дочитал до конца. Нет, написана недурно, но, к сожалению, я в этом деле плохой знаток и потому судить не берусь. Я ее передал чиновнику Дикареву. Это — щирый украинец, он обещал сделать оценку Вашему труду и помочь Вам, в чем будет нужно. Вот все, что я хотел Вам сказать“.

К концу занятий А. Е. получил от Дикарева любезную записку на украинском языке с приглашением прийти к нему на обед. Таким путем Александр Ефимович познакомился с М. А. Дикаревым и попал под его непосредственное влияние, которое было для него чрезвычайно полезным.

М. А. Дикарев служил прежде в статистическом отделе Воронежского губ. земства, которым заведывал тогда наш кубанец, ученый статистик — ныне профессор Ф. А. Щербина, а затем по рекомендации последнего приехал на Кубань. Дикарев был лучший из людей, каких, как признается и ныне еще А. Е. Пивень, он когда либо знал. Под его руководством А. Е. достаточно ознакомился с украинской литературой. В свою очередь А. Е. очень усердно помогал Дикареву при собирании разного этнографического материала из жизни нашего Черноморского казачества. А. Е. много собрал песен, сказок, легенд, преданий и др. образцов народного творчества, а кроме того, по просьбе Дикарева, он составил описание рождественских обычаев, в виде особого очерка под названием: „різдвяні святки в станиці Павлівській, Ейського відділу на Чорноморіі“, сборник детских игр и многое другое, а также записал несколько больших и очень интересных казачьих „нісенітниць“, полных народного юмора. Много из этих его работ по этнографии было в 1893 и 1894 г.г. помещено (под редакцией Дикарева) в сборниках Б. Гринченка, изданных в Чернигове. Так как при собирании этих материалов А. Е. особенно интересовался и любил записывать юмористические рассказы („побреженьки“ та „нісенітниця“), то Дикарев посоветовал ему записывать их лично для себя в особый сборник, с целью издания их современем в отдельных выпусках для народного чтения. При этом он и сам всегда передавал А. Е. все такие рассказы, полученные им от других корреспондентов. Впоследствии таких рассказов накопилось так много, что А. Е. потом действительно издавал их сначала за свой счет, а позже с помощью московского издательства И. Сыгина, в отдельных брошюрах, начиная с 1904 и до самой войны 1914 года, что давало ему некоторую помощь в деле содержания большой его семьи.

Кое кто на Кубани отзывался с иронией о подобной литературной работе А. Е. Пивня, считая ее пустой и ненужной. Но они, к сожалению, забывали, что в то время в России, а в особенности у нас на Кубани, ничего лучшего или более серьезного на украинском языке печатать не разрешалось и что они сами лично не пустили в печать ни одного родного казачьего слова. Пивень делал хоть что нибудь (пусть, — „низкопробное“), а они ничего; а между тем наш казак черноморец так жаждал прочитать книжку на родном языке. Стоило большого труда добиться разрешения к печати этих простых, бесхитростных рассказов („побреженьок“), в которых было все же столько здорового народного юмора.

Рукописи Пивня переходили от одного цензора к другому и разрешить их к печати мог всякий раз только главный цензурный комитет в Петербурге, причем такая волокита для каждой рукописи тянулась по нескольку месяцев. В это же время русская цензура пропустила к печати уйму всякой, часто мерзкой, а то и порнографической литературы в виде длинных, узеньких книжечек, наводивших все книжные лавки, киоски и даже сельские ярмарки и базары. Эта литература стряпалась и издавалась преимущественно в Одессе некими юркими господами, поставившими себе „похвальную“ задачу перевоспитать русского „богоносного“ мужика и превратить его в „победоносного“ Ваньку-большевика. Но, всякий русский мужик мог покупать и свободно читать подобную дрянь, разбираясь в ней по своему, тогда как наш казак черноморец в то время почти ничего не читал: своих (да и всяких) газет в станицах не было, а книжек на русском языке, он не покупал, так как они почти всегда не были доступны для его понимания (из-за языка, конечно). Неудивительно, поэтому, что когда Пивень, собравши скудные личные средства, напечатал первую брошюру своих рассказов в той же Одессе (в мае 1904 года) в количестве 5000 экз. и поместил ее для продажи в Кубанский войсковой книжный склад, то в течении трех месяцев она разошлась вся без остатка и издание пришлось в том же году повторить. Станичные правления, Управления Отделов, а в особенности полки, батальоны и батареи выписывали книжку десятками и сотнями экземпляров, т. к. каждый казак хотел иметь у себя книжку, написанную его родным языком.

В этих сборниках рассказов А. Е. помещал иногда и свои стихи. Однажды он получил из Киева от одного редактора письмо, в котором последний, прочитавши одно такое довольно крупное стихотворение, расхвалил труд А. Е. и советовал ему развивать свой талант, т. к. он не каждому дается. Он обращал внимание автора на то, что, судя по этому стихотворению, он способен писать очень легко и свободно большие политические произведения. Как раз к тому времени (конец 1906 г.) была собрана в Екатеринодаре Кубаньская Козача Рада и А. Е. решил использовать этот выдающийся в жизни кубанского казачества момент и испробовать свои литературные силы.

Как только начались заседания Рады, он лихорадочно принялся за работу и стал писать большую поэму в стихах из жизни кубанских казаков, поясняя, путем сравнения, благосостояние одних и бедность других, вследствие неравномерного распределения земли или плохого ее качества. Когда несколько первых глав поэмы было закончено, А. Е. поехал в Екатеринодар и показал свою работу редактору „Куб. Обл. Ведомостей“. Но, редактор этот заявил автору поэмы, что пока Рада не закончит своих работ, ничего подобного печатать нельзя. Потом только А. Е. узнал, что редактор потому не хотел печатать поэмы, что она была написана на украинском языке.

После этого поэма постепенно была закончена и только в мае 1907 года автор напечатал ее отдельной книжкой в ст. Уманской. В это время предварительной цензуры уже не существовало и можно было печатать книги и на украинском языке. Эта первая поэма Пивня получила название „Козача Рада“ (картини із життя козаків на Кубані); она имела около десятка глав и почти каждая глава ее начиналась с описания самой р. Кубани, ее характерных свойств и особенностей и

заключала в себе отдельную, вполне законченную картину или описание казачьей жизни в какой либо части нашего Края. (Выше приведены некоторые выдержки из этой поэмы). Впоследствии, через несколько лет, когда нужно было приступить ко второму изданию поэмы, автор значительно переделал ее, причем некоторые ее главы были написаны заново и в таком переработанном виде она была издана в начале 1914 года под названием „На рідній Кубані“.

В течении 1905—1908 г. г. А. Е. Пивнем было составлено несколько сборников наших казачьих песен (в том числе два больших: „Весела бандура“ и „Десять кіп найкращих козацьких пісень“, по несколько сот песен в каждом, и пять или шесть малых сборников), три народных сказки для детей и два больших сборника — альманаха стихотворений, рассказов и пр. под названием „Козача розвага“ и „Веселим людям на втіху“. В них вошли произведения лучших украинских писателей (Шевченка, Котляревського, Куліша, Квітки, Гребінки, Глібова та инш.), а также много и собственных стихотворений и рассказов А. Е. и в числе их большая сказка „Грицькова свайба“, в которой он выступил против народного пьянства. Все это было напечатано и выпущено для продажи упомянутым уже выше московским книгоиздательством И. Д. Сытина.

В последующие годы А. Е. Пивень написал много стихотворений и рассказов из жизни кубанских казаков, которые постепенно печатались в „Куб. Обл. Вedomостях“. Особенно много было напечатано в 1910 и 1911 г. г. В следующем, 1912 г., А. Е. написал новую большую поэму в стихах: „Горілка, як та гарна дівка, хоч кого з ума зведе“ (— сатира на пьянство), которая, вместе с другими книжками автора, была напечатана за его личные средства в Харькове, в начале 1914 года. В это же время б. Нак. Атаман ген. Бабич, через Куб. Войск. Музей обратился к А. Е. Пивню с просьбой поместить в Музей все свои издания. А. Е. исполнил эту просьбу, собрал и отправил в Музей всего около 27 названий.

В начале 1918 года, выступавший перед тем против большевиков, А. Е. Пивень принужден был бежать от них и несколько месяцев, под чужой фамилией, скрывался в Горячем Ключе. Здесь он написал несколько стихотворений против большевизма и тогда же решил, что если Кубань будет освобождена от „товарищей“, — то он будет ездить по черноморским станицам для открытой борьбы против этой разлагающей заразы и укрепления в среде родного казачества крепких, выработанных веками обычаев и традиций, на основании которых и следует казакам устраивать свою жизнь в своем Крае.

Когда Екатеринодар был освобожден, А. Е. Пивень немедленно явился к тогдашнему председателю Правительства Л. Бычу (своему станичнику) и по его распоряжению был причислен к агитационному отделу правительства, от которого и получил право на поездку по станицам с культурно-просветительной целью.

С конца сентября 1918 г. А. Е. начал этот обезд станиц и продолжал его почти непрерывно до ноября 1919 г. и за это время посетил около 200 станиц, в которых имел беседы на больших сходах и собраниях, состоявших преимущественно из казачьего населения. Эти поездки так увлекали А. Е. и были настолько интересны, что он буквально не жалел своих сил, желая одного — обехать возможно больше станиц.

Свой обезд станиц А. Е. Пивень решил начать с родного ему Ейского отдела и в этом своем намерении он встретил полную поддержку со стороны Атамана отдела ген. Закладного. Это, а также и то, что фамилия Пивень на Кубани была уже известна, способствовало значительно успеху поездки. Достаточно было А. Е. посетить первые две-три станицы, как весть о его поездке стала быстро передаваться из станицы в станицу и везде его ждали с большим нетерпением. Очень подкупало казаков и располагало в его пользу то обстоятельство, что он ни в стихотворениях, ни в своих беседах не произносил ни одного русского слова, а вся его речь была на чистом, родном языке, и каждое слово казаку было вполне понятно.

Чем дальше А. Е. ехал, тем больший имел успех. Уже через одну-две недели о поездке его составилось и передавалось из станицы в станицу такое приближенно известие: „їздить із станиці в станицю наш козак Пивень і скрізь розкаже на станишних сходах настоящу козацьку правду, якої раніш ніхто не казав. Та балакає, бач, і все чисто розкаже по нашому, по козачому, а не так, як оті пани, або усякі там ораторі та делігаторі. Та як почне балакати, так все викаже так прикладно, словечко в словечко, мов би по книжці читає. Розкаже про старовину та про козацтво, а про панів та москалів і балакати не хоче, тільки большевиків дуже лає і ставить їх ні в що...“

Благодаря такой ходячей рекламе, в каждой станице, куда приезжал А. Е. Пивень, собиралось так много слушателей, что часто никакие помещения не могли их вместить и приходилось читать и беседовать иногда на открытом воздухе, или же — в больших станицах — делать это два и три дня подряд. За всю эту поездку было распространено около двухсот тысяч листовок с произведениями А. Е., печатавшимися при большом содействии того же ген. Закладного.

Во время этой поездки А. Е. Пивень очень много собрал и записал интересного материала в виде всяких рассказов, эпизодов, легенд и др. всевозможных сведений, касавшихся переживаемых народом в то время событий. К большому сожалению, весь этот материал по необходимости был сожжен А. Е. при оставлении им Кубани. Будем надеяться, что как бы ни тяжела была сейчас Александру Ефимовичу его эмигрантская жизнь, как бы не мучили его болезни и недуги, которых, мы это хорошо знаем, некому ни облегчить, ни утешить, он все же найдет в себе силы, чтобы восстановить в своей памяти и записать этот без сомнения очень ценный материал.

Считаем здесь все же необходимым хотя отчасти коснуться того, почему при своей поездке А. Е. Пивень пользовался таким выдающимся успехом, а также весьма завидным вниманием и сочувствием в среде простых казаков, как и пояснить это двумя-тремя интересными, а подчас и довольно курьезными фактами, имевшими место во многих станицах. Делаем это только для того, чтобы еще более красочно и отчетливо иллюстрировать ту высокую степень подема национального чувства и самосознания у нашего казака-кубанца, которые с такою силою пробудились и выявились в нем в дни революции.

Прежде всего отметим здесь, с каким исключительным и своеобразным вниманием относилась к А. Е. в каждой станице уже собранная и с нетерпением ожидавшая его громадная толпа людей. Выходит он к ней и видит целое море голов, в большинстве седоусых и седобородых (в то время в станицах были только старики и иногда мужчины средних лет, остальные были на фронте). И вся эта разномастная и необычная аудитория, наполнявшая здание училища, кредитного товарищества, народного дома или просто двор станичного правления, устремляет в приехавшего свой сосредоточенно-строгий взор, ожидая услышать что то особенное, чрезвычайно важное, чего она ни от кого раньше не слыхала. Она уже значительно к этому подготовлена крылатой молвой, которая приходила в станицу всегда далеко раньше приезда туда А. Е. И вдруг этот, довольно скромный по внешности оратор, сделавший небольшое предисловие, вместо „важного и серьезного“, начинает говорить такими, положим, стихами:

Біжить Кубань аж у Тамань
Верстов, може, з триста;
Воду крутить, пісок мутить
І не бува чиста.
Більше ста літ отак біжить
Під Катеринодаром.
Пройшов не рік, а цілий вік
Для неї не даром.
Як бы вімла її хвиля
Розмовляти мову, —
Що видала, розказала б
Краще мого слова.

Тільки біда, що та вода
 Балакати не вміє:
 Щось хлюпоче, сказати хоче, —
 Хто ж те розуміє?...

Так продолжается чтение большого стихотворения, стихов в 400, составленного в виде целой поэмы, о заселении Кубани нашими предками — запорожскими казаками, о продолжительной — десятки лет — войне с черкесами, о мирной затем жизни, о революции и большевизме и, наконец, о том, как выгнали большевиков...

И решительно в каждой станице, как только А. Е. начинал читать эти стихи, по выражениям лиц и некоторым движениям толпы, сейчас же можно было видеть, что она разочарована, что это не то, чего она с таким нетерпением ждала, что стихи в такой обстановке и неуместны и никому не нужны. На многих лицах проскользнет даже нечто вроде улыбки: им кажется, что этот „делигатор“ хочет сначала пошутить и развеселить публику и для этого „проказує їм якусь пісню“. Но это — только один короткий момент, одно мгновение. Уже через минуту все физиономии сосредоточились, толпа насторожилась: она поняла, что „пісня це то пісня, та тільки дуже в ній правди багато, та ще дивись, як хитро та прикладно слово до слова причепилось“... Еще две три минуты и толпа превратилась в застывшее море голов: ни движения, ни звука — все замерло. Боятся проронить хотя бы одно слово. А когда дойдет до середины поэмы, где обрисована мирная, спокойная и обеспеченная жизнь перед наступлением большевизма, — здесь то и бывало почти в каждой станице одно и то же: заморгают глаза, скривятся лица, а затем потекут из суровых, обросших, косматыми бровями глаз слезы прямо в усы и седую бороду... Тут и самого лектора начинают давить спазмы.

В одной станице священник, присутствовавший на такой беседе, будучи свидетелем того, как расчувствовались слушатели — казаки, потом сказал Пивню: „Знаете, я первый раз вижу, как плачет народ целую толпой. Я не допускаю мысли, что казаки способны на это. Уже третий десяток лет я здесь священствую, сколько за это время я сказал всяких проповедей с церковного амвона, но, сознаю, никогда я ничего подобного не видел“. А. Е. на это ответил, что прежде и он сам этого не наблюдал, но теперь видит это очень часто во многих станицах. Объясняется это прежде всего тем, что за последнее время народ испытал и перенес столько всяких потрясений и неурядиц, сколько не испытывал раньше за всю свою жизнь. А во вторых еще и тем, что он (Пивень) в своих беседах подошел очень близко к народному пониманию, рассказывая им читая свои произведения на его родном языке, где ему понятны всякое слово, всякое выражение, чего раньше другие делать не хотели или вообще не находили нужным.

Что казачье население наших черноморских станиц вообще плохо понимало беседы с ним на русском языке и слабо их выслушивало, можно, как пример, указать на следующий случай. Приезжает однажды А. Е. в одну большую станицу. Через два-три часа на общественную квартиру, где он остановился, приезжает член Рады, казак этой станицы, человек с высшим образованием. Узнавши, что А. Е. уже был в станичном правлении и что по его просьбе на завтра собирается станичный сход, член Рады просит его уступить ему право первому сделать свой доклад своим станичникам, обещая говорить недолго. А. Е. Пивень охотно согласился на это, но от беседы в тот день отказался, а только просил его и ст. атамана объявить всем собравшимся, чтобы пришли послушать его на другой день.

Когда, на другой день, А. Е. пришел на собрание в здание кредитного т-ва, то громадный зал был набит битком. Публика стояла и сидела даже на сцене и за кулисами, а перед раскрытыми окнами стояла во дворе также очень большая толпа людей. Атаман заявил лектору, что во дворе собралось чуть ли не больше людей, чем в самом зале, и что если бы А. Е. согласился остаться еще и на другой день, то зал был бы снова полон. А. Е. остался.

Прочитавши первое стихотворение и давши затем

подробное пояснение всему, что было в нем изложено, лектор сделал перерыв. В это время подходит к нему и представляется директор местной гимназии и, выразивши благодарность за полезный труд, сказал ему следующее:

— Если бы я знал, что Ваша лекция так интересна и содержательна, я непременно привел бы сюда всех моих воспитанников. Теперь вижу свою ошибку и хочу усердно просить Вас прочитать ее завтра не здесь, а в здании гимназии.

Когда, по соглашению с атаманом, просьба директора была уважена, он далее продолжал:

— Меня крайне заинтересовало не только самое содержание Вашей лекции, но, в особенности, то исключительное внимание, которое проявляет к Вашей речи эта простая станичная публика. Это совсем не то, что я наблюдал здесь вчера, или всякий раз, когда у нас кто либо говорил с народом, а таких за целый год перебивало в станице очень много. Приезжает, напр., делать доклад или прочитать лекцию интеллигентный человек. Говорят — казак, одет даже в черкеску и носит довольно большой кинжал. Однако, достаточно бывает ему увидеть, что на собрании присутствует несколько человек из местной интеллигенции, как он совсем забывает о простом слушателе-казаче и произносит свою речь на русском языке, стараясь изукрасить ее массой „ученых“, слишком „книжных“ оборотов и выражений. А такая речь бывает понятна только этим нескольким интеллигентам, — остальная, главная масса присутствующих казаков понимает очень плохо, скоро утомляется и под конец слушает без всякого внимания. Теперь я очень хорошо вижу и вполне понимаю, что в таких случаях с казаками нужно говорить только на родном их языке.

Этот директор был великоросс, проживший на Кубани не более двух-трех лет, но он уяснил себе это скорее и лучше, чем многие из нашей казачьей интеллигенции. Когда по окончании своей лекции, А. Е. Пивень спросил одного казака, о чем вчера говорил с ними на сходе член Рады, то последний ответил:

— Та хто його знає, він чоловік не нашого порядку: балакав довго, а про що — не розбереш.

Эти простые слова вполне подтвердили то, что незадолго перед тем высказал директор гимназии.

Стоит упомянуть также посещение А. Е. Пивнем одной довольно большой станицы, которая расположена на окраине области, в большом захолустьи. Когда он собрался туда ехать, многие ему этого не советовали: „Там народ — сущие волки, бирюки! станица слишком расбросана, растянулась на большое пространство; население живет скорее хуторской, чем станичной жизнью, люди там грубые и необщительные, собрать их почти никогда не удастся, а если и соберется немного, то в скором же времени разбредутся, — ничем их не заинтересуешь“. Не взирая на такое предупреждение, Пивень все таки поехал: станица большая и пропускать ее не хотелось.

Когда А. Е. приехал в эту станицу, то в правлении почти никого не было. Помощник атамана, узнавши о цели приезда, довольно безцеремонно заявил:

— Наверяд, щоб прийшлося Вам з нашими людьми балакати. Уже їм це діло набридло гірше печеної редьки: ніхто й слухати не хоче. Та й зібрати їх не збереш, — не прийдуть. Сказати по правді вашого брата — лехторів та делигаторів — розвелось такого багато, що люде не то, щоб слухати, а й дивитися на них не хочуть.

Такое заявление привело А. Е. в смущение. Узнавши, что атаман куда то выехал и часа через два вернется, А. Е. решил все таки его дожидаться и отправился на общественную квартиру пообедать. Хозяйка квартиры, какая то вдова-матушка, тоже показала ему женщины мало приветливой и нелюдимой; на вопросы отвечала коротко и от разговора намеренно уклонялась; когда же узнала, что приезжий имеет намерение беседовать с народом, она только махнула рукой и, ничего больше не сказавши, вышла.

Увидевшись после обеда с атаманом, после короткого с ним разговора, А. Е. решил немедленно ехать обратно и просил атамана дать ему лошадей. Просмат-

ривая открытý лист, атаман вдруг оживился и, не ожидано для А. Е., очень любезно спросил:

— А позволте узнать, не Вы ли тот самый Пивень, что пишет разные книжки и рассказывает в станицах все в стихах по нашему, по черноморскому?

— Тот самый.

— Ё, як що Ви той самий, — переходить атаман на родной язык, — так ми за Вас багато де чого чули і наші козаки не такі дурні, щоб відмовились Вас послухать. Звиняйте, що я про те зразу не довідався.

После этого атаман особенно любезно просил А. Е. остаться, обещая приложить все старания, чтобы соборать людей на сходку.

Был канун праздника или воскресного дня. Отправившись на другой день в церковь помолиться, А. Е. в конце обедни услышал, как священник обратился к народу с пастырским словом, в котором, касаясь переживаемых событий, отозвался в очень лестных выражениях о приезде в станицу А. Е. Пивня и просил молящихся идти прямо из церкви в ст. Правление, чтобы его там послушать.

Выходя из церкви, А. Е. был поражен: его глазам представилась такая картина, какой он прежде ни в одной станице не встречал, хотя уже об'ехал три отдела и находился в четвертом. Половина церковной площади перед зданием ст. Правления была буквально запружена народом. Из церкви народ также валил валом и все увеличивал толпу.

Едва успел А. Е. выпить стакан чаю, как к нему уже явился помощник атамана — вчерашний знакомый — и просил его пожаловать возможно скорее на собрание, т. к. народ ожидает его с большим нетерпением.

Взойдя на приготовленное возвышение и поздоровавшись с людьми, А. Е. окинул привычным взглядом целое море голов. Перед такой громадной аудиторией, собранной при том на открытом воздухе, как признавался потом А. Е., в него закралась робость: он боялся за свой голос. Пришлось предупредить слушателей, чтобы соблюдали самую строгую тишину и, к удивлению, народ понял оратора с двух-трех слов: сгрудился,

скупился и сейчас же установилась тишина. И нужно отдать справедливость: эта громадная толпа слушала А. Е. с таким удивительным вниманием, какого от нее не ожидалось. Когда уставший лектор сделал перерыв и заявил, что если слушатели утомлены или голодны, то он может свою беседу сократить — на это раздалась целая буря восклицаний:

— Просимо! просимо! Розкажуйте усе! Нічого не викидайте! Наїмось і послі! А хто не хоче слухать, нехай іде геть!

Но, никто после этого не ушел. Все с неослабевающим вниманием слушали до конца...

Об этих поездках А. Е. Пивня по станицам можно бы было написать целую книгу. Но, достаточно и приведенного выше, чтобы судить о том громадном внимании, какое казаки выказывали к своему родному языку и ко всему тому, что касалось казачьей истории и вообще казачьей жизни.

После ухода в 1920 году с Кубани, находясь вместе с Кубанской Армией в Сочи, А. Е. написал там поэму „У Сочах“, которая в 1922 году была напечатана в „Казачьих Думах“.

Будучи в эмиграции, А. Е. Пивень продолжает, по сколько позволяют ему силы и слишком трудные для его слабого здоровья эмигрантские условия жизни, заниматься литературным трудом до настоящего времени. Написанные им в это время произведения печатались в казачьих журналах: „Казачьи Думы“, „Вольная Кубань“ и „Путь Казачества“, а в последние два года он работает исключительно в журнале „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“, идейное направление которого вполне разделяет.

Пожелаем же ему, действительно нашему поэту и писателю, искренне и от чистого сердца, чтобы долго, по крайней мере еще сорок лет удалось сохранить ему силы и здоровье и делать и дальше то дело, которое делал он в течении сорока лет минувших. Пусть еще раз суждено будет ему сделать свой об'езд кубанских станиц, на этот раз окончательно освобожденных от всякого большевизма. Пусть еще раз, измученные ныне духовно и физически, услышат казаки из его уст Козачу Правду.

Д. Вернигора.

Зносини України і Дону в минулому.

Жиємо в добу досягання числених історичних процесів. Як рослини, в залежності від їх природи, від ґрунту і підсоння виростають і дають плід в неоднакову пору року, так і аналогічні явища політичні та соціальні набувають певних форм і дають певні наслідки в залежності від місцевих обставин. Одним із таких явищ, досягання якого ми спостерігаємо на власні очі, є політичне зближення і можливе державне об'єднання різних етнічних і територіальних груп на Сході Європи, а зокрема українського народу зі східно-європейським.

Процес політичного наближення цих двох груп, що виразно позначився в часи революції, не є утвором наших сучасників, але коріниться глибоко в минулому, в тих давніх старих стосунках, що існували між Україною і особливо Запоріжжям та різними козацькими формациями на Сході і головню з Великим Військом Донським. Більш того, історія України і Дону мають багато схожості, є наявність збіжності в часі і характері соціально-політичних явищ там і тут, хоч єсть і деяке „відставання“ Дону від історичної еволюції України, про що зрештою буде мова далі.

Вивчення взаємовідносин України з Доном в минулому є дуже важним для зрозуміння сучасності і для передбачення майбутності. На жаль, ті взаємини мало розсліджені і тому суть дуже цінними такі праці, як от генерала Бикадорова, та розвідка академіка Гермайзе, що з'явилась друком в Києві і з якої ми користуємо в нашій нарисі.

Згідно сих дослідів стислі стосунки між Україною і Доном існували з самого початку заснування і організації Великого Війська Донського. І не дурно деякі

історики, як Татищев і Рігельман гадають, що старий Черкаськ був заложений українцями. За те промовляє і той факт, що місто носило імя, яке давніше москалі намагалися накинути українцям, називаючи їх черкасами.

З давніх давен існував колонізаційний рух з України в східно-європейські степи, на Дон. На доказ того маємо низку реляцій московських воевод, що сиділи на московсько-українсько-донському пограниччю, в „українних городах“, і до певної міри контролювали події та цей рух. Колонізаційна хвиля складалась з ріжного роду людей. Насамперед були це добувницькі ватаги, що тиснені польською державністю з Заходу, татарськими ордами з Півдня і московським відпором з Півночі шукали відповідного терену для свого грабівницького промислу. Так напр. Путівський воевода в 1598 р. дописував у Москву, що він післав експедицію „в поле, на усьє Айдари і вніз по Дону, в те места, где твоіх государевих людей, станічників, громілі черкаси“.

Подруге були це осадники, що утікаючи перед польською експансією, шукали вільгот на Сході і, перейшовши Слобожанщину, просили у Москви дозволу осісти на вільних землях. Воеводи часто допомагали їм харчами та грішми. Білгородський воевода в 1646 р. перепустив таких зайд „з Литовської сторони“ 68 люду, що прибули з Бобріка, Гадяча. Йшли також і з Західної України, з Задніпрянщини. Вони прирікали служити московському цареві поряд з донськими козаками і в той спосіб поповнювали ряди цих останніх. Був це елемент здебільш хліборобський, в кожному разі осілий. Він зо-

ставався на Дону і помалу творив ту людність, яку нині там бачимо.

Але далеко не всіх важилися пропускати воеводи і той же Білгородський, довідавшись, що за 68-ма йде ще 5.000, не лише не поміг ким другим, але після наказу з Москви, рішуче спротивився їх руху на Схід. Тим не менш ці „вільні люде“, „черкаси без записей“, себто українці, які не давали „поручних записок“ і не хотіли присягати цареві, всеж проходили на Дон, осаджувались там і змішувались з населенням. Царі скорше воліли самі вербувати людей по своїй уподобі для заселення Донщини. В січні 1647 р. було набрано „на Воронеже і Литовських городах“ аж 3.205 чоловік, але не можна виділити з них українців, бо в московських реєстрах імена їх немилосердно перекручувано на московський копил. Хіба, що врядигоди за кимсь, з визначніших осіб затримано назву „Черкашанин“, себто українець.

Приходили на Дон зрештою і люде, що шукали часового заробітку чи то ринку для збуту краму. Так, Валуйський воевода писав в 1651 р.: „приходять в Валуйкі Русскіє люди і Черкаси, для роботи і всяких дел“. До Путівльського воеводи звертались „литовські торгові люде“, себто українці, за дозволом їхати на Дон торгувати „хлебними і всякімі запасами, вином, зелієм і свінцом продажним“. Так само донці їздили на Україну в тих же торговельних цілях.

При таких умовах нема нічого дивного, що вимін людністю між Україною та Доном був дуже сильний. Маєм числені посвідки про велику кількість українців на Дону і донців на Україні. В 1615 р. московський уряд писав з обуренням, що на Дону перебувало 2.000 запорожців, які спільно з донцями шкодили московсько-турецьким відносинам. В слідуєчій році у Москві дізнались, що 4.000 запорожців збираються йти на Дон, щоби спільно воювати Азов. В 1623 р. царь послав кн. Белосельського на Дон з грамотою, аби розвідатись, скільки там живе черкасів. Багато запорожців перебувало на Дону довший час, як от той Шафран, що прожив там 18 літ. Він оповідав, що козаків на Дону є наполовину українців і наполовину дончаків. Знов донський отаман Татаринів свідчив у Москві, що тих і других там є по 10.000. Часто траплялось, що дончак, утікаючи з турецького полону, заходив на Запоріжжя і запорожець на Дон. В кожнім разі на Запоріжжі існувала окрема хоругва донська і сильно поширене призвище Донець, Донський говорять про чисельність донського елементу на Україні.

Ці стиглі і тяглі відносини України з Доном знайшли свій відгомін в висказах сучасників і в народній поезії. Так Київський Мітрополіт І. Борецький в 1621 р., підносячи високу місію козаків в справі оборони віри, ставить запорожців і дончаків поряд. В думі про С. Кішку говориться:

Утверди Боже люду царського
Народу християнського
Війська Запоріжського, Донского і т. д.

Так само в донських козацьких піснях солідарність Дона і Запоріжжя відзначається ще частіше і виразніше:

На стружках сидят стрельци
Удалие молодци, все Донскіє казаки
Да еще Гребенскіє, Запорожскіє ..

або в пісні з часів отамана Фрола Мінаєва:

На козацькій круг сходяться Донскіє Казаки
А і Донскіє, Гребенскіє, Запорожскіє — хохлачи
Становятся молодци во єдиний круг.

В цій останній маємо натяк на той історичний факт, що казаки запорожські на Дону мали право голосу нарівні з тамошніми, як то бувало і навпаки. Тим не менш зайшли казаки не змішувались з місцевими і жили згідно своїм порядкам і окремими куріями (донська хоругва на Запоріжжі). Часом навіть у них доходило до непорозумінь і до сварок. Після одного походу на Азов запорожці повстали проти дончаків, домагаючись для себе окремого городка в Азові. Дончакам довелося втихомирювати запорожців і навіть забити непокірного отамана. Рівно, в 1625 р. після спільного походу під Трапезунд, знов дійшло до сутички між запорожцями

та дончаками і тоді наложився головою донський отаман.

На тлі цих натуральних відносин, як рівно на основі глибших політично-соціальних процесів, що відбувались в житті українського народу і східного козацтва вирисовуються певні політичні взаємовідносини між Україною і Доном. Початки цих відносин треба шукати ще в 16-м ст. В 1558 р. славетний Байда, кн. Вишневецький, один з організаторів і ідеологів запорожського козацтва, шукає способів знищення кримських татар і вдається за допомогою до Москви. Царь спрямував його на Дон, аби там він поробив човни і разом з дончаками вдарив на Азов, що Вишневецький і зробив. Подібний похід відбувся за проводом якогось Данила Черкашенина і в 1574 р. Оскільки цей ватажок був дорогий дончакам видно з того, що ці останні, довідавшись про покарання його Кримським ханом на горло, знов пішли на Азов і, щоби помститись, взяли за заручників 20 кращих людей з поміж татарами, на чолі з султановим швагром Сеїном.

В добу самозванщини на Московщині українські казаки ведуть політично-військову акцію спільно з дончаками. Український отаман Заруцький тікає на Дон разом з Марією Мнішек, маючи на меті підняти не лише донських, але і волзьких, яїцьких та терських козаків. Знов дончаки беруть участь в українським поході 1621 р. під Хотин. Суперник Гетьмана Сагайдачного, Бородавка, посилає на Дон свого довіреного мужа, Соколку, аби втягти дончаків в спільний похід на турків.

Сама соціальна природа козацтва, однакова як на Дону як і на Дніпрі, що робила з них військову, лицарську касту, яка жила з війни, з добиництва, споріднювала Запоріжжя з Доном. Походи на татар і турків були свого рода промислом, небезпечним, непевним, але тим не менш притягуючим для елементу сміливого, відважного, що не міг зносити тяжких умов феодального режиму. Те, що для запорожців було „лупленням чабанів“, на Дону звалось „добиванієм зіпнуов“. Дуже числені були походи роблені запорожцями і дончаками спільно. Здебільш бувало так, що запорожці приходили на Дон і підбивали своїх сусідів на експедицію, тим самим даючи москалям привід нарікати на них за збурення „станичників“.

В 1621 р. 1.300 дончаків за проводом отамана Малигіна та запорожські казаки на чолі з Сулимою, посідаючи на „струги“, підступили до турецького міста Ризи. Їх відбито і, коли вони вийшли в море, їх потріпала буря і на останку ще й турецька фльота. Тоді загинуло 700 чоловік і потоплено 8 човнів. Але в наступному році виступило знов 1.500 дончаків і 300 запорожців, до яких на морі прилучилося ще 30 чайок з запорожцями. На весні 1624 р. донські і запорожські казаки на чолі з Демяном Черкашенином руйнували і грабували місто Старий Крим, пустошили улуси побіля Керчі. Поділивши здобич, вони розійшлися хто на Дін, а хто на Запоріжжя. В 1625 р. в осені дончаків з 2.000 на стругах, та запорожців 10.000 на 300 чайках громили Трапезунд, але, потерпівши поразку, вернули на Дон, де запорожці мусіли зімувати. Знов 1631 р., після походу на Чорне море, 1.500 дончаків шукало притулку на Запоріжжі, а на Дон повернуло лише 500. В літі 1634 р. запорожці вирядились на Азов, але не могли взяти міста, аж доки їм на допомогу не прийшли дончаки. Пограбувавши Азов, ці останні не зважились вертати додому, боючись кари від Москви, і разом з українцями подались на Січ.

Треба мати на увазі, що Дон був в певній політичній залежності від свого сусзарену, царя. І цей, хоч часом і уживав східних козаків проти татар і турок, все ж дуже пильнував і непокоївся, що казаки своїми походами псують йому відносини з небезпечними сусідами. А тому що стислі стосунки Дону з Запоріжжям дуже спричинювались до цих походів, то царь противився їм всіми силами і часто докоряв дончакам, що вони накладають з „черкасами“. В одній грамоті з 1617 р. царь пояснював ці спільні козацькі походи польською інтригою (ніби так, як сьогодні росіяне пояснюють самостійництво): живучи на Дону, казаки „сложася, ссилаяся с запорожскімі черкаси по повеленію недруга

мого, польського короля". Так само року 1625 царь виговорював донському отаманові Старово за те, що „до донських казаків приходять і с ними вместе турскаво царя города і улуси грабят Запорожські Черкаси". То ж не дивно, що українська політика, яка все змагала до спільної акції з Доном, часто надбибувала на протидіяння і перешкоди з боку Москви.

Невигоди для України залежності Дону від Москви сильно дали себе відчутти в добу Хмельницького. В цю пору змагання українського народу прибрали виразних політичних форм і вилялись в боротьбу за державну незалежність. До того спричинилась поява в українській народі загосподареної, більш культурної, старшинської верстви. Подібного соціального процесу, а тим менше політичних спрямовань, в ту пору на Дону ще немає. Там ще в повній силі „козацька вольниця", що жие і хоче жити лише з добичництва та з царевого „жалованья". Вона ще не задумується над політичними та державними цілями свого чину і лишається байдужою, а часом і ворожою, до державних змагань українського народу.

Коли Великий Богдан підймає всенациональне повстання проти Польщі і шукає союзу з татарами він намагається прихилити на свій бік і дончаків. Тим більш, що в ті часи об'єднання запорожського козацтва з донським вважається цілком натуральним. Ця можливість сильно непокоїть Польщу та Москву, про що воевода Київський А. Кисіль пише до кн. Трубецького. Року 1649 були висланці Хмельницького на Дону і умовляли козаків не сваритись з татарами, але дати допомогу Україні в боротьбі з Польщею. Але Дон, знаючи, що Москва не хотіла втручатися в польсько-українські відносини, відмовився, кажучи, що „без государева указу помощи дати не смеем". Дон, по виразу Грушевського, стає „занозою в кримських плянах Хмельницького". Бачучи таку нехті донських козаків, Хмельницький намагався вплинути на них, погрожуючи війною. Був час, коли він плянував похід на Дон і на Москву і казав полтавському полковникові Пушкаренкові громадити військо. Але до такого походу не дійшло і то до певної міри тому, що ціла маса українського козацтва сильно відчувала свою спорідненість з Доном і війна проти Дону на Україні не була б популярна. Тим не менш донські козаки мусіли рахуватись з можливістю війни і тому в 1650 р. вони склали умову з Калмицькою ордою, щоби оборонятись спільно проти України і Кримчаків. Загалом же справа зносин України з Доном в період Хмельницького стоїть на другому пляні.

Лише після приєднання України до Московщини в 1654 р. Гетьман знов бере в рахунок Дон, але старається впливати на нього за посередництвом Москви, яка в нових обставинах радить дончакам координувати свій чин з українцями. Хмельницький більш не потребує татар і тому не стає причиною розбрату з Доном. Однак, треба зазначити, що в політиці Богдана супроти Дону не відчувається свідомості органічної спільності козацтва запорожського з донським. І то є натуральним, коли взяти під увагу розбіжність соціальних спрямовань ділаючих на Україні і на Дону в добу Хмельниччини. Гетьман розглядає Дон з боку стратегічно-військового, не більш. Провадячи переговори з Кримом, Генеральний Писарь Виговський, погрожує татарам, що в разі ворожнечі, „з Дону і з Дніпра ударимо і, яко ворогів, воювати будемо". Більш того, Хмельницький не лише погрожує, але й бере зобов'язання в імені донського козацтва на рівні з запорожським. „Ні з Дніпра ні з Дону від козаків жаден ваш не загине", казав він в літку 1654 р. після загибелі Кримського хана Алкосові Кечіто. В 1655 р., під час війни Хмельницького з Кримом, дончаки вже билися в рядах українського війська. Але цей факт не заперечує нашого твердження про байдужість Дону до визвольних та національних змагань України доби Хмельницького. Українська велика революція не знайшла сильнішого відгомину ні співчуття. І то тому, що донське козацтво ще не дійшло до належного рівня політично-соціальної еволюції на яким тоді стояла Україна.

Але і на Україні добичництво, що шукало лише нагоди повоювати і пограбувати не перевелось ще дового після Хмельницького. Великий Гетьман спомігся його погамувати, узяти в тверді руки силою свого залізного характеру і мудрістю державного мужа, але воно не перестало існувати. Два світогляди і дві політики, відповідно двом відмінним суспільним верствам, старшинству, державно думуючому і черні, політично невиробленій, борються ще довго в історії України. В залежності від змін цієї боротьби міняються і форми українсько-донських взаємовідносин. Офіційний Дон байдуже дивиться на змагання представника українського аристократичного старшинства, Гетьмана Виговського звільнитись від Москви. По наказу Москви він допомагає його суперникові Юркові Хмельниченкові. Лише коли сутічка між двома суспільними верствами на Україні доводить до Брюховецького, яка була спробою козацької голоти встановити свою диктатуру на Україні, відносини України з Доном оживають. Року 1668 Гетьман Брюховецький зробив спробу поєднати соціальні змагання української черні з антимосковськими настроями на Україні. То був час повстання Ст. Разіна проти Москви. Натурально, що політика Українського Гетьмана зійшлася зі змаганнями Донського Отамана. Годиться відзначити, що з самого початку повстання Разіна знайшло живий відгомін на Україні. У Разіна у війську було багато українців і ми знаємо, що над чотирма сотнями „хохлачей" — мав провід запорожець Боб. То ж не дурно, що історик Солов'єв надає великої ваги впливу і участі українців в цілім руху Ст. Разіна.

Було багато дончаків і на Україні. Брюховецький намагається зробити з Дону свого союзника проти Москви. Він засилає листа до „славнаво, грознаво, небогедімаво Войска Донскаво, атаману і всему рицарству на Дону пребивающому" і пропонує „Господіну Стеньке" „єдиномисленное, братское, желательное пріятельство". Пляни Брюховецького, що простягав руку Разіну, були закрені широко і не на жарт занепокоїли Москву. Можливість спілки України з Доном підтвердилась і пізніше, коли Разін в р. 1670, стоючи табором в Кагалнику, намагався об'єднатись з запорожцями. Але тоді вже Брюховецького не стало і Отаманові довелось переговорювати з Гетьманом Дорошенком і запорожським кошовим, отаманом Сірком. До союзу України з Доном так і не дійшло. І то тому, що і Гетьман Дорошенко і кошовий отаман Сірко належали до вищої, аристократичної старшинської верстви, соціально чужій Разінові.

Хоч Дорошенко і відмовився від союзу з Разіном, подержи прилюдно на козацькій раді його листа, все ж багато з української козацької черні посунуло до Разіна у військо. Більш того, повстання Разіна відбилося на Україні гучною луною і викликало цілий ряд місцевих заколотів на московсько-українському пограниччю.

Після Разінового повстання і на Дону дійшло до витворення вищої, старшинської верстви „атаманов", якої основоположником стала родина Фролових. Особи Фрола Мінаєва на Дону і Івана Сірка на Запоріжжі суть однаково характерні і сімptomатичні під зглядом соціальним, яко представників добре загосподареного козацького старшинства. Там і тут відбувається перехід від степового добичництва до осілої хліборобської праці. І тим самим Дон, ніби поступаючи за Україною, зближається до неї природою своєї соціальної еволюції. Але на Україні цей процес соціального зривання почався значно раніш і уможливив Хмельницькому його національно-державну політику. Великий Гетьман, використовуючи розгонову силу черні, шукав опертя серед старшинсько-хліборобсько-аристократичної верстви, як основи державного будівництва. Він бачив, що степова „вольниця" не годна мислити себе самостійною політичною силою, бо вона вічно шукатиме здобичі, заплати і потребуватиме якогось сюзерена, чи то буде польський король чи московський царь. Натомість, осіла хліборобська верства, більш культурна і здібна до будівництва, скорше унезалежнить себе психологічно і запрагне політичної незалежності у власній національній державі.

Речником цієї проказаної Богданом політики на

Україні в кінці 17-го ст. і був Гетьман Дорошенко. В своїх змаганнях до побудовання української національної незалежної держави, опертої на кращих козацьких традиціях, він намагається поєднатися і з Доном. Тим паче, що в ту пору провідником Великого Війська Донського є Мінаєв, який подібно до тодішнього Кошового Отамана Війська Запорозького, є представником верстви старшинської, соціально близької Дорошенкові. І от Український Гетьман, маневруючи між Московщиною і своїм суперником Самойловичем, демонстративно складає свої гетьманські клейноди не перед ким іншим, лише перед Військами Запорізьким і Донським. В цій акції, хоч і подиктованому міркуваннями тактики, дві козацькі організації виступають, як одна суцільна політична сила. В ній найвища точка, якої дійшла зближеність козацтва Західного і Східного в минулому. Але на жаль заходам Дорошенка, цього чесного, мудрого, але нещасливого героя Руїни, не судилося дати бажаних наслідків ні для України ні для Дону. Його патріотична діяльність, відданість національній козацькій справі не спромоглася навіть зміцнити зносини України з Доном. Вони помалу замирають і щоби помітити в них якесь оживлення, треба чекати початку 18-го ст. доби Мазепи на Україні і Булавіна на Дону.

Зіставлення цих двох імен вже наводить на думку про збіжність в історії України і Дону. Справді, існує ніби синхронізм в подіях і в появі епохальних осіб там і тут. Але на жаль, не вважаючи на де далі більшу зближеність політичної лінії козацтва Українського і Донського і в 18-му ст. у них не дійшло до спільної акції. Мазепа і Булавін зналися особисто і то з часів походу під Азов в 1706 р. Це дає підстави деяким російським історикам твердити, що Булавін зазнав впливу Гетьмана і навіть що ціле його повстання було інспіроване Мазепою. Але скорше доводиться думати, що у Мазепи не було великих симпатій до донського отамана і то можливо через те, що соціально Український Гетьман-аристократ був далекий станичному донському отаманові. Так або інакше, Мазепа відкинув союз з Булавіним і тим зробив велику помилку, зменшуючи шанси свого успіху в боротьбі з царем Петром. Тим не менш Булавін, що бував на Запорозжі не раз і пересиджував там часово, ховаючись від Москалів, мав співчуття Запорозької Січі. В його війську, всупереч забороні царя, знайшлося до 3.000 українських козаків під проводом ватажків Хохлача, Драного, Голого, які

завзято бились з Москалями, навіть після розгрому Булавіна.

З усього попереднього видно, що взаємовідносини України і Дону в минулому представляються надзвичайно цікаво. Вони не лише тяглі і стислі, але й дуже приязні. Єсть певна аналогія в процесах соціально-політичних, що відбуваються тут і там, і можна сміливо твердити, що існує органічна спільність між козацтвом Західним, Українським і Східним, Донським насамперед. Згодом ці дві галузі одного соціально-політичного явища, що ним є козацтво, дістало новий зв'язок, в формі Кубанського Війська. Бувши кість від кісти і плоть від плоти українського народу, воно протягом двох століть зрослося організаційно з сусіднім Військом Донським. І таким чином зв'язок України з Доном, а тим самим і з Східним Козацтвом, зміцнів. Пізніша українська колонізація залюднила східно-європейські степи і пересякла східне козацтво. Нині українська етнічна маса становить там мало не 30 відсотків населення.

Все те промовляє за найтісніший союз козацьких країв з Україною. До того ж ті чинники, що часом їх сварили чи відштовхували в минулому, як політика супроти татар чи сюзеренна залежність Дону від Москви, нині коли не зовсім зникли то йдуть на зникнення. Вже з вище поданих історичних фактів видно, що чим більше Донське Козацтво дістає досвіду в зносинах з Московщиною, тим більше воно від неї відвертається. Здається, досвід, набутий від часів російської революції з її большевицьким заключенням, в цім питанні мусить бути рішачим. І тому можна бути певним, що поступенне зближення окремих козацьких формацій дасть в майбутньому єдину козацьку націю. Нині коли щось і стоїть тому на заваді, то се „сюзеренна“ залежність частини козацької інтелігенції від московської культури. Що до спільности мови певної частини Східного Козацтва з Росіянами, то це не може переважити важніших чинників, якими є відрубність психо-логічна і розбіжність суспільного укладу і історичних традицій. На доказ цього є надто багато прикладів. Вкажемо лише на Америку в її стосунках з Англією, на Швейцарію в стосунках з Німеччиною, Францією і Італією, на Бельгію в стосунках з Голандією та Францією і т. д. Історичний процес, що дав єдине, неповторне явище Козацтво на Сході Європи мусить одного дня виявитись в формі створення Козацької Держави поряд з Україною.

П. И. Кокуньо.

Я. Г. Кухаренко и переселение Черноморцев за Кубань.

(Очерк.)

II.

Для каждой исторической эпохи имеется, так сказать, своя психология, оставляющая которую без внимания не приходится. Изображая событие по одним письменным документам, легко впасть в ошибку при его оценке. Документ, констатируя факт, часто ничего не говорит ни о нравственных переживаниях, породивших его, ни об обстоятельствах, следствием которых он является, без чего трудно установить более или менее правдоподобный взгляд, как на совершившееся событие, так и на характеристику действующих в нем лиц.

Так как настоящий очерк не есть история переселения Черноморцев за Кубань, а имеет целью представить скорее психологическую картину общественного движения в то время, то главную роль в нем приобретают не документальные данные, а разного рода слухи, волновавшие это общество. Поэтому особенную важность в данном случае представляют свидетельства и рассказы лиц, участвовавших в событиях или переживавших их.

Само собою разумеется, что дать точную хронологию каждому случаю трудно, как трудно уловить и дату появления слуха. Невольно придется удовлетвориться

установлением последовательности их. Если же принять во внимание, что всевозможные слухи, распространяемые в массе в период ее брожения, служат всего более причиной разных событий, то будет понятно, почему трудно установить хронологию самих событий, не имея под рукой данных, особенно при изображении острого периода этого движения. А в такое именно время и состоялось обвинение Кухаренко в измене казачеству.

Сбором материалов для истории переселения Черноморского Войска были заняты два лица: Белоус и Василий Семенович Мова, бывший мировой судья г. Ейска и впоследствии присяжный поверенный в Екатеринодаре. Я не знаком с материалом, собранным г. Белоусом, но с материалом, собранным Мовою, я очень хорошо знаком, так как сам помогал ему в этом деле, а в конце концов большая часть его попала в мои руки после его смерти, а часть, вероятно, попала в руки г. Скидана (может быть случайно) в числе бумаг, назначенных к отсылке г. Конисскому. Сейчас у меня нет под рукой этого материала, он остался со всем прочим моим архивом на Кубани, но, насколько помню, среди него нет ни одного официального документа. Весь он состоит из рассказов участников событий, иногда лиц

официальных, причастных к делу, и лиц близко стоящих у кормила тогдашнего правления Черноморского Войска, а иногда и просто знакомых с массовым движением Черноморского казачества.

Время переселения Черноморцев — пожалуй, один из интереснейших периодов истории Черноморского Войска, да, пожалуй, не только его одного, а и всего Кавказского казачества.

Первоначально Кавказская война заключалась только в посылке экспедиционных отрядов, как меры карательной за всякий набег горцев на мирное население. Действия этих отрядов ограничивались разорением аулов, грабежом их достояния и возвращением обратно иногда с довольно существенной добычей. Учреждение, так называемой, Новой Линии по реке Лабей и прочным занятием территории между Лабой и Кубанью, переселением казачьих станиц на занятую землю, навело штаб кавказской армии на мысль, что только таким образом и может быть завоеван Кавказ.

Первые опыты выдвижения таких поселений вперед были весьма неудачны. Псеменская станица, например, была два раза вырезана горцами. Тогда был командирован генерального штаба полковник Дюгамель (впоследствии член Государственного Совета) определить опорные пункты, под прикрытием которых можно было бы основать поселения. Дюгамель блестяще выполнил поручение, но сам вместе со своим материалом попал в плен к горцам. Его выручил один из трех братьев князей Карамурзиных, сын которого рассказывал мне лично подробности бегства Дюгамеля из плена, которые я опускаю, хотя они и важны для характеристики низшей кавказской администрации по отношению к горцам.

Дюгамель и в плену сумел сохранить собранные им сведения, послужившие основанием для дальнейшей выработки плана окончательного покорения Кавказа. По этому плану предполагалось сделать нажим на горцев не с одной стороны, как было до этого, а с трех: с востока — от реки Лабей, как и прежде, с севера — со стороны Кубани, и со стороны берегов Черного моря, заняв их десантным отрядом, с тем, чтобы, стеснив горцев, заставить их уйти в горы, а освободившиеся места сейчас же занять мирным населением, взяв контингент для этого из сопредельных казачьих Войск. Хотя на берег Черного моря и некого было переселять, но занятие их считалось необходимым, чтобы прекратить подвоз продовольствия со стороны Турции и снабжение горцев всевозможного рода оружием, о чем особенно заботилась тогда Англия, скупая всякое старье во всем мире для передачи его горцам.

По поводу заселения Закубанского края был спрошен исполнявший в то время должность Черноморского Наказного Атамана, начальник войскового штаба, генерал-майор Я. Г. Кухаренко, который дал приблизительно следующий ответ: Вполне сознавая необходимость для закрепления занятых горских земель переселением на них казаков, он не думает чтобы эта операция прошла гладко и беспрепятственно со стороны черноморских казаков при том способе ее осуществления, какой практиковался напр. с линейным войском, т. е. массового принудительного переселения иногда целых станиц. Причина такого сомнения заключается в том, что Черноморцы, основываясь на грамотах Екатерины II, считают себя собственниками той земли, которая этой грамотой дарована им в потомственное владение, которую они грудью своею отстаивали от горцев в течении довольно продолжительного времени, не мало пожертвовав жизнью за право владения этим „подарком“. Поэтому он уверен, что никто не вправе лишить их того, что они считают своею собственностью, за которую ими пролито достаточно крови. Но, что он в принципе вполне разделяет мнение штаба — целесообразность заселения Закубанского края казаками — и считает возможным осуществление этого со стороны Черноморцев только вызовом охотников на это переселение и думает, что таких будет, достаточно, если все населенные земли будут присоединены к территории Черноморского Войска на таких же основаниях, как и ныне ими занимаемые.

Насколько достоверен этот ответ я сказать не могу, так как ни в ставропольском архиве в начале 80-х годов прошлого столетия, при разборке его генералом Чернявским, ни в 90-х годах в архиве Кавказского окружного штаба, я не мог найти ни одного документа, подтверждающего его весь целиком. Самый же ответ был дан лично Кухаренком командующему армией, для чего он выезжал в Ставрополь. Приведенное содержание его я знаю от моего отца, который был адъютантом Кухаренка, затем подтверждение слышал от полковников П. Д. Кольбикова и Платона Акимовича Савицкого. Впоследствии его удостоверяли полковник П. Гр. Короленко, работавший в комиссии по переселенческому вопросу в г. Ставрополе во время вызова Кухаренко, а потом слышал подтверждение такого ответа со стороны Кухаренко и от генерала Попко, у которого я работал по подбору документов для его истории Терского Войска.

Хотя такие предположения штаба армии составляли пока еще его секрет, но Кухаренко не считал себя вправе молчать о них перед своими казаками и, приехав из Ставрополя, не скрывал своего ответа. Не объявляя его официально по Войску, он передавал содержание его своим приближенным. Так как это дело казалось еще делом далекого будущего, то особого впечатления оно не произвело, хотя и тогда уже находились люди, осуждавшие его, говоря, что нужно было категорически отказаться от переселения, так как нам надобности в нем нет — земли у нас достаточно и надолго хватит. Но таких в первое время было очень мало, большинство пока еще относилось к вопросу о переселении если не совсем индифферентно, то по меньшей мере пассивно.

В штабе Кавказской армии очевидно приведенный выше ответ Кухаренко не понравился. Из него видно было, что надеяться на Кухаренко в содействии на проведение проекта в жизнь в желательной для штаба степени нельзя, или же сомнительно. Вследствие этого Кухаренко, исправлявший должность Наказного Атамана и уже несколько лет ожидавший утверждения его в этой должности, такового не дождался, а взамен этого был назначен начальником Кубанской кордонной линии. Наказным же Атаманом был назначен генерального штаба генерал майор Гр. Ив. Филиппон, который принимал деятельное участие в разработке плана покорения Кавказа и, как говорят, был даже инициатором его. Вместо Кухаренко начальником штаба был назначен полковник Петр Ив. Литевский. Обстоятельство это указывает, что Я. Г. Кухаренко далеко не был сторонником высшего начальства в деле бесцеремонного распоряжения жизнью казаков, в чем впоследствии обвиняли его.

III.

Исполнение вновь выработанного плана во всем его объеме пришлось оставить, вследствие Севастопольской войны. Когда на Черном море господствовал союзный флот, не только нельзя было думать о десанте на берег Черного моря, но нужно было подумать и о защите собственных берегов Азовского моря, куда прошло через Керченский пролив несколько английских военных судов. Благодаря усилившейся деятельности со стороны горцев, надеявшихся на помощь Турции и союзников, особенно Англии, и отсылки части Черноморцев в Севастополь, организация обороны южных берегов Азовского моря в пределах Черноморского Войска была очень слаба; я не знаю, как обстояло дело на Таманском полуострове, но на берегу выше Ахтарской косы (т. е. севернее ее) действия англичан до смешного были вялы и походили более на комедию, чем на серьезное военное предприятие. Берег этот был занят несколькими сотнями донских и черноморских казаков, выставивших в особенно угрожаемых пунктах небольшие группы, я бы сказал заставы, так как они были настолько малы, что трудно подобрать для них другое название. Величина их не превышала полусотни, а на всем берегу их было не более 5—6. Общее начальствование над обороной берега было поручено генералу Хомутову, а Таманского округа полковнику Борзюку, который с отрядом численностью в батальон пехоты

и 2—3 сотни конницы (точно не могу сказать) стоял в гор. Ейске. Действия англичан на этом берегу ограничивались сожжением рыболовных заводов на косе Камышеватской, нескольких на косе Должанской и бомбардировкой города Ейска и десантом, занявшим его. Это последнее было наиболее крупным событием в этом крае. Оно носило настолько опереточный характер, что о нем стоит упомянуть.

Вероятно англичане представляли, что город Ейск занят значительными силами, потому что они не пошли прямо на Ейск, а в верстах 10-ти от города к западу решили высадить десант, чтобы обойти с юга и отрезать Ейский отряд от единственного пути отступления, а затем уже начать свои действия и против самого города.

Узнав о том, что англичане делают вылазку Борзик со своим отрядом бросил город и отступил к балке Широкой, где было несколько казачьих хуторов.

Там и оставался, не предпринимая никаких активных действий против неприятеля до самого конца его „операции“. Англичане, высадив небольшой отряд, направили его на южную часть города, на кирпичные заводы, а флот их в это время подошел к городу и начал бомбардировку, которая была довольно кратковременна — выпущено было всего несколько снарядов, из которых один попал в деревянный городской собор, другой в такую же церковь св. Покрова и третий в единственный полуторазэтажный дом помещика Норецкого. При первых же выстрелах предержавшие власти с представителями города выставили на берегу белый флаг, после чего бомбардировка прекратилась. Вслед затем был высажен на берег небольшой отряд, составляющий собственно охрану с'ехавшего на берег командного состава, которому со стороны города были поднесены хлеб-соль, начальствующие лица были приглашены на обед, а команде тоже предложено угощение. За обедом старший из английских начальников провозгласил тост за процветание города Ейска, а городской голова ответил ему тостом за благополучное окончание английской экспедиции.

Десант, вошедший в город у кирпичных заводов, прошел через весь город на берег к месту высадки, где все вместе с пировавшим начальством погрузились на шлюпки и отправились на суда, провожаемые громким ура со стороны собравшихся на берегу жителей. Так кончилось завоевание гор. Ейска англичанами. По их уходе Борзик со своим отрядом опять вошел в город, где и оставался до конца войны, никем не тревожимый. Рассказ об этом „событии“ мне приходилось не один раз слышать от самих очевидцев и даже от участников в нем — членов городского управления, как например, г. Копараки, бывшего даже на пресловутом обеде, предложенном англичанам от города, на котором, по его словам, были поданы отварные осетры целиком довольно порядочных размеров, удивившие англичан.

Таким образом экспедиция англичан к берегам Черноморского Войска для последнего не имела никакого значения. Если она имела целью оттянуть часть сил, сдерживавших нажим горцев с юга, который во время Севастопольской войны сделался особенно энергичным, то нужно сказать, что цель эта не была достигнута, так как ни один человек не был взят с фронта, да и те, которые были взяты для отряда Борзика прямо из станиц, оказались совершенно лишними, — так слабы были силы англичан и так вялы были их действия. Тем не менее англичане оставили по себе память на зданиях, в которые попали их бомбы, да вылазки, вырытые ими для десанта в обрывистом берегу, которые сейчас же по их уходе были заняты рыболовами, устроившими тут свои заводы. Существуют они и до сих пор под именем „Английских вылазок“. Тут устроили свои рыбоспетные заведения два богатейших купца г. Ейска — Г. и К., просуществовавшие до половины 70-х годов прошлого столетия.

IV.

Между тем подготовка Закубанского края для переселения туда казаков шла своим чередом, хотя дело двигалось вперед и очень медленно. Переговоры, на-

чатые еще при Кухаренко, с горцами о принятии ими русского подданства продолжались и Филипсоном, но результаты были самые плачевные. Особенно упорное сопротивление со стороны горцев было оказано с началом Крымской войны. Тогда принято было решение разорять аулы отказавшихся от присяги горцев, уничтожая все их имущество, с целью заставить их уйти в горы. Это имело своим последствием то, что некоторые аулы, желая сохранить насиженные места и имущество, давали фиктивную присягу, которую нарушали при первой возможности, являясь деятельными помощниками набегов горцев, ушедших в горы. Не помогали и заложники, которых брали от именитых и влиятельных горцев. Не помогло и разногласие между Сефер-беем и Магомет-Алимом, так как они оба одинаково были враждебны к России.

Вследствие такой непримиримости горцев, в штабе Кавказской армии возник вопрос о выселении их совсем в единоверную им Турцию и по окончании Севастопольской войны сейчас же были начаты об этом переговоры с последней. При этом решено было для переселения горцев употребить силу против тех, которые отказались бы от переселения. Филипсон рекомендовал не торопиться с этим делом, уверяя, что с течением времени оставшиеся горцы сами уйдут в Турцию и постепенно край очистится от них.

Это не совпадало с намерением месных правителей и, вследствие такого разногласия, Филипсон оказался неудобным на занимаемой им должности Наказного Атамана Черноморского Войска и вместо него был назначен генерального штаба генерал майор Кусаков, а он получил назначение на должность помощника главнокомандующего Кавказской армией, где тоже долго не продержался. Так рассказывал мне сам Гр. Ив. в 1871 г., уже будучи сенатором по Департаменту Герольдии, возмущаясь теми, поистине варварскими, приемами, которые применялись при переселении горцев в Турцию.

Были, вероятно, особые причины у соответствующих властей торопиться с очищением Закубанского края. Вот об этих то причинах и распускались слухи, волновавшие Черноморцев и вызвавшие довольно серьезные инциденты в связи с их переселением за Кубань. В Ставрополе, где находился штаб Кавказской армии, уже давненько делили шкуру еще не убитого медведя, при чем, как водится, аппетиты разгорались по мере приближения к успешному концу. Была образована комиссия для решения вопроса: как поступить с землей, завоеванной у горцев?

Когда выработывался план завоевания Кавказа, когда конец войны был еще далеко, тогда такого вопроса не возникало, он решался сам собою, в силу выполнения плана: занять край поселениями казаков, подобно тому, как занята была Новая Линия. Теперь же возник вопрос: почему именно казаками нужно поселять эти земли? Ведь не одни казаки участвовали в завоевании этого края и было бы несправедливо обойти других участников в Кавказской войне. Они должны получить свою долю в вознаграждение за труды, понесенные ими. Против этого, конечно, трудно было бы что либо возразить. Но вопрос был в том, будут ли довольны таким вознаграждением сами получившие его. Даже в том случае, если бы край был окончательно завоеван и все население его приняло бы русское подданство, трудно было бы рассчитывать на вполне спокойную и налаженную жизнь среди тех, которые более полувека считали их своими непримиримыми врагами. При таких условиях что будет стоить клочек земли, пользование которым сопряжено с опасностью для жизни?

Но где же было найти такие благодатные места, где не угрожала бы никакая опасность? Кавказское начальство решило этот вопрос очень просто: начать переселение казаков с самих отдаленных от передовой линии мест и постепенно очищать их от местного населения для получения свободных земель, из которых можно было бы выделить наградные участки высшим чинам Кавказской армии и всем связанным чем либо с Кавказской войной магнатам. Что касается низших чинов и солдат, этой „серой скотинки“, то им где ни дай землю — все равно.

Предположено было начать переселение вызовом охотников, затем приговором станичных обществ и, в конце концов, поставить прямо ультиматум: кто упорно не желает переселиться, того лишит казачьего звания и, оставляя на месте, переводить в „податное сословие“, так как по своему назначению казаки обязаны охранять границу империи и не нужны внутригосударства, а обязаны жить на его границах.

Это уже был прямой вызов казачеству и оно заволновалось, приписывая все это своеволию начальства и жадности помещиков, находящихся среди него. Припомнилось, что Сичь была уничтожена благодаря тому,

что помещикам понравилась ее земля, что на Буге по той же причине они терпели угнетения и вот теперь опять приходится переменять место и подвергаться разорению, чтобы лучшие места, с наиболее плодородной почвой прилегающие к берегам Азовского моря, с богатыми рыбными ловлями освободить в пользу тех же завистливых и жадных рук начальства. На этот раз замыслы начальства встретили решительное и серьезное сопротивление со стороны черноморских казаков, которые на землю занимаемую ими смотрели, как на свою собственность

(Продолжение следует).

Инж. В. Бейсуг.

Новороссийск и его экономическое значение.

Тот кусочек земли, где лежит ныне порт, уже сыгравший немаловажное значение в роли экономического развития Казачьих Земель и которому принадлежит в будущем первостепенная роль, известен был человечеству еще за несколько веков до Р. Хр. Здесь находилась в древности греческая колония Баты. В 16 в. городок перешел во владение турок, отобравших его от генуэзцев и построивших в 1722 г. крепость Сунджук-Кале. В 1812 году русские эту крепость взорвали. По Адрианопольскому миру Россия получила в 1829 г. берег Черного моря к югу от Анапы. К последующему времени (1836 г.) и относится возникновение Новороссийска. Сперва было основано Цемесское укрепление и управление, которое впоследствии и было переименовано в Новороссийск. С 1848 г. Новороссийск был сделан портовым городом, а через два года его посетил уже 54 судна заграничного плавания. Во время Крымской кампании город был разрушен бомбардировкой и как таковой упразднен.

Современный Новороссийск ведет свое начало с 1866 г., когда город возник вновь, насчитывая 90 домов и несколько сот жителей. Так было прорублено наше скромное „окно в Европу“. В течении первых двадцати лет город развивался слабо, население его увеличилось лишь до 300 жителей. 1888-й год, когда Новороссийск был соединен ж. дорогой с Ростовом, открыл новую эру. Город стал быстро расти, его население к 1897 г. достигло 35.000, к 1917 г. — 52.225, к 1920 г. — 53.222.

С 1896г. город был сделан административным центром Черноморской губернии.

Проведение ж. дороги выдвинуло Новороссийск в число важнейших портов Черного моря. Еще в 1880 г. в порт прибыло лишь 4 судна заграничного плавания, через 10 лет — 263. Обороты порта быстро росли. С 11-го места, которое занимал Новороссийск в 1880 г. среди Черноморских портов по числу прибывших каботажных судов, в 1900-5 г. г. он занял 2-е место, уступая лишь Одессе и обогнав Батум.

Ввоз 1888 года (2,8 милл. пуд.) к 1895 году достиг 36 милл. пуд., а вывоз с 2,2 м. п. поднялся до 37,2 м.п. Оборудование порта, обошедшееся в 10 мил. руб., постройка в дальнейшем хлебного элеватора и, наконец, перспектива вывоза нефти с развитием ее добычи в Терской области и открытием источников в 100 верстах от порта (ст. Ильская) дали окончательный базис для развития Новороссийска.

Новороссийская незамерзающая бухта со своим портовым оборудованием очень удобна для стоянки и нагрузки океанских пароходов. Единственным природным недостатком является знаменитый „Норд-Ост“, иногда затрудняющий всякую работу в порту. 6-11 декабря 1899 г. этот „норд-ост“ доходил до скорости 34 метров в секунду (при морозе в 15 град.), а в 1907 в итоге вихря было убито 2 и ранено 13 человек, не говоря о серьезных повреждениях портовых построек и обледенения пароходов. Впрочем такие вихри являются исключением, вообще же норд-ост не так уж част и не приносит столько вреда, сколько об этом принято говорить.

Для причала судов, выгрузки и нагрузки сооружено 7 пристаней, дающих возможность одновременно грузить двадцать больших пароходов. У городской территории имеется каботажная пристань и гранитная набережная, где также могут грузиться одновременно 6 пароходов. Большим недостатком является отсутствие дока, что тормозило развитие каботажного плавания.

Экономическое развитие порта определяется всецело экономическим значением обслуживаемого им рынка. Если мы взглянем на карту, то увидим, что район, обслуживаемый Новороссийском, на карте выделит легко: это земли, прилежащие к ж. дорожной магистрали Новороссийск-Царицын с примыкающей к ней сверху, (т.-е., с севера) Черноморско-Кубанской ж. дорогой и снизу линией на Ставрополь. Характер народного хозяйства Казачьих Земель вообще и рассматриваемого района в частности дает возможность предугадать характер и Новороссийского порта: это порт экспорта по преимуществу с.-х. продуктов. Роль производства хлеба в сельском хозяйстве Казачьих Земель позволяет а priori уточнить догадку — это порт по экспорту в первую голову хлеба. С этой точки зрения и посмотрим сперва на значение Новороссийска.

Историческое прошлое порта, в силу обстоятельств введенного в былое время в общее хозяйство Российской империи, заставляет нас сперва обратиться к прошлому и определить его роль в деле всего русского хлебного экспорта.

В движении предназначаемых для экспорта хлебных грузов в России улавливалось три направления: 1) на юг, к Черноморским и Азовским портам, а оттуда в южную и югозападную Европу, — так шла пшеница и ячмень из Украины и Казачьих Земель; 2) на запад, в Польшу, Германию, Голландию, — так шли жито и овес из областей верхнего Дона и района между Волгой и Уралом; 3) из последних уже областей шло зерно и в направлении на север, в русские губернии с недостаточным производством хлеба, в Швецию, Норвегию, Шотландию.

Количества грузов, шедших по этим направлениям, были весьма неравномерны. Особенно ясно сказывалась эта неравномерность в экспорте морем. Недаром Черное и Азовское моря назывались хлеботорговыми, в то время, как Балтийское являлось скорее лесоторговым. Пресловутый русский активный баланс творился именно в Черном и Азовском морях. За 1909-11 гг. 83% всего морского экспорта хлеба шло через южные порты. Балтийское море имело большое значение в вывозе лишь овса: в 1909-12 гг. 3/4 всего экспортируемого овса прошло через него, пшеницы уже лишь 10%, ржи 11%, ячменя 1%. В те же годы через Азовское море и Черное вывозилось 86% пшеницы (из общего количества, экспортируемого морем), 94% ячменя, 78% ржи, 82% кукурузы. Доминирование южных морей объясняется наличием в них незамерзающих портов (Петербургский порт замерзал на 5 мес., в Ревельском торговля не останавливалась лишь благодаря ледаколам) и более близким расположением портов к районам хлебной продукции.

Занять должное место среди южных портов Новороссийску удалось не сразу. Главным конкурентом была Одесса, издавна пользовавшаяся особенным благоволением правительства. 47 лет (1811-1857) Одесса пользовалась преимуществами „свободной гавани“; в 90 гг. на оборудование Одесского порта были отпущены

большие суммы, что создало ему монопольное положение по вывозу. И все же Новороссийск быстро догонял по своим оборотам, а теперь и обогнал Одессу, как и другие Черноморские порты.

Развитие Новороссийска видно из прилагаемых таблиц.

I. Экспорт пшеницы и ячменя через Новороссийск в % отношении ко всему экспорту этих продуктов из России:

1909 г. — 11,6
1910 „ — 11
1911 „ — 14,4
1912 „ — 16,6
1913 „ — 15,6
1924 „ — 21,7 (за 6½ мес.)

II. Общий вывоз зерна из Новороссийска в миллионах пудов.

1909 — 79,0
1910 — 68,6
1911 — 72,3
1912 — 54,3
1913 — 69,0
1914 — 57,7

III. Сравнит. вывоз зерна из русских портов в 1911 г. в миллион. пудов.

Одесса	100,5
Николаев	90,9
Новороссийск	72,3
Ростов	68,3
Херсон	59,3
Петербург	41,8
Таганрог	36,3
Бердянск	28,3
Ливава	28,1

Из первой таблицы мы видим, как росло значение Новороссийска. За 6 с половиной месяцев 1914 г. через него прошло больше 1/5 всего хлебного экспорта всей б. России. Вторая таблица представляет картину в абсолютных цифрах. Уменьшение в 1912 году объясняется общим падением хлебного экспорта в этом году. В сравнении уже с другими портами Новороссийск в этом году обогнал Одессу (45 м. п.) и почти поравнялся с Николаевым (55 м. п.). В год начала войны только из района Кавказская-Ставрополь отправлено было в Новороссийск 11,1 м. п. зерна, а из Георгиевска (Терской обл.) в порт поступило 1,1 м. п. Наконец, третья таблица показывает, что Новороссийск занимал третье место среди вывозивших зерно портов империи, уступая лишь Одессе.

Дальнейшее рассмотрение экспорта хлеба из Новороссийска приводит к интересному выводу. Если исследовать происхождение поступавших в Новороссийск хлебных грузов, то окажется, что среди первых четырех хлеботорговых портов Новороссийск занимал первое место по дальности обслуживаемого района: в то время, как главные массы — 75,3% хлеба Одесского, 56,2% Николаевского и 85,5% Ростовского подвозились с расстояния, не превышающего 300 верст, больше половины — 57,2% — хлеба, вывезенного через Новороссийск, подвезено с расстояния, большего 300 верст.

При рассмотрении значения Новороссийска исключительно для Казачьих Земель этот факт знаменателен. Он показывает, что Новороссийск не был гаванью местного значения, скажем чисто Кубанского, но был связан с Hinterland'ом (позади лежащей землей) больших размеров, и при этом связан такими крепкими узлами, как вывоз хлеба.

Таким образом, если бы перед Казачьими Землями представилась необходимость экспортировать исключительно через Новороссийск, то в этом не было бы ничего противостественного, ни даже нового. Разница по дальности подвоза хлеба между Новороссийском и Ростовом указывает еще и на то, что они не являються, если рассматривать зерновой экспорт Казачьих Земель в целом, портами конкурирующими: 85,5% работы Ростовского порта идет на обслуживание непосредственно прилегающего района с радиусом в 300 верст; если же бы подвоз в Ростов совершался также издали, как и в Новороссийск, то получалось бы перекрещение интересов, создавалась бы взаимно нежелательная конкуренция.

Таким же началом умеряющим соперничество является и зимний характер Новороссийского порта. Так, в 1909—13 гг. за три зимних и март месяца из Новороссийска вывезено 1/2 всего количества, за время же с июля по ноябрь лишь 29,3%. Ростов же в последние месяцы вывозил 53,1% всего количества, а на зимних три месяца навигация в Азовском море вообще прекращалась (кроме Мариуполя).

Что касается вида зерна, то через Новороссийск шли преимущественно пшеница (39,2%) и ячмень (37%), составляя в сумме 76,2% вывозимого зерна. Рожь, в виду незначительного ее производства на Сев. Кавказе, значение играла лишь небольшое (за 1904—13 гг. — 3,9%);

так же небольшое значение имел и вывоз овса (3,7%) и кукурузы (9,3%).

Роль Новороссийска в хлебном экспорте вызывает вопрос об исключительной важности оборудования его порта специальными приспособлениями по приятию, хранению и погрузке хлебных грузов. В этом отношении Новороссийск стоит на высоте экономических заданий лежащих позади него земель. К началу войны емкость портовых складов порта достигла 12,7 мил. пудов, составляя 1/4 всех приспособленных для приятия зерна складов и портовых зернохранилищ б. России. В СССР по отпадению Ревеля, Риги, Виндавы и Ливавы это отношение повысилось до 1/3. Сооруженный Владикавказской ж. дорогой Новороссийский элеватор емкостью в три миллиона пудов был самым большим элеватором России. В момент начала постройки он являлся третьим по величине элеватором мира — баттарей, которая сможет поддержать честь казачьего хлеба на мировых рынках!

В общей цифре экспорта Новороссийска на долю хлебных грузов приходилось 60—75%. На втором месте стоят нефтяные продукты; керосин, бензин, смазочные масла и т. д. В этой области из всех бывших русских портов Новороссийск уступал по вывозу лишь Батуму, конкурировать с которым при наличии пересекающего в 1906 г. все Закавказье нефтепровода Баку-Батум было трудно. Через Новороссийск проходила 1/3 всей экспортируемой Россией нефти. Экспорт Северо-Кавказского бензина и керосина шел исключительно через Новороссийск; мазут, нефтяные остатки поступали в количествах меньших. Для перегрузки нефти было сооружено 23 усовершенствованных резервуара и 4 трубопровода с особыми для каждого механическими насосами.

Экспорт нефтяных продуктов выражался в следующих цифрах: 1909 г. — 4 милл. пудов, 1910 — 11, 1911 — 17, 1912 — 14,5, 1913 — 13,2, 1914 — 9,7 (за 6½ мес.). Шла главным образом нефть Грозненская и Кубанская, в значительных количествах Бакинская. Так, в 1914 г. из Грозного поступило в порт бензина, керосина и лигроина 7,4 милл. пудов, из Екатеринодара 530000 пудов из Баку 205000 п. Соотношение двух первых цифр с третьей выявляет лишний раз экономическую связанность Казачьих Земель: вывоз местной (в пределах Казачьих Земель) добычи нефти шел через свой местный порт. Значительные абсолютные величины цифр, достигших лишь незначительной доли возможного, показывают какое значение сулит Новороссийску в будущем вывоз нефти, одного из важнейших продуктов на мировом рынке.

Третье место в вывозе Новороссийска играл цемент. Тут уже шло дело не только о Новороссийске, как о центре по вывозу, но и как о центре цементной промышленности. В Казачьих Землях производилось 1/4 всего количества цемента во всей б. империи. Главная же часть этого производства приходилась на район Новороссийска, где в горных цепях начинающегося Кавказского хребта залегают мощные слои мергеля.

По статистике 1923 года Новороссийский район дал больше 36% продукции всех цементных заводов Совет-

ской России. Вся промышленность сосредоточена на протяжении 20 верст вдоль ж. дороги и заканчивается большим заводом расположенным в самом порту. Заводы по изготовлению цемента стали открываться здесь еще с 1882 г. К началу войны их было 10 с производительностью в 4-73 милл. бочек (1 боч. — 10 п.). Исключительное качество выработывавшегося Портландского цемента создало возможность вывоза, который, впрочем, не достиг возможных размеров. Максимальное количество было вывезено 1907 году (226500 бочек), когда были заказы с Дальнего Востока (Японии и Китая).

Из других вывозимых через Новороссийск товаров заслуживает упоминания лес, доски, солодовый корень, табак, сено, клепки, поташ и др. Самым важным среди них является лес, которого за 6½ месяцев 1914 года вывезено на 2 с лишним миллиона рублей.

Развитие всякого порта, как порта экспортного, стоит в тесной связи с возможностями импорта. Отсутствие должного ввоза тяжело отражается на экспортерах, т. к. судам приходится прибывать пустыми, что заставляет владельцев судов нагонять теряемое путем повышения фрахтов на товары экспортируемые.

В довоенное время обороты Новороссийска по импорту далеко не соответствовали оборотам по экспорту, значительно уступая им. Максимум ввезенных грузов был в 1914 году, когда вес ввезенных грузов достиг 9,8 м. п. Из этой цифры, впрочем, 9 м. п. приходится на груз случайный — уголь из Англии. Поэтому характернее цифра 1913 г. — 5,5 м. п. На первом месте по

ввозу были с.-х. машины, шедшие из Англии (в 1912 г. 1,3 м. п.) и С. Штатов (1,8 м. п.). Обстоятельство это сыграет в будущем благоприятную роль, ибо означает, что дорожка для наиболее важного для восстановления Казачьих Земель товара уже протоптана, уже известна заграничным поставщикам. Поставляла через Новороссийск сельско-хоз. машины и Германия, но в количествах небольших (в 1912 г. — 136000 п.). Даже шли товары с меньшим экономическим значением: боксит (1914 г. 119000 п.) и напитки (110000 п.) из Франции, чай из Китая (1912 г. — 102 т. п.), лимоны и апельсины из Италии (1914 г. — 322000) и т. д.

После революции импорт достиг необыкновенных для Новороссийска размеров, превратив одно время порт в импортный центр. Объясняется это конечно не достижением Сов. власти, но тем, что через Новороссийск шла продовольственная помощь заграничные голодающему населению Поволжья (миссия Нансена, АРА). Так, в 1920 г. в Новороссийск ввезено грузов 924 т. п. — вывезено 62 т. п. В 1921 г. ввоз 2,3 милл. п. вывоз 2 м. п.; в 22 г. ввоз 20,6 м. п., а вывоз лишь 9,5 м. п. Только с 23/24 г. начало опять подыматься значение экспорта. Советская власть проявляла в этом направлении максимум усилий, диктуемых отпадением Балтийских портов. В 23 г. восстановить товарооборот Новороссийска удалось лишь на 47% довоенного времени. В сравнении с другими портами и это много, т. к. выдвинуто Новороссийск, как видно из нижеприведенных таблиц, на второе место среди портов СССР.

Грузооборот главнейших портов в 1912 г.

Тоннаж прибывших судов:	Тоннаж ушедших судов:	Грузооборот в миллионах пудов.		Экспорт в миллионах пудов:	
		в 22 г.	в 23 г.	в 22 г.	в 23 г.
Одесса 3.082.000	3.083.000	Петроград 79,9	89,9	Петроград 17,5	52,3
Крон. Петер. 2.588.000	2.532.000	Новороссийск 38,0	47,4	Новороссийск 9,5	39,7
Рига 2.033.000	2.027.000	Одесса 16,6	27,9	Одесса 2,9	17,3
Новорос. 1.870.000	1.897.000	Николаев 11,0	29,0	Николаев 6,0	24,7
Батум 1.507.000	1.486.000				

Мы познакомились таким образом в общих чертах с довоенной и послевоенной ролью Новороссийского порта. В свое время Петр I „Рубил окно в Европу“ и основал Петроград. В своих очерках под заглавием „Географическое положение Казачьих земель“ мы уже говорили о том, что рубить окон нам не придется, ибо они у нас имеются уже от природы. Но смотреть Казачьим Землям на световой простор лишь через маленькие окошечки, расбросанные от Таганрога до Адлера, — это было бы слишком мало. Им нужны двери-ворота, да столь широкие, чтоб через них мог широким потоком литься товарообмен с остальным светом, потоком отвечающим экономическому весу Казачьих Земель. Такими воротами и является Новороссийск. Окно можно сильной рукой прорубить в два счета, но на постройку свода ворот нужно время. Трудно было бы и без того сложное дело нашего экономического возрождения, если бы нам пришлось в будущем строить и ворота. К счастью они уже есть. С чисто славянской привычкой, которую так немилосердно, но с пользой выбивают из

нас годы эмиграции, привычкой ругать все свое, мы слишком недооценивали всегда Новороссийск, а по существу говоря мало чего о нем и знали. Что и говорить, многое недостает Новороссийску, но многое и есть. Есть общее оборудование порта — и не плохое; есть специальное оборудование для товаров для нас перво-степенной экспортной важности — почти что блестящее; есть и то, что трудно оценить в цифрах, но что все же ухитряются делать англичане, помещая в балансах своих предприятий „good will“ (приблизительно „доброе имя предприятия, реноме“, но не просто „фирма“) и что установилось уже применительно к Новороссийску благодаря традициям товарообмена и знакомству с портом иностранных предпринимателей.

С этими данными мы можем смело смотреть на будущее наших внешних сношений: Новороссийск, как главный экспортный порт Казачьих Земель, способен без сомнения выполнить лежащую на нем историческую миссию.

Данник. (Париж).

История одной авантюры.

(Из воспоминаний).

Было это давно. Слишком 9 лет прошло с тех пор, как оно случилось; из памяти испарились мелочи, но крупное и самое главное остается жить. Случилось же оно после колоссальных событий, что произошли на Дону и Кубани, после сдачи Кубанской армии, ее пленения, заточения и распыления.

Из журнала „В. К.“ знаем судьбу большинства: Сибирь, Соловки, концлагери и просто расстрелы. Но, есть еще одна часть, которая просочилась, временно устроилась в рядах Красной армии и вместе со своими частями была переброшена на Польский фронт, где в победоносном шествии с лозунгом: „даешь Арашаву“, благополучно интернировалась на Германской территории.

Естественно, что эта частица, спасавшая свои голы поступлением в ряды красной армии, не воспринявшая коммунизма, напротив того, возненавидевшая еще больше эту идею почувствовав себя под опекой: Германских законов, открыто стала выражать свои противоречивые коммунистические чувства, лелея в глубине души надежду скорее стать в ряды борцов за освобождение ограбленных, разоренных, родных станиц.

Каждый искал быстрого и прямого выхода из создавшегося положения. Но, кто мог помочь в стране, уже к тому времени юридически признавшей власть террора и насилия, именуемой коммунистической властью? Кто мог дать хотя бы совет несчастному казаку,

попавшему вместе с красными полками в один и тот же лагерь?

Терзания, нравственные мучения, сознание своего бессилия и, наконец, мысль о необходимости возвращаться домой, где пришлось бы снова видеть мучения своего народа, видеть унижение и обезличивание Казачества — все это создавало гнетущее состояние казака, запертого наглухо в лагере, под бдительным надзором ландштурмистов.

Так хотелось свободы, свободной мысли и правдивого слова. Но откуда оно, разве услышишь его среди красноармейцев, где 5% коммунистов, а остальные их приспешники. Но вдруг, потихоньку, шепотом передаваясь из уст в уста, прошла по лагерю новость о том, что яко бы бывшим „белым“ казакам, желающим остаться в Германии, можно записаться и выделиться из состава красной армии.

Радость многих была неопишная. Многих это разрешение избавляло от самых крайних неприятностей и неожиданностей, по возвращении, ибо в перспективе там было: Сибирь, Соловки или просто смерть в застенках Ч. К. Луч света, как будто, стал пробиваться на горизонте сумрачной казачьей жизни. Спокойней вздохнулось в надежде на лучшее будущее.

Таким образом, из интернированной красной армии, по неофициальному разрешению, сразу выделилось 1500 казаков, преимущественно донцов и часть кубанцев, не пожелавших возвращаться домой, под покровительство III интернационала.

Германское правительство, считаясь с реальным фактом, принуждено было что-то сделать с этой группой и, после некоторого колебания разрешило выделить „белых“ казаков в отдельный лагерь.

И вот, рано утром, когда еще не брызжет свет и кругом царит ночная тьма, казаки собрали свои пожитки в сумы и тихо собираются у здания немецкого коменданта для отправки их в особый лагерь, где нет ни пяти-конечных звезд, ни бранной ругани в Христа, Распятие и Божью Мать, ни комиссаров еврейского происхождения, туда, где соберутся вольные сыны Дона, Кубани и Терека, туда, где кажется светлей.

С сумами через плечи, под командой немецкого вахмистра дошли до вокзала, погрузились и поехали в свой, казачий лагерь.

Так остатки борцов за родные станицы из красного плена добывали путь себе к свободе и избавлению от попечительства красного интернационала. Добившись своего и собрав своих братьев в одном из лагерей, было сформировано 2 донских полка, в состав которых входили и кубанцы и в незначительном числе терцы.

Под командой своих сотенных командиров, разместились они по баракам, с молитвой и новой надеждой на лучшее будущее, стали строить свою скромную, лагерную жизнь. У всех стало спокойнее на душе, всем казалось, что частичка того, чего они должны были сделать — сделана, остается ждать, чтобы своей новой жертвой исполнить весь тот священный долг перед своей родной землей, который возложен на них судьбой. Они готовы, они ждут момента, чтобы возложить на свои плечи бремя лишений, невзгод и страданий, ибо они казаки, во имя блага своей Родины готовы исполнить все, что потребует от них. А посему нет места унынию и сомнениям; казак жертвует собой, если этого требует его Огчизна.

В это время на горизонте казачьей лагерной жизни, неведомо откуда, появляется некто, кто зовется полковником Карташевым. И явился он как-то особенно, не кричаще, а потихоньку, как бы стороной, вроде он и есть, но его и нет, как призрак, или вернее вчерашнее событие, которое произошло, все об этом знают, но никто ничего не видел. Так и Карташев, пришел, кого-то видел, кому-то что-то сказал и ушел. Все знали, что был некто Карташев, кубанский полковник, присланный от генерала Краснова, но никто его не видел. А уж после, спустя некоторое время, когда любопытство массы было напряжено до максимума, он явился во всей силе и обаянии.

И действительно, первое знакомство было начато тем, что, представляясь посланником генерала Краснова (его ведь никто не знал, а Краснова все), он передал

привет казакам, его беспокойство и хлопоты о казаках. Ясно, что удар был меткий. Большинство донцов, знавших своего старого, заслуженного генерала, бывшего выборного Атамана, сразу же уверовало в слова Карташева и в спасительные возможности Краснова. А Карташев при своих посещениях говорил о скорой поездке на родной Дон, о помощи американцев, о пушках, плугах, тракторах, автоброневиках, о деньгах в американской валюте, об интервенции и о многих др. вещах.

Все это так ярко было рассказано, гладко описано, что невольно увлекало казачью массу и принималось за реальную вещь. В честь и за будущие заботы о казаках были срочно переименованы донские полки на „полки имени генерала Краснова“, откуда и произошло потом — казак Красновец.

Но, кто был Карташев, по сих пор никто не знает. Говорят, что это бывший штаб-ротмистр при Финляндском губернаторе, в Германскую войну приписался к какой-то станице на Кубани, был при Кубанском правительстве, играл какую-то не совсем понятную роль, но в общем он, г-н Карташев, теперь полковник, посредник между казаками и генералом Красновым.

В разговорах с ним выяснилось, что генерал Краснов, как шеф двух полков, заботясь об их сохранении в целостности, о нераспылении, предпочитает организовать такую работу, которая бы позволяла этим двум полкам быть вместе, производить работу общими силами, выходя на работу в полном составе полков.

Технически это не представлялось возможным в Германии и на подобные вопросы Карташев многозначительно отвечал: „Генерал Краснов найдет“, намекая на то, что не одна Германия есть на свете. Все ждали с нетерпением того момента, когда вся интернированная красная армия будет отправлена обратно в Россию из Германии, ибо власти немецкие не хотели выпускать казаков до тех пор, пока остаются красные на ее территории.

А с отъездом красных — казаки получают свободу и право работать. Ежедневно поступали сведения об очистке такого-то лагеря отъехавшими красными войсками, каждый день приближал казаков к их скромному желанию — свободно работать, лучше питаться, лучше обдумать свое положение. Но Карташев делал свое дело; он перед свободой еще заручился от всех казаков доверенностью, что он является их представителем по подысканию работ и уполномоченным по защите их интересов, а с этими подписями стал осуществлять свой план.

Наконец, последний транспорт красноармейцев был отправлен в портовый город Штетин, где погрузились на пароход и поплыли обратно в коммунистический рай со спрятанными победоносными плакатами „даешь Арашаву“ полураздетая, голодная брашка. Казакам же было объявлено, что их переведут в лагерь Целла на положение „беженцев“, что означало свободу, долгожданную свободу.

Но, не суждено было казакам увидеть беженского лагеря и испытать „беженского“ положения. Карташев заключает сделку с одним из владельцев огромного участка торфяной плантации, неким Каером, на земле которого, со времени Великой войны существовал лагерь военнопленных. Вместе с ним и при помощи его, человека богатого и известного в правительстве, Карташев добивается отмены распоряжения о перевозке казаков в „беженский“ лагерь и настаивает на необходимости изоляции этих казаков на некоторое время, а как одно из лучших средств указывает удобное место, самый отдаленный, самый неблагоустроенный, жалкий лагерь Лихтенгорст, т. е. тот самый, который расположен на участке, обильном торфом, который удален от местечек и деревень на порядочное расстояние и хозяйном которого является Каер.

Кроме торфяных работ в окрестностях этого лагеря, казаки не могли ничего найти, а следовательно и Карташев и хозяин могли быть спокойны за работу казаков, Каер подсчитывать барыши, а Карташев получать причитающееся. Ни страдания, ни вздохи, ни тихое проклятие, видимо, не доходило тогда до генерала Краснова, именем которого началась эта авантюра, приведшая многих казаков к моральному краху.

Так в этом грязном дырявом лагере началась новая, неведомая еще жизнь казацкая под опекой Карташева. Можно ли представить худшее, чем расположенные баракы, где жили казаки, среди моря торфа и болот, среди ужасной грязи посредине лагеря. Но, несмотря на это, вера в генерала Краснова, вера в его будущее творчество на пользу Казачества и Родины не оставляла многих казаков; они верили как дети своему старому Атаману и, конечно, Карташеву, который от имени их высокопревосходительства делал распоряжения. Эти распоряжения исполнялись в точности, несмотря на их вред или пользу. Наивные казаки ждали, терпели и работали. А Карташев, пользуясь этим доверием, все больше и больше нагнул, все больше и больше предъявлял требований к казакам и, произнося лживую речь о скором возвращении на родину, о долге казака, о его чести, о терпении, о необходимости работать в торфяных болотах, попутно предложил образовать кассу „казны Николая Николаевича“ с обязательным отчислением известного % с дневного заработка, при чем, хранителем казны, являлся, конечно, Карташев, но деньги числились казачьими, а распоряжаться им, по словам его, должен был только Николай Николаевич.

Сказано — сделано. В срочном порядке составились списки и доверчивые казаки стали наполнять карман Карташева. Находились и такие, которые отдавали все свои сбережения Карташеву, памятуя о том, что казна казацкая будет принесена на алтарь измученной родины.

Видимо Карташеву недостаточно было одного имени Краснова и, чтобы еще больше запутать в свои сети казаков, понадобилось имя и влияние Николая Николаевича. Так увлеченные обманом, работали казаки на торфяных болотах, давая возможность не плохо жить Карташеву. Так идей служения Казачеству втянуты были в авантюру и офицеры казачьи, которые по неведению шли за Карташевым, помогая ему до самого конца. А казаки работали среди грязи, в воде и зарабатывали тяжелым трудом несколько марок в день, чтобы затем часть их отдать в „казну“, часть истратить на подарки Карташеву, да сшить казачьи штаны для поднесения генералу Краснову. Сколько было собрано таким образом денег, где они, куда они девались один Бог, да Карташев и ведают.

„Да и нужно ли всякому и каждому знать, если Карташев их хранит, если он во главе их и денежной отчетности. А что касается слухов плохих, так они были и будут. Слух может и на всякого порядочного человека быть. Что на бирже Карташев играл, что племянницу себе завел, так ведь всякий может пойти и играть себе на бирже, а также и племянницу-приятельницу завести“ рассуждали казаки.

Итак Краснов, Карташев с племянницей решают судьбу полуторатысячной группы казаков, ведя к „светлому будущему“ — подножью царского трона, пичкая их самой отборной махрово-монархической литературой, усыпляя их просыпающееся сомнение то скорым походом, то скорым возвращением домой под могучий, великий скипетр монарха, продолжали свое дело.

Благотворительное общество Американского красного креста еще в начале образования лагеря отпускало средства на оборудование сапожно-столярных мастерских для обучения этим ремеслам казаков. Первое время деньги получались дирекцией и по назначению тратились, но Карташев быстро ориентировался и умудрился получать их самолично, а с этим кончилось и оборудование мастерских. Кое какие станки и инструменты остались бедными, жалкими без добавочных частей, заброшенными.

Можно ли предположить, что Карташев умудрился в продолжении почти двух лет одурачивать бедных казаков, обирать их всякими способами, не брезгая ничем. Можно ли и терпеливым казакам в продолжении такого долгого срока переносить все то, что творил Карташев, глумясь над казачьим доверием?.. Нет!.. Казаки начали инстинктивно чувствовать притворность их посредника, его ложь, а позже, критически относясь к его поступкам и делам, поняли весь ужас своего положения.

И ясно им стало, что напыщенные слова о могучем монархе, о великой единой России с казачьими областями,

с незыблемым тронem, вокруг которого соберется воедино все Казачество в своих красивых убранных, с крестами и медалями, — все это были теми сетями, которые оплели их и притянули в торфяные болота, где как черви они копошатся, добывая себе мизерный заработок, для скромного пропитания.

Все, все сразу стало им понятно. Ужас лжи и гнусности, кошмар подлого надувательства и грязной спекуляции человеческим трудом, — вот развернувшаяся картина перед полуторатысячной казачьей группой. Поняли они, что Карташев их обманывает во всем, что он эксплуатирует, что каждое его слово — ложь, каждый шаг преступление, что все, что он ни делает — делает в свою пользу и для себя, а интересы казачьи для него — ничто.

Только тогда, когда раскрылись глаза казачьи, из рядов их послышалась голоса с требованием дать отчет о деньгах, собранных в казну Великого Князя, дать объяснения на все вопросы, которые около двух лет прикрывались изысканными словами долга, чести казачьей и волею Краснова.

Но что мог ответить Карташев на эти вопросы, когда казна Николая Николаевича — его казна, быть может и деньги то уже истрачены, а на остальные вопросы должен ли он отвечать, должен давать отчет тогда, когда все кончено, надежды на продление этой авантюры нет, а следовательно нет смысла и разговаривать. Он решил проще — не быть в этом лагере, где задают ему какие-то вопросы и перенес все свои заботы на свою племянницу, попутно поигрывая на бирже. А казаки тем временем волновались в лагере, все кипело как в котле, всюду искалась правда. Поздно... Карташев свое дело сделал, ему вы больше не нужны, он доволен, он имеет возможность жить, содержать племянницу, а вы, казаки, волнуйтесь, возмущайтесь себе...

Полное банкротство людей веровавших, надевавшихся... Они ищут спасения, как утопающий хватаясь за соломинку. Они срочно делегируют выборных казаков к своему шефу, старому Атаману, генералу Краснову, но увя, какое разочарование: генерал Краснов решительно ничего не знает. Вы, ваше превосходительство ничего не знаете, вы умываете руки? вы спокойны, когда ваши казаки именем вашим обмануты? Ах, вы ничего не знаете... Вы, в продолжении двух лет принимавший делегации несколько раз от полков, шефом которых вы состоите, не поинтересовались узнать, как они живут; вы, принявший, как подарок шаровары от своих казаков, ни разу не поинтересовались ролью Карташева; вы не знаете, что ваши казаки вместо беженского лагеря попали черт знает куда, не знаете, что они гнили вместе с торфом около двух лет, вы не знаете, что половина этих казаков теперь ревматик от работ в грязи и болоте, что Карташев из их мизерного заработка вымогал все что можно, что он их обкрадывал, обманывал, а пытавшимся выехать во Францию отказывали в выездной немецкой визе и когда последние стремясь все же достигнуть границ Франции без официального выезда пробовали это сделать, их возвращали обратно и избивали за такую попытку... Вы, того не знаете... Вы, быть может, и того не знаете, что в лесах были найдены трупы казаков, убитых кем-то и за что-то. Как жаль. А следовало бы знать. Мало вы, ваше превосходительство, интересовались вашими казаками, совершившими с вами походы великой и противобольшевицкой войны. А они так оговорили и вашу доблесть и вашу заботу о казаках. А вышло не так. Бышло так, что и не понять. Ну как бы мог командир части, или просто командир сотни сказать, что я де, ваше высокопревосходительство, не знаю, что у меня делается в сотне или в части, чтобы вы ему сделали за это? конечно вы его из части выгнали бы за нерадение и бездарность. А вы, шеф двух полков, председатель комитета помощи казакам за границей и тоже ничего не знали, что творится в лагере у ваших казаков. Но, пусть будет так: Вы не знали.

Так знайте, ваше превосходительство, что большая часть этих казаков прокляла свое пребывание в Германии, прокляла тот день, когда воскресла вера в лучшее будущее и, жестоко обманутая в своих лучших чувствах, с самыми грязными мыслями о своих бывших вождах,

шумной ватагой двинулась к своим врагам — в советское консульство, чтобы оно отправило их домой, ибо не было уже больше ни надежд, ни веры...

Так расплылись последние остатки той армии, которая в 1920 г. сдалась красным на Черноморском по-

бережья, тоже будучи оставлена своими вождами. Ей суждено было сделать еще один тяжелый крестный путь, еще раз горько разочароваться... Ушла, расплывшись в неизвестности, храпя нехорошее воспоминание о Карташеве и племяннице его.

В. Карпушкин.

„Сказка“.

(Для детей старшего возраста).

В царстве золота, алмазов,
Изумрудов и топазов,
В райской зелени садов,
Силой мощных кулаков
Управлял страной богатой
Мудрый царь — Ивашка пятый.
Из-за моря, как жар-птицу,
Раздобыл себе царицу,
Чтобы скука во дворце
У холопей на лице
Быстро радостью сменилась, —
В царстве весело чтоб жилось.
Ратным людям все парады,
Иностранцам маскарады;
Генералам и министрам,
Знатным людям монархистам
Волей царской приказал
Веселиться наповал, —
Любопытна чтоб Европа
От драгунского галюпа,
От маневров кораблей
И уменья пушкарей
Восторгалась, удивлялась,
Прослезившись, умилилась...
Год за годом жизнь струится.
Хлебороб с сохой трудится,
Чтоб по царскому веленью,
Поддаваясь вдохновенью,
Сохой землю ковырял,
Зерном сыпки наполнял...
Царь Ивашка — парень мудрый,
(Был с бабенками ненудный)
Век спокойно коротал,
Всем приказы раздавал,
А исправным — награжденье
За великое раденье.
Лишь одну имел привычку, —
Здесь бы сделать нам ковычку,
Да ведь люди не глупы,
Все уж знают, как и мы,
Что привычка от рожденья
Есть натура без сомненья;
Если ж та привычка зла,
Тут совсем уже беда.
И Ивашка был случайно
От рожденья чрезвычайно
Одержим привычкой злой:
Помахать на все рукой.
Если близилась война,
Как велось издавна,
Всех спокойно уверял:
— „Не грозит большой скандал;
Войско мы собрать успеем
И противника рассеем,
„Бог поможет несомненно!“ —
Продолжая неизменно
Ратным людям все парады
Иностранцам маскарады,
А исправным — награжденье
За великое раденье...
Жизнь царя текла, как пиво.
Царедворцам всем на диво
В шесть и раньше он вставал,
Страж в покоях проверял,
В кабинете занимался,
За делишки принимался.

Генералы и министры,
Адвокаты, журналисты,
Консула и доктора, —
Все толпились у двора,
Тяжкий крест свой проклинали
И приема ожидали.
Подпись подписью сменялась,
Настроение менялось, —
Тот просил для войска пушки, —
Мол, солдаты без игрушки,
А министры вперевой
О проблеме мировой;
Доктора о опасеньи,
Что в подвластном населении
За отсутствием белья
И врачебного зелья
Страшный мор де приключится,
А у них нет чем лечиться...
Царь Ивашка еле дышет,
Уж почти совсем не слышит,
Что хотят здесь журналисты,
Где восстали анархисты?! —
Подписал, махнул рукой,
Чтобы дали де покой.
Все покорно разошлись.
Вдруг, откуда ни возьмись,
Запоздавший сорванец
(Говорит, что, мол, гонец)
Лезет в царские чертоги
И Ивашке просто в ноги.
Глаза кровью налились
И в пришедшего впились;
Царь Ивашка сам не свой,
Топнул царскою ногой:
— „Кто осмелился так поздно“,
Вопросил Ивашка грозно,
„Мой нарушить здесь покой?
Эй, рискуешь головой!“ —
Свесив голову покорно,
Отвечал гонец проворно:
— „Жизнь мою ты не губи,
Справедливо рассуди.
Царь ты, батюшка, наш мудрый,
Помоги в момент нам трудный,
Не ругайся, не гневись,
Слушай просьбу — не ленись —
От своих рабов презренных
Людей храбрых и военных.
Бьют челом тебе людишки,
Говорят им „казачишки“,
Много здравия желают
И в подарок посылают
Для тебя и для детей
Сотни три степных коней.
Верой-правдою служили,
Даже головы сложили,
Охраняя пред ордой
Твой, величество, покой.
Против брата воевали
И соседей покоряли,
Веселили твои очи
С кожи лезли что есть мочи,
Указуя для потехи
Наши ратные доспехи
И военное уменье
Всему свету в удивленье.

Был ты милостив и щедрый,
Награждал народ свой бедный,
Нам же милость окажи,
Волей царской прикажи,
Что позволил ты нам, мол,
Сделать пару средних школ.

Век ту милость не забудем,
Еще рьяней служить будем,
А детишки, научась,
Будут помнить всякий час, —
Был де мудрый у нас царь,
Справедливый государь“.

Царь Ивашка просьбу слышит,
Смех живот ему колышет;
В бок опершись рукой
И качая головой,
Отвечает он гонцу
Дерзновенному Донцу:

— „Речь твоя смешит зело.
Что вам в голову взбрело?!
Не могу я в толк все взять
И достаточно понять,
Как подобное прошение
На такое позволение

Вы осмелились писать
И царя тем утруждать?!
Да с какой поры людишки,
Грубяны-казакишки,
Отрываясь от ружья,
Захотели букваря?

Владеть шашкою, неспорно,
Научились превосходно,
И врагу на всем скаку
Рубит глупую башку,
Но, учиться?! — Верь, не вру,
Не годится казаку!

Дерзость, больше ничего,
От народа твоего!
На подобные прошения
Нет царского своденья!
Эй, вы, правая рука!..

Выгнать в шею казака!!!“ —
И гонец, что было мочи,
Закрывая в страхе очи,
Что Ивашка сгоряча
Срубил голову с плеча,
Поскакал уж сам не свой
В свои области домой...

Год за годом все менялось
И в стране перерождалось...
Царь Ивашка страхом бледный
Взор, когда то так надменный,
Устремил с вопросом вдруг
К людям подданным на юг.

— „Помогите, де мол, братья
От народного проклятья.
Гибнет царство мудреца,
Нет веселого лица;
Все шатаются, как тени
То ли с голоду иль лени.

Люду голову вскружили
Кровопийцы и громилы.
Помогите на сей раз, —
Наделю потом я вас:
Дам вам все, что захотите,
Но, теперь мне помогите“.

Сладко пташечка пропела,
Да судьба уж так хотела, —
Отвернулись от царя,
Меж собою говоря,
„Что уж знают милость ту
По кавказскому хребту.

Стоит ли сейчас трудиться?
Что потом еще случится,
Даст иль нет, поверить трудно,
Нам свободы, братец, нужно,
Здесь же есть и коль попросишь,
Столь дадут, что не захочешь“.

Банты красные одели,
По другому уж запели.
Первомайские парады,
Трудовые маскарады;
Всем буржуям объявили,
Чтобы головы склонили.

Нет царя уже Ивашки
И всей лживой этой „брашки“,
Власть в руках всего народа.
Уж такая теперь мода:
Коли будем мы без бар,
Должен править комиссар.

Вмиг порядки изменились,
Чистить публику пустились.
Бронепоезд, броневик,
Появился большевик;
Кто не с ним, дубась по рылу
Иль закапывай в могилу.

По губерниям запросы,
Не имеют ли вопросы,
В чем нуждаются и где,
Подсобить бы там беде.
Всем дают — налево, вправо, —
Ведь теперь народа право...

Долго думал „казачишка“.
„И какой же я мальчишка,
Что боюсь попросить
По хозяйству подсобить!
Проят все и мне ведь тоже
Не дадут за то по-роже“.

Долго ль было до греха, —
Бес попутал казака:
В путь-дороженьку пустился,
К комиссару обратился,
Что: „хотим де без пардону
По народному закону

Тоже царством управлять,
Часть народа составлять.
Люди вольные мы были,
Да цари поработили,
А теперь свобода тут,
Спину уж не будем гнуть.

Власть народную поддержим,
Будем войском мы надежным,
Можем даже присягнуть,
Что никто уж посягнуть
На народное владенье
Не захочет, без сомненья“.

Комиссар ему в ответ:
— „Казакам здесь места нет!
Не угодно ли в Сибири,
Нацепив на ноги гири,
Прогуляться по лесам,
Предоставив дело нам

Впредь решать судьбу народа.
Не для вас у нас свобода!
Пока с целой головой, —
С глаз моих иди долой!
Ишь ты песенку запел, —
Он свободы захотел!“

Что поделаешь?! Такой
Видно жребий, казак, твой.
За услугу и раденье
Заберут твое владенье,
Раз другой по уху смажут,
А потом еще и скажут:

„К стенке ставьте казака,
Не валял чтоб дурака,
А казачие станицы,
Налетевши, словно птицы,
Разнесите в пух и прах!
Власть теперь у нас в руках!“

Казак речь ту услышал
И за ухом почесал:
„Вот okazия какая,
Уходи хошь до Китая!
К тем пошли — по уху дали,
Здесь — хозяйство все забрали.“

Тут ума не приложу!⁴
— Я ж, казак, тебе скажу:
Коль ты голову имеешь,

Сказке сей уразумеешь, —
Будешь помнить наперед,
Где казачий пут ведет!

31-VII-1929. Брно.

ДУМЫ И МЫСЛИ.

Очарованные и разочарованные.

(Думы вслух.)

Очарованный Дон Кихот — вечен. Реальная действительность, с которой он сражался, временна. Для разочарованных пейзафов (а когда они были „очарованы“?) мир феодальных тиранов — безвозвратно ушедший кошмар. Для очарованного рыцаря — он вечная, прекрасная действительность. И Дульцинея — прекрасная дама сердца... И помои, что дает корове, не помой, а амброзия.

„Разочарованные“ в Дульцинею видят — бабу Матрену. А в мельнице — мельницу. И, никаких иллюзий. И не ломают голову: временно ли Дульцинея приняла облик Матрены или нет. Или была всегда Матреной. Важно, что она сейчас Матрена.

Но „очарованные“ думают не так:

— Не верь своим глазам (и бокам), потому — отведены. Пройдет „навождение“ (разочарованность) и опять все на защиту прекрасной дамы сердца станете. И в помоях увидите амброзию. Забудете своих Горпин та Одарок в синих хустках и падете коленопреклоненные перед Матреной в красном, белом, черном (все равно каком) кокошнике.

Потому, — не Матрена она — Дульцинея прекрасная. И не Вольно-Казачий народ вы — Донкихоты верные...

Разочаровался лимон в руке (в руках), что его на чужой шашлык выжимала. Зарпотестовал. Сам по себе быть захотел. Самостийником. И своей Одарке Константинове в любви и верности крест поцеловал. —

— Спасайтесь, мол, братцы, кто в крест и Казачество верует! Потому, не только что сока, а и коры то от нас при таких приемах не останется.

Да и какая честь лимоном быть? Хотя бы и вечным? ... Не лучше ль казаками — да, как и встарь были — Вольными?.. Спасем, что спасти еще можно!..

А рыцари Дульцинею прекрасной с сожалением:

— Эх, вы — разочаровавшиеся. — Ну, а как-же шашлык без лимона?.. Ведь это вкусу вредит. А ежели, к примеру, Казачество, да еще Вольное... Так это-ли — безрезультатно сть одна... Временное. — Поживут, поживут, да и на погост... Не сочувствуем.

— Хотите, мол, Вольными. А не знаете, что это есть предопределение. Грех. Потому, как мы вкупе с другими прочими народ православный. На „авось“ держались. Авось и теперь... Ну и ожидай, что богосивый скажет...

Только вот ведь — беда. — Очарованные и тут, в делах веры, так сказать, не видят, что хотя и мы — Федот, да Федот-то не тот: за Дульцинею предопределять нельзя, а сами как-бы уж давным давно на роль лимона определены. Планида нам будто такая, что Вольными никак быть не могём. Потому — Часть России.

А виданное ли дело, чтобы в России Воля когда водилась? Не со вчерашнего ведь дня ее „гробницей народов“ называют. А казаков первыми могильщиками. Поделом, значит, нам и влетает. Как напр. в братском Загребе. —

— Опричники!.. Да и шабаш.

А какие-же мы, скажите на милость, опричники? — Рыцари мы. Дульцинею в кокошнике защищаем.

Ну и счастливые же люди эти г. г. очарованные! Их, с позволения сказать, и в мягкое и твердое, а они —

— Это все еще не настоящее. Настоящее „народ“ скажет.

Да кто-ж нас, прости Господи, вышвырнул? Никола угодник, что-ли?

А и те, что вместе с нами и еще раньше оттуда вылетели, другие приемы применить собираются?.. Или на комсомол ставку ставите?

Нет. Видимо: ни тако, ни онако. Просто психология такая, донкихотская.

Очарованному сколько ни доказывай, что мельница есть мельница, ему она все крылатым Гарынычем кажется.

А Матрена — Дульциней.

Хотя бы г. Пуришкевича вспомнили. Уж на что столп был. Рыцарь первеющий. А и он, увидав подлинное лицо Дульцинею, улепетывал на Кубань. Только одно и мог сказать:

— Дождались...

Ну, а вы, г.г. не самостийники, чего еще дожидаетесь? Иль и впрямь уж так безнадежно очарованы?..

Вл. Куртин.

Примеры и выводы.

— Борис Сергеевич, с кем это вы раскланялись?

— Один знакомый донец...

— Ах, казак... Жаль, а то им можно было бы увлечься, немного разочарованно сказала когда то превосходительная дамочка.

— Хотите, я вас познакомлю?

— Нет, не надо. Терпеть не могу казаков...

— Почему?

— Грубая публика...

— Вася, сегодня казачий вечер. Могу тебя бесплатно провести... Пойдешь?

— Чего ради?

— Будет петь Т. Знаменитый голосище! Стоит послушать... Пойдешь, а?

— Предпочитаю посидеть за пивом, или за картами. Не слышал казачменов, что ли?

— Ну, ты полегче... Ведь я тоже казак.

Ах, прости, Кузя! Совершенно забыл... Знаешь, ты ни капельки не походишь на казака.

— Я бы не сказал, что особенно польщен твоим комплиментом...

— Ей-Богу, в ушах звенит! Вот разошлась казачья, словно им здесь не кабак, а степь...

— Как в тебе мало поэтического чутья, Володя. Северный ты, холодный... Души южного человека не понимаешь... Я вот не казак, а люблю, когда они соберутся и поют. Вспоминается что то милое, родное, забытое... Тихий вечер... Потонувшее в зелени украинское село... Серебристый, сонно-задумчивый месяц висит над миром... Чистенькие мазанки белеют в голубом сумраке и бездонная песня струится рекой...

— Ну, размечтался, хохол... Мы сейчас не в украинском селе и не в казацкой станице, а в европейской Праге. Деревенские повадки, брат, подалее запрячь... Нечего свою некультурность за границе напоказ выставлять.

— Однако, этой „некультурностью“ „Платов“ со своим хором на весь свет прославился.

— Это ничего не доказывает. Пресытившийся европейский буржуй падох на экзотику: сегодня с запоем слушает „Платов“-а, завтра восторгается негритянской свистопляской, а послезавтра воет от удовольствия при виде гавайской танцовщицы.

— Эх, Саша, сам ты, видно, некультурный, если так говоришь...

— Чорт знает, что такое! Куда ни ткнешься — всюду казачья: в земгоре — казаки, в оровузе — казаки, в чешко-русской едноте — казаки... Курсы какие нибудь откроются — заранее знаешь, что казачьи. Просто спасения нет от этой публики!

— А ты не завидуй. Пример с них брать нужно, а не злоствовать. Если бы и мы так были сплочены, совсем другое отношение было бы к нам. Недаром же чехи считают их наиболее здоровой частью эмиграции...

... Поймите же, что возврата к старому нет. Какова бы ни была будущая Россия, ей придется считаться с национальным самосознанием отдельных народов...

— Какое там самосознание! Пустим своих казачков и у всех этих грузинцев, украинцев, армянцев, грегорянцев и пр. мигом испарится их предательский дух...

Вот несколько случаев, взятых из непосредственных наблюдений и позволяющих без особенной натяжки сказать: „они“ и „мы“.

Думаю, что у многих из читателей найдутся аналогичные примеры „единства русского народа“.

„Они“ сами не склонны отождествлять нас с собой. Русский интеллигент привык ко всему казачьему относиться свысока, с плохо скрытым, а иногда и весьма открытым пренебрежением; русский простолюдин нам завидует и нас не любит.

Предполагать, что это временное явление, рожденное революционным озлоблением, которое постепенно изживется — по меньшей мере наивно.

Наоборот, целый ряд данных политического, экономического и даже психологического характера, заставляет думать, что ясно определившиеся противоречия разных племенных групп будут углубляться. Чтобы утверждать это, не надо быть ни пророком, ни ясновидцем, а стоит только трезво, без предвзятостей глянуть правде в глаза.

Русский народ и Казачество по своим навыкам, интересам и стремлениям — две разные стихии.

Я не историк и не этнограф, чтобы разбирать здесь сложный и спорный вопрос о происхождении Казачества. Очень может быть, что казаки — плоть от плоти русского народа, но это еще ничего не означает и меньше всего может означать, что Казачество не имеет права притязать на самостоятельное государственное бытие.

История дает очень яркие примеры, когда народы единокровные и единоутробные, в полном смысле слова — монолитные, делились на враждебные друг другу части, когда жизненные интересы этих частей расходились.

Первоначальное население Американских Соединенных Штатов находилось, вероятно, в более узком родстве к своей метрополии — Англии, чем Казачество к России, и тем не менее это не помешало Штатам объявить свою независимость, когда те интересы разошлись с интересами Англии.

И еще более наглядный пример: те же Соед. Штаты вели междоусобную войну, когда интересы Юга противостали интересам Севера.

А испанские колонии Южной Америки разве не отложились от метрополии, хотя язык, вера и происхождение у них были одни?

Жизненный интерес — могучий фактор и часто оказывается сильнее голоса крови...

И казачий сепаратизм — стремление к собственной государственности — для мало-мальски не поверхностного наблюдателя представится далеко уж не таким незадачливым явлением, как это может показаться на первый взгляд и как это стараются „объяснить“ в заинтересованных кругах.

Я имею перед собой номер 3021 „Последних Новостей“ от 30—VI, где российский эмигрантский политик с великодержавной душой, а быть может и казак, до сих пор не освободившийся от великодержавного обаяния, никак не может, или не хочет понять, почему это вдруг среди „вчерашних добрых казаков“ объявились самостийники.

Для чего „совершенно неожиданно в среде казачества, всегда не только признававшего, но и сугубо

подчеркивавшего свою русскость, вдруг появились сепаратисты“...

А не может, или не хочет он этого понять просто потому, что он принадлежит к тем российским политикам кабинетного типа, которые заранее наметили путь казачества; которые готовятся „напустить казачков“ на всех этих грузинцев, украинцев и пр.

Фантом былой мощи государства-колосса не дает им покоя, как другой фантом — всемирная революция не дает покоя другим людям из враждебного лагеря. Но те и эти одинаково для нас чужды. Для размаха русского человека любой политической окраски границ не существует. Его планетарные задания для нас опаснее всего ибо за ними наши казачьи интересы совершенно бледнеют, становятся будними и незаметными.

„Им“ нужна казачья сила, удаль, верность, но в казачьем уме „они“ не нуждаются. По их крайнему разумению казак рожден владеть саблей и нагайкой, а не заниматься политикой. Они имеют ведь достаточно собственных умов и голов, чтобы решать не только свои судьбы, но и судьбы казачества. Заниматься политикой призваны специальные люди с тонким дипломатическим умом, а казаки, ведь, люди „за которыми еще вчера никто не знал и не предполагал никаких талантов политического творчества“.

А когда казаки упрямо заявляют, что им судьбы родного края достаточно близки и понятны, чтобы и без светских хитростей принять участие в его устройстве, в лагере просвещенных политиков слышится вопль: казачьи изменники, продавшиеся за деньги некоего иностранного дяди!

Легче, конечно, привесить к казачьему сепаратизму ярлык: „измена за деньги“, нежели вдаваться в затруднительные исследования существа дела, но это и необудительно и вовсе уж не объяснение того факта, что идея казачьей самостоятельности захватывает все большие круги казаков, в рассеянии сущих.

Если казаки „всегда признававшие свою русскость“, начинают склоняться к мысли о необходимости создания собственного государства, значит произошли серьезные сдвиги в умах „вчерашних добрых казаков“; значит — накопились кой-какие обиды, существуют неплаченные счета... Просто — казачество, так горячо любящее свой родной край, поняло, что спасти его можно только путем выделения в самостоятельную государственную единицу.

С российской державной точки зрения это конечно измена, но Россия ведь считала (а многие могоканы и сейчас еще считают) изменниками и поляков, и финнов, и кавказцев за то, что те выразили волю жить собственным умом, а не чужими приказаниями.

Австрия видела в чехах „гнусных предателей“ и готовила им скорпионы потому, что чехи предпочитали собственную рубашку чужой тоге.

Что делать когда век практический пошел: не так эффектно, зато много выгоднее.

Когда то и Англия и Испания склонны были рассматривать свои самоопределяющиеся колонии, как изменников короны. Прошли года и сейчас оба государства низенько расшаркиваются перед своими вассалами.

Меняются времена — меняются и взгляды. Фальшивый и продажный язык „дипломатии“ назовет завтра декларацией независимости то, что он сегодня клеймит, как черную крамолу и измену.

Нас, поэтому, не слишком должны смущать нервные выкрики российских политиков о казачьей измене.

Казачество знает свои интересы и им не изменит, а что касается служения кумиру чужого великодержавия, то казак своим практическим умом всегда сумеет найти правильный подход к нему.

Да, наконец, разве не заслужило Казачество всем своим славным прошлым право если не на благодарность, то по крайней мере на справедливое к себе отношение со стороны Русского народа? Какая другая часть населения сделала для величия России больше, чем казаки; кто другой влил в венец державы Российской больше лавров, чем наши отцы, деды и прадеды? Смело можно сказать, что русский народ своим великодержавием казачеству обязан больше, чем са-

мому себе. Представлять примеры было бы напрасным повторением истории Государства Российского.

И в результате какая другая часть населения пострадала от жестокого революционного приюта больше нежеля мы, казаки?

Казачество помогло русскому народу расширить до отказа свой дом и возвести над ним крышу и никакой благодарности за это не требует, а только хочет, чтобы ему не мешали устраиваться в собственной хижине.

Казачеству нужны покой и мирное строительство. Дать этого Россия не только не хочет, но и не может. Русское государство в силу географических, экономических и политических обстоятельств всегда останется экспансивным. Великой России нужны проливы, нужны балтийские порты, нужно и многое другое, что возвращать или добывать придется силой. Великодержавие — нелегкий крест, требующий от государства больших жертв и напряжения. Станет ли Россия расширять свои пределы, или только защищать их от соседней, а наша казачья кровушка все равно будет литься рекой.

Так не разумнее ли сделать, чтобы если и придется проливать свою кровь, так за родное нам дело, за степи вольные, за благо и покой своего народа, а не во имя алчного кумира чужого великодержавия; если и придется ложить свои головы, так на родных нивах, а не на полях далекой Манджурии, в песках Средней Азии, или в болотах Польши, Прибалтики, Финляндии и пр.

Без всякой ненависти и неприязни мы заявляем Русскому народу:

— Давайте жить в мире, как добрые соседи и братья. Мы не откажемся снабжать вас, чем сами богаты, а вы дадите нам, в чем мы будем нуждаться, но в своей хате мы хотим быть полными хозяевами, а не квартирантами...

Что касается трогательной заботы, будто у нас не имеется подходящих людей, чтобы вести собственный государственный корабль, то да не смущаются сим сердца российские. Быть может наши политики и не имеют „салонного“ лоска ихних, но трезвый ум и живое чутье интересов Родного Края им безусловно присущи.

Есть и еще одно обстоятельство, в силу которого нам выгоднее жить самостоятельно. Природа нашего края для нас — любящая мать и мы готовы плакать кровавыми слезами, когда с нею расстаемся; природа ихнего края — нелюбезная мачеха и они с легким сердцем ее покидают, отправляясь бродить по свету в поисках лучшей доли. Это и на народный характер наложило свою печать: беспечно-вольнлюбивый, мечтательный казак и живой, неусидчивый, беспокойный „добыватель“ — великоросс.

Мы к ним не пойдем, потому что у нас своего добра вволю, а они к нам валом велят, потому что их „зямлица“ худобна. Нам никогда и в мысль не придет посягать на их „русскость“, но они уже сейчас, здесь — в теории, а там — на практике, деятельно нас раскачивают.

Казачий сепаратизм поэтому прямо подсказан нам инстинктом самосохранения. Каждое государство стремится видеть свое население возможно более однообразной, компактной массой и не легко мирится со всякими местными особенностями своих частей. Национальная Россия будет следовать этому правилу еще с большим рвением, нежеля большевицкая.

А ведь сам автор в упомянутом уже номере „Посл. Новостей“ не отрицает, что „казачество, как известно, вообще дорожит своей самостоятельностью, своим особым исторически сложившимся укладом“ Разве это не лучшее оправдание для казачьего сепаратизма?

Я отнюдь не претендую на непогрешимость своих выводов и буду очень благодарен, если ктонибудь из читателей „Вольного Казачества“ выскажется по этому большому вопросу, вносящему разлад в единую казачью семью.

Н. Нечуй-Левицкий.

Письмо в редакцию.

Уважаемый господин Редактор!

Не откажите в моей просьбе и не осудите мою малограмотность, поместите на страницах „В. К.“ ниже следующее:

Я пишу мою обиду на тех, кто желает истребить Казачество. Если бы я имел силу крикнуть на весь мир, что нас казаков ограбили и хотят убить! Нет сил крикнуть миру, а потому кричу через журнал „В. К.“ — Берегитесь, казаки станичники!.. Нас хочут убить!..

Нас, казаков, в городе Ав...ве осталось человек десять, есть и украинцы, работаем все разнообразные работы: кто в лесу, кто на заводе. В свободное время ходим один к другому, заводим разговоры про Родину и про боевое прошлое время, рассуждаем прошлые ошибки наших вождей. Но, как священника в А. нет, то приезжает кой когда из С...ок, потому что в городе есть православные.

Вот, однажды, прихожу я от работы, пообедал и лег было отдохнуть, смотрю, входит станичник К-нов, участник Ледяного похода.

Я поднялся, сели мы к столу, начали просматривать, только что полученный журнал „В. К.“ № 38, как раз статью „Н. С. Рябовол, (к десятой годовщине его трагической смерти)“. Я говорю:

— Видишь, что проделывали ваньки? К-нов отвечает:

— Да это что, что они делали мы все видели, а что не сделали, то теперь скрипят зубами... Ты знаешь кто — наш поп С-кский?..

— Нет.

— Он — говорит К-нов — доброволец М...ского полка, поручик Н. Он вчера приезжал и молились на даче у ген. Х. После службы мы зашли выпить по стаканчику. Пьет он хорошо. Оказалось, что мы с ним — сослуживцы, он М-ского полка, а я Д-ского. Стали вести разговор про боевые походы и развал армии Он говорит, всем делом казаки виноваты, что бросили фронт.

Я сказал правда, что казаки дураки, надо бы вас, таких гостей, закатить в лагери и дать по полфунта хлеба и понемногу гнилой рыбы, а самим считаться с большевиками, не смели бы называть нас, казаков, „белая банда“.

„Поп, немного „того“, после двух бутылок, говорит: казаков, ... их мать, надо бы через одного расстреливать, тогда не бросили бы фронта. Это надо было, но только Деникин смирный и хороший человек“.

Я тогда говорю К-нову:

— Почему же ты не дал ему — в морду? Он отвечает:

— Да, как же, духовное лицо.

— Тогда — я говорю — ошиблась пословица „из черта попа не сделаешь“. Нет, как раз и вышел из черта поп и поп как черт, духовная особа, а по материному ругается и горюет, что мало казачьей крови выпили. Неужели для русских богословов мало казачьей крови? Ведь мы, казаки, вышли на фронт от 17 по 56 лет и через десять один остался живым. Разве это не поток нашей крови? А богослову еще мало, ему хотелось оставшихся через одного расстрелять...

Господи!.. Господи! Ты сказал апостолу Петру: На сем камне Я созижду церковь мою и врата адовы не одолеют ю. Взгляни Ты, Господи, на каком камне теперь созидает православная церковь, когда пастор православной церкви жаждет крови казачьей.

Так вот, братья казаки, что думают о нас русские (великорусские) духовные отцы. Забывают они, что не должны делить по национальности, будь он русский, болгарин, румын, казак, украинец, но раз он есть православный, значит овца — из стада Божия, а он пастырь этого стада.

А что же скажут русские властолюбцы? Да, больно, что русские, но еще не так. Конечно, им жаль, что из рабов мы стали хозяева. Больно та куда наши некоторые казаки лезут. Каку долю они от русских думают получить?.. Вот лозунги „Братства русской правды“.

Пункт первый: „Первенство и свобода православной веры, как веры Русского народа, главного в Русском

государстве“. Почему же только православной вере первенство и свобода? А что же прочим религиям? И почему русский народ считает себя главным?

А вот мы, казаки, у себя на юге тоже главные, а если два народа главные, то должны разойтись всяк себе и быть только у себя главным.

Пункт II: „Широкое местное самоуправление повсюду и широкая автономия для отдельных народностей, при первенстве народа русского.“

Неужели не понятно? Это значит, что вы, нерусские народы, живите у себя и управляйтесь, но, спрашивайтесь во всем у нас. Мы, русские, — первенство и главный народ, мы хозяева, а вы наши холопы, а холопов можно посылать, убивать. В отделе „Б. Р. Н.“ состоит и наш бывший Войсковой Атаман Петр Краснов и не видит, что он — раб послушный. Когда был жив князь Николай Николаевич, то Краснов был приглашен на уединение и Н. Н. долго с ним беседовал. А когда умер Н. Н., то вождем стал Кутепов, а не Краснов, стало быть Кутепову первенство, как представителю главного народа, а Краснов как нужный материал для удобрения, он, мол, потянет за собой казаков, а казаки своей крови не жалеют. Для этого он только был нужен и Н. Н., т. е. для постройки старой разваленной русской хаты. Но, кто хочет починять русскую гнилую хату, тот пусть не мешает нам, казакам, строить свой новый курень и они будут строить — сколько сил хватит.

Да здравствует казачий курень!

Да здравствуют строители его — Вольные казаки!

1-7-29. Августов.

Р. Снохин.

Казаки о „В. К.“

I.

... Несколько номеров я уже прочел ж. „В. К.“ и остался доволен, ибо я остановился, найдя то, что давно бурлило в моей душе. Журнал „В. К.“ открыл мне очень многое и интересное. Читал его и пересылал своим друзьям, истинным казакам, которые тоже остались довольны...

Мои наилучшие пожелания в Вашем деле, Вам, г-н Редактор, и Вашим сотрудникам...

Искренно уважающий Вас, поднявшего родное Знамя, — казак ст. Михайловской (куб.)

10-VIII-29. Франция.

Маховицкий.

II.

М. Г., г-н Редактор!

Большое Вам спасибо за присланные номера журнала „В. К.“ 4-5 месяцев не держал этой дорогой для меня книжки в руках. Не знал, где достать его здесь в Лионе. Надоело до безумия читать эти газеты и журналы, в которых никогда не писалось хорошего о нас, казаках. Читал здесь „Илл. Россию“ (скажу правду, до

прибытия сюда, во Францию, его не приходилось мне читать), но теперь, почитав, задумываюсь: что привлечательного, что хорошего в этом журнале для нас, казаков? — а, ведь, как одобрял его В. Атаман Богаевский: Просто это единственный журнал, полезный для нас казаков; подписываться на него приглашал.

А вот еще два: „Часовой“ и „Заруб. Син. Журн.“ Интересу для меня, казака, в них никакого...

Никакого журнала еще не читал и не буду читать с таким желанием и прилежностью, как читаю Ваше „В. К.“ Этот печатный орган только и говорит нам истину. Вы, уважаемые сотрудники „В. К.“ только одни куете счастье наше.

Нас, казаков, удерживают от политики: не идите в лагерь таких то и таких то, не идите в ряды вольного казачества, а значит надо идти, по мнению того же, скажу, и ген. Богаевского в лагерь „Илл. России“, „Возрождения“, „Нов. Времени“... это — не политические партии, а вольные казаки — это политические. Нет, В. К. льет на свет нам все чистое, натуральное, а другие — фабрикуемое.

Знайте, что сколько бы бумаги другие не марали, а Ваша доля писаний чиста и понятна для казака.

С первого Вашего номера я узнал Ваше стремление и до сих пор читаю его с восторгом. Спасибо тому казаку, который дал Вам мой адрес. Спасибо и Вам еще раз, г. редактор.

Мой лозунг: Вольное Казачество! других избегаю.

10-VIII-29.

С казачьим приветом, П. Ситников.

III.

Високоповажний пане Редакторе!

Щиро дякую за надісланий мені журнал „В. К.“ Прочитав його з задоволенням і переконався, що видавництво „В. К.“ принесе велику користь своїм читачам, даваючи їм у своїм виданні дійсну моральну та духовну підтримку, яка в і мусить бути у нашому гіркому житті на далекій чужині.

Від всього серця бажаю Вам сил і успіху в Вашій праці.

Нехай же поки що усяке друковане слово „В. К.“ буде нам зброєю в боротьбі з нашими ворогами.

З правдивою повагою, Е. Р-ський.
Болгарія, 31-VII-29.

IV.

М. Г., г-н Редактор!

... Журнал „В. К.“ есть один из наилучших казачьих журналов, который ведет правильный путь к возрождению Казачества, защищает его национальные интересы и достоинство...

Журнал имеет очень большой успех не только среди здешних кубанцев, но и казаков других Войск...

Франция.

С уважением С-вец.

Международная жизнь.

Полное фиаско коммунистической репетиции „мировой революции“.

Первое августа, которым Москва угрожала Европе, прошло везде совершенно спокойно. Еще раз III интернационал потерпел поражение.

Коммунистическая пресса трубила по всему свету, что первое августа будет началом активного революционного движения во всем мире, когда массы пролетариата выступят на улицы, чтобы взять власть в свои руки и установить везде московские порядки. В действительности было иначе: никакие массы пролетариата в Европе и нигде в ином месте не послушали кремлевских звонарей и на улицу не пошли. 1 августа лишней раз наглядно указало начало конца московским надеждам.

Крах коммунистической революции не является неожиданным. И не потому только, что Европа видела уже много „красных дней“ и хорошо знает результаты их, но и потому, что за десять лет коммунистической власти в Москве среди рабочих всех стран значительно поблекли идеи Ленина. Кроме того, надо принимать в расчет и постепенную экономическую консолидацию Европы. При всех своих затруднениях, капиталистическая Европа создает для рабочего гораздо лучшие жизненные условия, чем коммунистическая Москва. Все это и позволяло рассчитывать на совершенный провал генеральной репетиции „мировой революции“.

О „красном“ первом августа мало можно сказать, т. к. нигде ничего серьезного не случилось. Везде было спокойно: в Праге, в Вене, Берлине, Париже и т. д.

Деньги, ассигнованные III интернационалом на ус-

ройство 1 августа, пропали. Европа довольно основательно посчиталась 1 августа с коммунистической Москвой.

Когда посчитаются с ней народы, стонущие до сих пор под ее игом?

Гагская конференция.

Конференция европейских держав в Гааге является несомненно наиболее важным международным событием после Мировой войны, т. к. на ней окончательно, очевидно, будет ликвидирована прошлая война как в области финансовой, так и в области политической.

Мирное настроение в европейских политических кругах нельзя, конечно, приписывать дипломатическому „миролюбию“ в разных странах, — оно диктуется больше всего экономическими мотивами с одной стороны, и „противоречиями“ между Америкой и Европой, с другой.

Французский премьер-министр Бриан идет, в смысле „умиротворения“ Европы, так далеко, что заговорил уже о „Соединенных Штатах Европы“ — о Паневропе. Пока, конечно, это „музыка будущего“.

На самой Гагской конференции, уже в самом ее начале встретились две точки зрения. Одна — англо-немецкая, другая — французская. Согласно первой, все вопросы, связанные с „ликвидацией войны“, должны быть разрешены вместе и одновременно, — все равно: репарационный, предлагаемый к решению „планом Юнга“, и политический, который решил бы вопрос о выводе „союзнических“ войск из Рейнской обл. и Саары. Французская точка зрения защищает постепенное решение вопросов, без тесной взаимной связи их: сначала бы вступил в силу план Юнга, а об остальных вопросах говорилось бы потом, применительно к обстоятельствам.

Обстановка усложнилась несогласием нового английского правительства принять Юнгов план без „поправок“ в пользу Англии.

Члены комиссии, которые выработали Юнгов план, объявили (точно так же, как в свое время при выработке плана Давеса), что принят он может быть или весь целиком, или отклонен тоже в целом. С этим согласились: Франция, Бельгия, Италия и Япония. Не согласилась Англия.

Германия стоит особо. Она желает наискорейшего вывода войск из Рейнской обл., в чем ее поддерживает

Англия. С другой стороны, она хочет и безотлагательного принятия плана Юнга, в чем находит поддержку у Франции. С одной стороны, боится возможной неудачи конференции, с другой — не прочь что нибудь выторговать, пользуясь несогласиями между Англией и Францией.

В конце концов, компромиссы вероятно будут найдены. Все участники конференции отдадут себе ясный отчет в том, какие большие вопросы стоят перед ними и какие тяжкие последствия могли бы наступить в случае ее неудачи.

Удастся или не удастся Гагская конференция, но для всех ясно одно (об этом говорят сейчас везде открыто): конференция эта положит конец Антанте, а прежде всего, вероятно в ближайшее время разойдутся несколько в своей международной политике Франция и Англия. Так ли это и что из этого будет, — покажет будущее.

На Дальнем Востоке.

Известия, которые одновременно приходят из Москвы и из Китая, свидетельствуют о мелких стычках и перестрелках на границах Маньчжурии. Обе стороны сваливают друг на друга вину за инициативу таких „недоразумений“. Москва утверждает, напр., что 17 августа вечером отряд китайцев и „белогвардейцев“ перешел советскую границу и напал на сов. передовой отряд. Советские войска ответили контр-атакой. Точно также, Москва „жалуется“ на повторяемые китайские нападения на полосу отчуждения Восточно-Китайской ж. д. и сов. пограничные патрули.

Из Мукдена, в противовес этому сообщают, что маршал Маньчжурии Чансуэлян заявил, что он чрезвычайно огорчен теми способами, какими пользуются советские для противокитайской пропаганды. Китайское войско находится на расстоянии десяти километров от границы. Китай твердо стоит на точке зрения обороны, но твердо решил внутри своих границ искоренить коммунистическую пропаганду в самом зародыше. Нанкинская национальная власть обещала маньчжурской власти свою полную помощь.

Москва, в свою очередь, называет это заявление выдумкой, которая имеет в виду замаскировать китайские пограничные налеты. Московское телеграфное агентство утверждает, что сов. войска ограничиваются только обороной своих границ.

Казачья эмиграция.

О выступлении Глазкова.

28 июля 1929 г. Мы, вольные казаки (Бараньского округа), быв в своем собрании и прочитав статьи из „Возрождения“ по поводу выступления с докладом г. Глазкова о В. К., после обмена мнений постановили:

Ввиду того, что Иуды (не искириотские, а казаки) еще и по настоящее время не перевелись между нами, казаками; те Иуды, которые разогнали с благословения Деникина Раду и вешали Кулабухова; Иуды, для которых я личное ставится выше святости всякой идеи мы считаем выступление Глазкова явлением обыкновенным, не заслуживающим никакого внимания, а потому, выразив Глазкову, как казаку порицание и крикнув: Да здравствует Вольное Казачество! так, чтобы услышали г. г. Мейснеры, Варшавские и т. п., просим редакцию „В. К.“, поднявшую стяг за спасение наших казачьих Краев, не опускать его, твердо идти намеченной дорогой, уделяя большую часть журнала не на полемику с господами Глазковыми, а на проведение намеченной идеи, каковую мы считаем истинно казачьей. Принося раньше времени благодарности редакции за понесенные труды, мы заканчиваем свое постановление словами кубанского поэта Гната Макухи:

Тим, хто у драній свитині
Волю Кубані кує і в чужині,

Хрест сей бажає до смерти нести —
Слава вам, слава!.. і слава, брати!

Постановление это, от имени 55 человек по доверенности подписали: подхорунжий **Георгий Зеленский**, есаул **Клавдий Романенко**.

Хор „Платов“ в Югославии.

Имя „Платов“ прозвучало по всей Югославии; слышно о нем стало еще задолго до приезда хора в королевство, писалось о нем на страницах местных газет. Про славу хора, которую он оставлял на пройденных им путях по Европе, побывав почти во всех столицах и больших провинциальных городах ее шла молва давно.

Хорошо знакомое слово **казак**, давно уже усвоено между иностранцами и всегда вызывает один и тот же восторг. Проездом из Греции, казаки — хор имени атамана Платова — делают турне по Югославии. Двенадцатого и четырнадцатого июля даны были концерты в Белграде. Шестнадцатого в области Баната, в городе Вел-Бечкерек, где пришлось побывать и вашему корреспонденту, который и хочет записать строку в страницу казачьих заграничных воспоминаний, как память о нашем настоящем.

В час того же дня, в ожидании приезда хора, на

Хор донских казаков „Платов“.

вокзале собралась масса народу. Каждый старался захватить себе получше и поудобнее место, чтобы посмотреть обвеянных славой, красавцев-Платовцев. Пришел посмотреть и тот, кто хотел-бы их видеть на сцене зала, но в виду высоких цен, не мог этого удовольствия себе позволить. Здесь были сербы, венгры, венгерки и русские, которые поднесли букет цветов дирижеру Н. Кострюкову. Казаков здесь было замечено мало, потому что они все заняты своими будничными работами.

От имени вольных казаков, которые поручили приветствовать этот славный хор, приветствовал С. по случаю счастливого его прибытия в Банат, на что хористы выразили ответную благодарность. По выгрузке вещей, квартир'ер объявил казакам расквартирование хора — гостиницу „Централь“.

Вечером в 5—6 часов, казаки появились на улицах города, при полной, донской, казачьей форме; всюду можно было слышать „Дон козак, Донские козаци“. Концерт был заказан в 9 часов вечера, в городском Сокольском доме, который мог вместить до 5000 зрителей. Зал был переполнен еще до 8 часов и касса к 9 часам была уже закрыта за неимением билетов.

Сколько было здесь разговоров о казаках, их вольно-казачьей жизни! Один доказывал другому, что не было и нет им равных...

С появлением на сцене дирижера Кострюкова зал задрожал от грома долго неумолкавших аплодисментов. За дирижером один за другим, стройной казачьей походкой выходили хористы и, ловко поворачиваясь, занимали места. Все возрастающие аплодисменты не давали возможности приступить к концерту. Долго ждал Кострюков, наконец, недождавшись, начал „Всколыхнулся, взволновался“ и заставил зал напряженно замереть. По окончании гимна публика начала неистовствовать, требуя повторения, но дирижер, выходя несколько раз, поклонившись уходил, так как в виду обширности программы, не мог особенно биссировать.

После небольшой паузы, казаки продолжали свое дело. За каждой песней были дружные аплодисменты, переходящие часто в овации, от топота ног гремел пол. Кострюков должен был вновь и вновь появляться и, уступая настояниям публики, повторять песню..

Наконец, все песни были спеты: „Волга — Стенька Разин“ „Эй ухнем“ и т. д. Публика требовала все нового и нового повторения.

Концерт закончился артистическим исполнением казачка, под песню „раздушка казак молодой“, который заставил публику лезть на стулья, чтобы лучше рассмотреть — виртуозов танцоров.

И так, с криком и гамом, с неудовольствием за скорый, как им показалось, конец концерта, в 12 часов ночи стала публика расходиться по домам, но во дворе, громадная толпа все еще поджидала появления казаков, чтобы еще раз взглянуть на них.

На долгое и долгое время запомнит каждый посетитель приезд казаков донцов в этот город.

17-го хор выехал в Суботицу, где даст концерт 18 сего месяца. Да будет вам, братья всюду успех, в делах ваших. Вы заслужили его! Орловат. С-Х-С.

Г. Ал...ов.

1000-ный концерт платовцев.

Донской казачий хор имени Атамана Платова под управлением Н. Ф. Кострюкова устраивает 2-го будущего сентября в Сметановом зале Пражского презентачного дома свой юбилейный 1000-ный концерт.

Платовцев и их дирижера знают сейчас не только казаки. Знает их целый мир. А это — лучшая оценка, ибо мир завоевывают только таланты.

Пожелаем же, чтобы следующий юбилейный концерт Платовцы давали в своем родном Краю, на казачьей своей Земле.

Скоплянская Общеказачья Станица.

(Югославия).

Жизнь Скоплянской Общеказачьей Станицы фактически началась с декабря 1928 г., когда теперешний станичный Атаман Яков Степанович Ковган, казак ст. Старолеушковской, взялся ее создавать. Много ему пришлось встретить затруднений со стороны части русской колонии — ярых противников казачьей семьи и казачества; много пришлось иметь с ними стычек и неприятностей, свидетелями чего являются все казаки. Много пришлось услышать нареканий, обвинений, быть оклеветанным в коммунизме, но неисчерпаемая молодая энергия Атамана, сила воли, любовь к казачеству — помогли ему пройти через все фазы эмигрантской грязи и с честью выйти победителем. Теперь все здесь о казаках знают, с уважением относятся к станице, как самому здоровому эмигрантскому ядру; жизнь станицы наладилась. Остается желать, чтобы станичники этой большой по численному составу станицы, — поддерживали ее, поддерживали своего выборного Атамана, высоко несли знамя казачье.

С разрешения властей Атаман собрал сходку 28-VII-29 г. для перевыборов предварительно раздав соответствующее обращение к станичникам. Сходка не состоялась в виду того, что недоставало на сходке нужного числа станичников для перевыборов (нужно 60 чел.) по положению о станицах, поэтому Атаман в частной беседе информировал собравшихся о жизни станицы, о трудностях, которые встречаются в связи с воинственным настроением противников станицы и казачества.

Сходка отложена на 18-VIII-29 и уже получено разрешение надлежащих властей, но мы — станичники — надеемся, что наш Атаман Я. С. Ковган отзовется на наши просьбы и останется на посту Атамана и дальше. В помощь ему постараемся выбрать энергичных, любящих казачество, достойных положения — помощников, людей, которые по казацки думают и по казацки делают.

Думаю, что казаки других станиц переживают те же неприятности от „Слюнявых“, но здоровая казацкая идеология с презрением шагает через все эти гадости и идет своим казачьим шляхом, путем сохранения казачьих традиций, путем который нам указали наши славные предки.

Казак Иван М. Ляпин.
Ст. Вознесенской (Куб.)

Я. С. Ковган.

Путешествие кубанцев в Перу.

(Из письма ген. Павличенко к Кубанскому В. Атаману).

По прибытии в Марсель мною с должным вниманием и воинскими почестями, была встречена группа казаков, едущих в Перу из Франции.

Простояв на рейде в Марселе до 5 часов вечера, наш пароход „Оразис“ 31 мая вышел в море, при довольно сильном ветре, но, благодаря величине корабля, качка была едва приметной и 1 июня около 9 часов утра мы вошли в порт Барселона, где пароход стал у пристани итальянского пароходного общества. Многие из казаков пошли осматривать город, причем всем понравился памятник Колумбу, здание яхт-клуба и много других сооружений. В 4 часа вечера мы тронулись в дальнейший путь. На рассвете 3 июня прошли Гибралтар выйдя из Средиземного моря в Атлантический океан, и около 9 с половиной часов утра вошли в Испанский порт Кадиз, с тем, чтобы отсюда начать переход Атлантического океана.

Наш великан „Оразис“, приняв небольшое количество грузов и пополнив запасы пресной воды, двинулся в 5 часов вечера в одиннадцатидневное путешествие через океан.

Все готовились к тому, что океан доставит много неприятностей, а в действительности, благодаря тихой погоде, все путешествие превратилось в сплошное удовольствие. Погода благоприятствовала путешествию и даже намека на шторм не было. Жизнь текла нормально. В 7 часов утра пили кофе, затем выходили на палубу, где одни занимались изучением испанского языка, другие играли в карты, третьи принимали солнечные ванны, а четвертые, собираясь группами, обсуждали вопросы будущего устройства жизни в чужой стране.

В 12 часов дня обед. Перед обедом общая молитва с словенским трапезы священником. Стол обильный и вкусный. Образец меню: соленая закуска, горячее второе, сыр, вино. После обеда каждый занимался своими делами, хор трубачей разучивал что-либо новое, а хор певчих разучивал церковное или светское пение. В 6 ч. 30 м. ужин, состоящий из горячего второго, сыра, фруктов, кофе, вина. После ужина поверка, общая молитва на палубе, а затем хор трубачей развлекал пуб-

лику и вообще под музыку и танцы происходила спайка между казаками и пассажирами всех классов, высказывавших свои симпатии казакам, поведение которых все время безупречно. Всюду порядок и дисциплина.

Не смотря на то, что к столу выдается вино в неограниченном количестве, таковым никто не злоупотребляет. Создалось что-то вроде круговой поруки и идет соревнование в хорошем поведении и недопущении ничего того, что могло бы подорвать и запачкать авторитет казачества.

На третий день по выходе в океан капитан парохода пригласил к себе на чай г. г. офицеров и между прочим высказался, что за все время его долголетней работы по перевозке эмигрантов всех национальностей он первый раз видит такую спаянную и дисциплинированную группу и, не смотря на существующий закон о том, что все оружие, имеющееся у пассажиров, должно сдаваться ему, он не находит причины применить этот закон к казакам, в виду их образцового поведения и безусловной лояльности во всех случаях морских обычаев и законов.

На другой день всем казакам был устроен кинематограф, при чем было продемонстрировано несколько комических картин, понравившихся казакам. При приближении к Американским берегам наше путешествие было ознаменовано неслыханным в истории пароходного общества, событием: был совершен обряд бракосочетания казака с казачкой французской группы, окончившееся великолепным ужином и танцами в первом классе до 3-х часов ночи, при чем и здесь, не смотря на то, что было подано больше вина, даже намека на какой либо беспорядок не было, и, таким образом, казаки выдержали экзамен блестяще. Невеста получила несколько ценных подарков.

На двенадцатый день подошли к острову Тринидаду, находящемуся под Английским протекторатом, и в виду неимения удобной бухты бросили якорь в миле от берега. Через пол часа пароход был окружен лодками негров, заполненными бананами, кокосовыми орехами, ананасами и другими неизвестными нам фруктами. Кто имел деньги, мог поехать на берег на паровом катере. Выгрузив на баржи груз, пароход снялся с якоря и вышел в море, направляясь к берегам Венесуэлы, куда прибыл к 4 часам дня на следующий день. Вошли в порт „La Guaspa“ и как только был спущен трап, все казаки партиями отправились осматривать город.

Вечером на палубе играл хор трубачей, собравший в порту массу публики, пришедшей ближе посмотреть на казаков и послушать музыку. На следующий день в 5 часов вечера вышли в море продолжая свое путешествие к острову Кюрасо, принадлежащему Голландии. В Кюрасо прибыли на второй день утром, но здесь наше пребывание вызвало тревогу; в виду того, что за несколько дней до нашего прибытия, группой авантюристов из Венесуэлы была проведена попытка захвата этого острова с целью присоединения его к республике Венесуэла. Эта попытка не удалась. Даже артиллерия и весь гарнизон острова были приведены в боевую готовность и лишь после того, как капитан объяснил цель нашего путешествия, тревога унялась. В виду недостаточности времени, побывать в городе удалось только небольшой группе казаков.

В Кюрасо присоединились к пассажирам третьего класса 2 русских, приехавших в Перу еще в 1918 г., которые наговорили нам прямо чудес о возможности заработка и быстрого обогащения в Перу, ибо это самая лучшая часть Южной Америки. Кроме того доктор Перуанец прочел казакам на французском языке лекцию, переведенную попутно одним из офицеров, которая в свою очередь укрепила веру и надежды казаков.

Из Кюрасо вышли в 10 часов вечера, провели ночь и день в море и на рассвете другого дня вошли в порт Кристоаль, где простояли сутки и затем начнем путешествие через Панамский канал.

Следует отметить, что с нами едут в Перу немцы-колонисты, которые переселяются по вызову выехавших ранее, но благодаря их неорганизованности, с ними никто не считается. В порту Кюрасо и Кристоале казаков уговаривали остаться, предлагая им по 5—6

долларов заработок, но они на это не идут, т. к. сел. хоз. работы в Перу приносят прямо баснословные доходы.

Когда мы находились в порту Колумбии, подошедший к пристани огромный германский пароход „Ориноко“ приветствовал казаков оркестром и просил трубачей, танцоров и песенников посетить их пароход, но по некоторым соображениям от этого приглашения пришлось отказаться.

Вообще во многих портах Южной Америки встречные русские говорили о Перу только хорошее, гарантируя там все блага и избавление от прожитых лишений и невзгод.

После 9-ти летней беженской жизни наше путешествие: по отдыху, удобствам, столу и массе впечатлений нельзя сравнить даже с месячным пребыванием на каком-либо лучшем курорте...

(Сообщил Еф. Якименко)

Р. С. От редакции. Мы охотно помещаем настоящее описание переезда казаков через океан; от всей души желаем, чтобы исполнились чаяния и надежды, какие возлагают казаки на Перу, но, исключительно в целях осторожности предупреждаем своих читателей, что Перу лежит на экваторе, климат там нашим казакам непривычный: жарко и сыро. Как они его выдержат, не знаем. Подождем поэтому писем оттуда, пусть нам сообщат сами казаки из Перу, действительно ли они нашли там то, что искали. До этого, повторяем, лучше быть осторожным.

Кубанцы в Перу.

Когда в русских и иностранных газетах Франции и Югославии были помещены заметки о том, что инженером Королевичем получено разрешение на колонизацию казаками плодороднейшей долины реки Апури-мака, находящейся на территории республики Перу, в южной Америке, многие из общественных, политических и военных деятелей эмиграции, заподозрив в этом недобросовестные намерения предпринимателя, частью открыто, частью с некоторым недоверием высказывались против этого переселения.

Несмотря на то, что было предположено одновременно организовать две партии по сто человек, одну из Франции, другую из Югославии, эта агитация привела к тому, что из Югославии выехало 96 человек (почти все казаки) и из Франции 60 человек, при чем все эти люди задались целью лично убедиться на месте в истине.

Двадцать четвертого мая сего года со станции Белграда отошел эшелон Кубанских строевых казаков под командой генерала Павличенко, при хоре трубачей, кубанском флаге и иконе, которой Войсковой Атаман ген. Науменко благословил казаков в их смелом путешествии в поисках казачьего счастья.

Цель путешествия генерала Павличенка была такова: или создать благополучие всему разбросанному за рубежом казачеству или принять на себя вместе с первой группой все тяготы разочарования и лишения неудавшегося предприятия. Само собой разумеется, что поставленные выше цели послужили основанием к тому, что за генералом Павличенко последовало из Югославии всего 96 человек, несмотря на то, что записавшихся было вдвое больше.

Двадцать шестого мая эшелон казаков прибыл в Сушак при весьма доброжелательном отношении к казакам Югославских и Итальянских властей, перешел Итальянскую границу в форме, с оружием. В Фиуме казакам было предоставлено два больших пассажирских вагона в которых казаки совершили путешествие до Генуи, встречая на своем пути доброжелательное отношение властей и населения. В Генуе казаки были размещены в гостинице „Ницца“, где пользовались всеми удобствами в ожидании погрузки на пароход „Оразио“. 29 мая казакам была привита оспа, а 30 мая в 2 часа дня казаки погрузились на пароход, куда пришли провожать их Югославский и Перуанский консулы.

В 5 часов вечера этого же дня пароход отошел от пристани Генуи.

За время 27-дневного пребывания на пароходе казаки завоевали симпатию пассажиров и администрации парохода. Весь переход совершен при весьма благоприятной погоде и казакам показались невероятными те ужасы, которыми полны рассказы о бурном океане. 27 Июня, прибыв в город Каллао, начали немедленно выгружаться.

На пристани нам была устроена восторженная встреча. Военный министр командировал для этого двух штаб-офицеров и одного обер-офицера для связи. По окончании выгрузки все вещи были перевезены в отведенные помещения, а казаки немедленно приглашены во дворец к президенту республики. Был подан экстренный поезд, составленный исключительно из вагонов первого класса, перевезший казаков из Каллао в Лима, в столицу Перу.

Со станции, в строю, с хором трубачей казаки отправились к резиденции президента (палас). Президент встретил казаков на балконе. После приветствий и восторженного приема со стороны населения президент республики пригласил казаков в приемный зал дворца, где ему от имени Куб. Каз. Войска были преподнесены шашка, кинжал, черкеска, шапка и пояс. Таковые подарки он принял с большим уважением и благодарностью.

Президент республики Перу в речи своей, обращенной к казакам, сказал, что он безмерно счастлив видеть у себя казаков, сохранивших свои традиции, дисциплину, выправку и свою родную форму, несмотря на то, что прожили в изгнании 9 лет, не получая ни от кого из бывших союзников поддержки, но что теперь, казаки, попав в республику Перу, найдут себе вторую родину и им будет оказана самая широкая поддержка со стороны правительства и будут указаны пути и возможности к быстрому приобретению богатств для заслуженного отдыха к старости. Высказал пожелание, чтобы следующие партии казаков, которые будут направляться в Перу, приходили в форме, под командой своих офицеров, с полным сохранением своих обычаев и дисциплины, без которых он не представляет себе Казачество. Кроме того, было сказано, что всем нациям, впредь до переселения и устройства на землю всех казаков, находящихся в рассеянии, правительство не будет оказывать поддержки, так как все средства будут предоставлены казакам.

Как на самого президента, так и на всех министров и население дисциплина казаков произвела самое сильное и выгодное впечатление.

По окончании аудиенции у президента, казаки вернулись с тем же поездом в Каллао.

2 июля министр земледелия пожелал поближе познакомиться с казаками, для какой цели пригласил их к себе домой. Вечером в великолепной вилле министра собрались влиятельнейшие лица республики и в двух автобусах были привезены казаки в количестве 50 чел. Причем, к этому времени были шиты новые гимнастерки и брюки, что дало возможность представить казаков одинаково одетыми. В огромной зале хозяина разместились гости и казаки.

Казачьи песни и танцы чередовались с танго и фокстротами. Среди казаков был образцовый порядок, ни одного лишнего слова и движения. Во время исполнения казаками песен всем были розданы папиросы, бутерброды, холодные закуски, куриный бульон, желе, сладости, пиво и лимонад.

Лишь после настойчивых просьб хозяин отпустил казаков в третьем часу ночи, так как на следующий день должны были приехать министры военный и внутренних дел и начальник республиканской жандармерии. В тех же автобусах, ожидавших все время казаков, казаки отправились домой, унося с собой лучшие воспоминания об оказанном им радушном приеме.

3 июля казаки выстраиваются с хором трубачей и Кубанским флагом в ожидании гостей. В 11 часа утра приезжает военный министр, министр внутренних дел, начальник жандармерии с женами, а также католический епископ, представитель Рима в Перу.

После того, как казаки прошли церемониальным

маршем перед высокими гостями, министры пожелали осмотреть помещения и послушать их песни. После осмотра гости заняли места, песенники исполнили несколько казачьих песен, а танцоры исполнили лезгинку с кинжалами, вызвали бурю аплодисментов. Военный министр сделал распоряжение о выдаче по комплекту обмундирования и о передаче казакам Перуанского штандарта, благодарил казаков за порядок и дисциплину, сохраненную ими на чужбине, обещая им поддержку в их будущей жизни.

Начальник полиции и министр внутренних дел в теплых речах обласкали казаков, при чем начальник полиции пообещал прислать казакам несколько охотничьих ружей и карабинов, что казаков весьма обрадовало. Епископ благословил казаков и в свою очередь обещал дать поддержку со своей стороны, а дамы раздали детям и женщинам подарки.

После отбытия гостей казакам были выданы деньги для покупки продуктов к предстоящему путешествию и все ушли в город покупать необходимое. После ужина, когда казаки стали на вечернюю молитву, прибыл от военного министра офицер с почетным караулом, передавший в торжественной обстановке Штандарт, прося любить его, хранить и уважать, как свой.

Немедленно после этого было доставлено обмундирование, состоявшее из брюк, френчей и фуражек по числу казаков, а чиновником министерства внутренних дел были переданы дежурному офицеру 9 дробовых винчестеров и 5 охотничьих карабинов мелкого калибра. Кроме всего этого, министр земледелия сделал распоряжение о том, чтобы каждому казаку, когда он станет на землю, была приобретена за счет правительства лошадь.

Все это вместе взятое укрепляло веру в людях в лучшее будущее, заставляя их конкурировать между собой в выдержке и дисциплине.

4 июля сего года по сигналу трубача под'ем, затем вещи грузим на автомобиль, пьем чай и в строю, с хором трубачей, со своим Кубанским флагом и Перуанским Штандартом впереди отправляемся на вокзал.

Быстро грузим багаж и сами размещаемся в вагонах. С нами едут к месту поселения оба брата Королевичи, окружая нас заботами и вниманием. На следующей остановке присоединяется к нам представитель военного министра, сопровождающий нас до Лимы. В Лиме казакам передаются две корзины бутербродов. Всюду внимание. Телеграф несет приказание всюду оказывать поддержку казакам.

Готовимся к под'ему по железной дороге, на 5430 м. Надо заметить, что это самая высокая в мире, безмерно тяжелая в техническом выполнении и самая дорогая железная дорога.

В начале под'ема покупаем лимоны и апельсины дабы предохранить себя от тошноты в разреженной атмосфере на высоте 5430 метров, где вершины гор уже покрыты снегом. Достигнув самой высокой точки перевала, начинаем спускаться в долину неизвестной нам реки. В 9 ч. вечера прибываем на конечную станцию ширококолейной жел. дороги, где нам предстоит пересадка на узкоколейную. Ночевать остались в вагонах. Поднимаясь на перевал и опускаясь, мы прошли 68 туннелей. 8-го июля в 6 ч. 30 минут утра перегружаемся в другой поезд и в 7 часов утра двигаемся в дальнейший путь.

Проехав по узкоколейной железной дороге 280 км., прибываем на конечную станцию, где нас ждут автомобили.

Преодолев все препятствия, первый автомобиль прибывает в Айяйкучи. Люди, утомленные путешествием, размещаются для отдыха. 6-го июля рано утром братья Королевичи уже с казаками. Выдан аванс. Покупаются котлы, кастрюли продукты и дрова. К 12 часам дня все готово. Раздается хлеб. Вкусно пахнет борщ. Аппетитно дымят огромные порции мяса.

На дворе с утра префект, комендант города, господа офицеры и масса публики. Казаки чисто выбритые и умытые, выглядят молодцами. Порядок полный.

8-го июля утром грузятся два автомобиля вещами казаков и отправляются вперед, так как переход от Айяйкучи до Тамбо 60 килом., решено совершить походным порядком.

Выступление назначено было на 9 июля в 4 часа утра, но после обеда к казакам явилась депутация от мэра города, начальника гарнизона и префекта, прося отложить выступление до четверга 11 июля, т. к. население и власти хотят устроить им достойные проводы с обедом.

Несмотря на то, что все рвутся к работе и своим землям, пришлось принять это предложение. Выступление отложено. Все вещи отправлены автомобилем, затем перегружаются на вьюки и идут в Тамбо, куда уже ушли квартир'еры.

Сотник Черепов, Константин Фадеев.
Перу. <

От'езд казаков из Болгарии в Перу.

20 сего августа в 7 ч. утра из Софии отошел поезд с казаками, уезжающими в Перу искать себе счастья.

Уехало 17 человек, из них 7 женатых на болгарках; жены-славянки поехали охотно.

На станции было много казаков, провожавших от'езжающих. Провожая, многие плакали.

(Соб. кор.)

В Казачьих Землях.

Расслоение казачества.

Как известно, „рабоче-крестьянское“ правительство всегда стремилось к ущемлению сельского населения в пользу городского пролетариата. Подобная политика в отношении казачества проводилась с особенным удовольствием, как вследствие ассоциаций, связанных с понятием „казак“, так и вследствие известной зажиточности казачьего населения в прошлом. Это последнее обстоятельство советским правительством, по крайней мере в отношении некоммунистов, считается за смертный грех. Идеальным состоянием для сельского населения, по представлению советского правительства, есть состояние бедности. В крайности бедняку позволено подняться до положения середняка. Вообще же в представлении коммунистов село, элемент ненадежный. Для обезвреживания его нужно расслоить. Яркую картину этого расслоения среди казаков дает Северо-кавказский корреспондент „Экономической Жизни“ в № 138 этой газеты. Характерно уже само, взятое в кавычки, заглавие корреспонденции: „У нас кулаков нет“. Под-

заголовок не менее характерен: „Коммунисты, которые прячутся от хлебозаготовок“. Но, дадим слово самому корреспонденту:

„Поступающие с мест сведения, говорит он, — дают весьма интересную картину того классового расслоения села, которое ярко выявилось в связи с хлебозаготовками.

Прежде всего нельзя не остановиться на ряде фактов кулацкого террора, о котором сообщают из многих станиц. Приведем сейчас несколько характерных и при том свежих случаев.

В с. Новогригорьевке, Воронцово-Александровского района, выстрелом из обрезка, через окно, т. е. этим столь известным уже кулацким методом расправы, ранена активная общественница, член закупочной комиссии беднячка Матрена Дорожко; в с. Стародубовском группа кулаков избивала комсомолку Лемерь, организовавшую бедняко-батрацкую молодежь для содействия хлебозаготовкам; в с. Прасковья, Прикумского района кулаки Корнеев и Чуркин избивали батрака Мошкова, принимавшего участие в заготовках; в Воронцовке ку-

лаки Ржевские напали на члена закупочной комиссии Горковенко и т. д.

Кое-где отмечены случаи, явного вредительства со стороны кулаков, не редко готовых скорее уничтожить имеющийся у них хлеб, нежели продать его государству. Так, например, в ст. Кирпильской на Кубани, один из кулаков выбросил в реку 2 тонны кукурузы, вместо того, чтобы отвезти ее на ссылку.

Укрывательство хлеба в ямах и всякими другими способами получило в практике северо-кавказского кулака за последнее время широкое распространение.

В ст. Батуринской у кулака Лупыря обнаружен в яме целый склад муки и мануфактуры. В ст. Славянской у кулака Ковалева найдено несколько тонн хлеба в огромных ящиках, обмазанных глиной. Такие же сведения поступают из других станиц и сел края. Попытки противозаготовительной и даже антисоветской агитации, подпаивание и вербовка сторонников из наименее сознательной части середняков и даже бедноты, являются также излюбленными способами той „тихой сапы“ и саботажа, коими стараются кулаки парализовать развитие хлебозаготовительной работы. Весьма интересно также отметить, что в некоторых случаях кулацкое влияние простирается за пределы того обычного круга „подкулачников“, которые поддерживают кулацкие интересы. Имеется ряд фактов, свидетельствующих о том, что некоторые работники советского и партийного аппарата на местах не всегда оказываются на высоте положения и теряют ясную классовую установку, подпада под влияние кулачества. В ст. Кисляковской Донского округа и в ст. Иваново-Шамшинской нашлись партийцы, которые отказались работать по хлебозаготовкам. А в ст. Челбасской и Иркилевской (Кубань) целый ряд членов и кандидатов партии не только не приняли активного участия в подготовке к хлебозаготовительной кампании, но и не явились в ячейку в течении всего времени проведения хлебозаготовительных квартальных собраний. Некоторые ячейки и сельсоветы пытаются доказать, что в их селах никаких кулаков нет, а потому проводить заготовки совершенно нецелесообразно. Таким более чем странным „исчезновением“ отличились с. Жерновское (Шахтинского округа), ст. Незлобная (Терек), Копанская (Ейского района), пос. Звереве, Кишнек, (Кабардино-Балкария) и др. Здесь под флагом защиты партийной линии, говорилось: „У нас в станице кулаков почти нет, а те из них, кто еще остался, не имеет хлеба“.

В приведенной выше корреспонденции все характерно для советского быта. Но, все таки наиболее характерной нам кажется та наивность, с которой корреспондент повествует о всех этих уродливостях. Приходится удивляться не методом самообороны доведенного до отчаяния населения, а непониманию экономической жизни, что подобными корреспонденциями она в первую голову компрометирует самую советскую власть. На фоне второй корреспонденции того же северо-кавказского корреспондента в № 140 „Экономической Жизни“. Эта компромитация выступает еще ярче. Как известно, советское хозяйство, в противоположность капиталистическому, — плановое. Все у них заранее обдуманно и предусмотрено, но ничто не совершается согласно с этими предусмотрениями. Само собою, существует в СССР и план хлебных заготовок. Имеется он и для Северного Кавказа. И вот тот же корреспондент сообщает, что обследования рабочей-крестьянской инспекции выяснили, что с подготовкой уборочной кампании по всему северо-кавказскому краю запоздали. „Некоторые округа при этом, как, на пример, Ставропольский, Терский, Донецкий, вообще признали излишним представлять план уборочной кампании, а далее только общую, ничего не говорящую, директиву“. С сельско-хозяйственными машинами на Северном Кавказе дело из рук вон плохо. В одних районах, по словам того же корреспондента, их избыток, а в других — недостаток. А в тех и других из-за недостатка железа ремонт не произведен и т. д., и т. д. до бесконечности. Неудивительно, что при таких способах хозяйствования, у местных даже и искренних коммунистов возникают сомнения в целесообразности мероприя-

тий власти и они уклоняются от их исполнения. Получается расслоение уже не казачества, а самой коммунистической партии.

Сообщения со станиц констатируют, что казачество проявляет большую активность в борьбе за срыв летних хлебозаготовок. На Кубани, например, казаки открыто заявляют о своем намерении сказать всякое сопротивление хлебозаготовкам. В ст. Новорождественской Балдинов прямо заявил: „мы объявляем бойкот хлебозаготовкам“. В ст. Полтавской на станичном собрании кричали: „Без боя хлеба не дадим“. „Хлеба у нас нет...“. „Урожай от жары погибает...“. „Жук пожирает всходы“ и т. д.

Аналогичная картина проявления большевиками власти видна и на Тереке. Там даже прибегают к лучшим методам выдиранья зерна — ввели особый метод подхлестывания — соревнование районов (кто скорее выполнит план хлебозаготовок). Станичные собрания вызывают на соревнование другие районы.

На Кубани стали подражать Тереку. Славянский район вызвал ст. Полтавскую. В ст. Полтавской состоялись партийные, комсомольские и бедняцкие собрания, принявшие решения об обязательном выполнении плана хлебозаготовок.

В ст. Старо-Величковской провел соревнование кварталов станицы по выполнению майского и июньского плана и вызвали на такое же выполнение ст. Поповичевскую.

„Донская Правда“ сообщает, что выделенные станичные комиссии содействия хлебозаготовкам уже провели раскладку и вызвали всех кулаков, предложив каждому продать определенное количество зерна. Со всех кулаков взята подписка, что они к назначенному сроку полностью продадут все имеющиеся лишки.

Все вышенаведенные факты говорят нам о том тяжелом положении, в каком приходится работать нашим станичникам.

С. П.

С Кубани.

Поразбегалась наша интеллигенция по далеким краям и еле еле перебиваются там, дома житья нет; так и наши родные — брат страшно терпит в Туркестане, малярия, жара 48° в тени, дороговизна, все болеет, а выхода нет; в общем климат там не по нашим, пишет — люди, как тени ходят, солнечные удары часто бывают, а сюда вернуться нельзя — с голоду подыхать, на службу и думать нечего своим попасть, на это у нас чужие есть. Тетка тоже в отчаянии — вычистили ее мужа, по социальному происхождению, офицер казачий был, и хоть удалось восстановить в правах, но устроиться обратно не может, это гибельное дело быть вычищенным, даже зная его, как прекрасного работника ка бояться взять его, потому что могут обвинить в покровительстве чуждым элементам — хоть ложись да помирай.

Так то вот жить теперь в нашей пролетарской стране: полуголодные, полуголые, будем понемногу вымирать, а тут еще и природа ополчилась на нас — засуха стоит все лето, не только хлеба, но и овощи и фрукты все повыгорело, очень всего мало и цены по-этому, стоят высокие; уже есть новая мука, а кило хлеба, серого, мешаного, в частной продаже стоит 70 коп., а ведь не пшеничный. Не все же могут покупать у нас хлеб по казенной цене, для этого надо быть служащим или рабочим с семьями — рабочему дают 1 фунт в день, по карточке, а остальным по 1/2 фун. в день на душу, а мы, грешные, как хочешь, вот и живи как знаешь. А сколько нищих и старцев развелось, и как тяжело и стыдно что не можешь им помочь, сами почти старцем. А воровства сколько — с удовольствием вспоминаю, как раньше в станице с открытыми окнами спать можно было, а тут, в городе, теперь попробуй с вечера подремать, так тебя самого утащат, не то что скарб, так безобразно развелось воровство; а на базаре, так не то что с воров и из корзины, а и из рук ташут, а наружные карманы у нас так и называют „чужими“.

Библиотека „Вольного Казачества — Вільного Козацтва“. Кн. 3.

Печатается книга стихов

Юрия Гончарова.

в издании редакции журнала „В. К.“

Открыта подписка
на двухнедельный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 $\frac{1}{2}$ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и контора: Praha - Vinohrady, Orlická, 8. Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже: в Ч. С. Р. — 3 кр., в Польше — 0.75 зл., в Югославии — 5 дин., в Болгарии 10 лева, во Франции — 2 фр. 50 с. В других странах — 15 ам. ц.

Vydavatelé: Ignat Bilyj a Terentij Starikov. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a i. čís. 54197-VII.-1929. Tiskem Slovanského oddělení při knihtiskárně A. Fišer. Praha-Strašnice č. 289.